

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ИРКУТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

№1 (3) / 2015

Крестовоздвиженская церковь.
Графика Юрия Врублевского

Редакционная коллегия:

Балков К.Н. *член Союза писателей России (Иркутск)*
Гольдфарб С.И. *член Союза российских писателей (Иркутск)*
Зиновьев Н.А. *член Союза писателей России (Краснодар)*
Румянцев А.Г. *член Союза писателей России (Москва)*

Бронштейн В.В. *шеф-редактор журнала, член СП России*
Ясникова Т.В. *главный редактор, член СП России*
Корбут С.В. *технический редактор, член СП России*

Литературно-художественный журнал «Иркутской писатель». –
Иркутск, 2015. – 224 с. (Илл. – 6 с.)

Журнал издан при финансовой поддержке:

- МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И АРХИВОВ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
- Фонда духовного наследия Сибири
- Картинной галереи Виктора Бронштейна

Контактный телефон:

8-914-905-2514 (Татьяна Викторовна Ясникова)

E-mail: author.irk@mail.ru

Отпечатано в «СтройОптТорг»

СОДЕРЖАНИЕ

«Августовский лист»

С. Корбут. Быть счастливым... Стихи 3

Проза

К. Балков. Белый конь. Рассказ 10

Ж 125-летию посещения А.Н. Чеховым г. Иркутска

А. Румянцев. «Правда безусловная и честная...» 30

Листая страницы Дней русской духовности и культуры «Сияние России»

*А. Шахматов. Россия – вечность, а какая она будет – зависит
от нашей преданности к ней* 40

С. Виланова. Голубое око Сибири. Главы из романа 42

Поэзия

Е. Балкова. Из испанской тетради. Стихи 72

Проза

О. Петров. Уши большого брата. Рассказ 75

В. Дмитриевский. Теория правильных рассуждений. Рассказ 70

Н. Кольцов. Прикосновение к истине. Рассказ-эссе 88

В. Максимов. Живая душа. Рассказ 93

С. Волкова. Флигелёк с золотыми шарами. Рождественская сказка 137

Намьяны

Б. Лапин. Один из нас. Рассказ-быль 141

Т. Ковальская. Добрый долгожитель Алексей Лукич Ершов 149

Из новых книг

*В. Бронштейн. Спасительные сигналы едва не угасшей звезды
Даши Намдакова. Глава из книги* 155

Н. Зиновьев. Ночной дневник. Стихи 175

В мире слов и звуков

В. Рак. Мэргэн и морген. Логика развития речи. Исследование 183

«Литературные резервы»

И. Гранин. Стихи 202

В. Домрачева. Стихи 207

А. Скорый. Стихи 210

О. Фигура. Стихи 212

Е. Замирацкая. Стихи 218

Литературоведение

С. Имхелова. Верность отчей земле. О поэзии Андрея Румянцева 219

К. Балков. Родник поэзии. О новой книге Татьяны Ясниковой 221

ИЛЛЮСТРАЦИИ

(1)-(6)

* * *

Взнуздал коня – так отправляйся в путь.
Минувшее уже с тобой простилося.
И это «может быть, когда-нибудь...»
Всего лишь исчезающего милость.
Да, может быть, а почему и нет...
Да, и когда-нибудь возможно тоже.
Но это всё в невесть какой стране,
На прежнюю лишь призрачно похожей.
И как бы ты сейчас ни загрустил
И не решил, что в прошлом остаёшься,
Взнуздав коня, не отменяй пути:
В родном краю пришельцем обернёшься.

* * *

Всё в тебе – так что ты в мире ищешь?
Дольний путь – событий череда.
На воде картины не напишешь.
Но какая живопись – вода!
Живопись – в безудержном движенье
Горных рек и в статике озёр,
Перелив оттенков отраженья
Каждый миг затягивает взор...
Что там взор! Ты живописью дышишь!
Всё в тебе познать себя спешит.
На душе картину не напишешь.
Горний путь – движение души.

* * *

Быть счастливым... А кто не даёт?!
Будь счастливым, довольствуясь малым.
Только кто же, узрев, назовёт
Малым – эти вершины и скалы,
Облаков под ногами пролёт
И стеклом натянувшийся лёд
Над притихшим байкальским провалом!

Мир иллюзий, в котором жил,
Заменяется чётким фактом...
Но ведь жил-то я не по лжи!
Фатум.

.....

Жизнь совсем не такой была,
Как нам виделась в прошлом нашем.
Дней сегодняшних зеркала
Отражают её без фальши...

Вот такая она и есть –
С облетевшей листвой желаний,
Что давно превратилась в жёсть
Погремушек-воспоминаний.

Вот такая она – без грёз,
Просто было заметить сложно
И корявость нагих берёз,
И грядущего непреложность.

Юность – это пора игры,
Постановочных декораций,
Диалоги её сыры,
В них до сути не докопаться.

Но зато – половодье чувств,
Эскалация наслаждений.
Может, главное из искусств –
Реставрация заблуждений?!

* * *

В стоге сена искать иголку –
Безнадёжный исход труда.
Но спрошу я молве вдогонку:
Как попала игла туда?
Иль девица, на стоге сидя,
Вышивала кисет дружку?..
Не хочу никого обидеть,
Только лыко здесь не в строку.

Намудрили и на Востоке:
То ль по глупости, то ль с тоски
Ищут иглы в речном потоке,
Разгребают пустынь пески...

Вариантов, возможно, тыщи
По планете из края в край:
Немцы в стоге булавку ищут,
Англичане идут в сарай,
Где хранится у них солома,
Тщатся в поисках на лугу...
Тех, кто ищет иголку дома
Я и вспомнить-то не могу!

Нет, не в русском менталитете
Мудромыслия произвол.
Даль пословицу не отметил,
Ушаков её не привёл.

Значит, позже, из переводов
Обронилась иголка в стог.
Хорошо, что ещё не в воду,
Где промок бы я и продрог.

Вот отряхиваюсь от колкой
Ароматной сухой трухи.
В стоге мудрости нет иголки,
Лишь пословицы и стихи.

* * *

Глаза боятся – руки делают!
И голова не отстаёт,
Когда её идеи смелые
Работу двигают вперёд.

Вперёд, вперёд! Порой оглянешься:
На четверть, а потом на треть –
Труда огромного кусманище.
Ну, любо-дорого смотреть!

Вперёд! Но чуть за половиною
Пути намеченного – ах! –
Усталость чувствуешь лавинную.
И страх опять в твоих глазах:

Когда работа не закончена,
В её начале смысла нет!
Из лёгких воздух рвётся клочьями,
Тупая боль саднит в спине.

И на хребте перемогания,
Когда подмогу не зовёшь,
Ты, словно на втором дыхании,
До цели всё-таки дойдёшь.

Объятый негою постельную,
Себе ты скажешь перед сном:
«Глаза боятся – руки делают.
И ты – с руками заодно».

* * *

И я был прав.
И жизнь была права.
И все на свете тоже были правы,
Подыскивая тяжкие слова
Для странной полемической забавы.

Все спорили.
Но истину при том
Никто найти не мог. И не пытался.
Отстаивая личное в пустом,
Оставшись при своём, сошли с дистанций.

Остались я и жизнь.
Под общий смех
В боях без правил на большой арене
Мы год за годом развлекаем всех,
Сшибая лбы в пылу ненужных прений.

Удар пропустишь – жизнь уже летит.
Пропустишь довод – жизнь уже несётся!
Пора сказать бы: «Я неправ. Прости».
Но это ложь. А ложью кто спасётся?

* * *

Здесь в Ангаре вливается Иркут,
И дочь Байкала, не ценя свободы,
С ним разделяет ложе, но текут
Они, не сразу смешивая воды.

Иркут бурлит, поток холодный лют,
Ведь мощь его стихия гор питает –
Который день в Саянах ливни льют,
И снег вершин, сдаваясь лету, тает!

Иркут несёт деревья и кусты,
Несёт песок, мешает воду с илом.
А воды Ангары всегда чисты
Её потока грациозна сила.

Плыву на лодке, словно по меже,
И странно мне: взгляну направо, вижу –
Вод не найдёшь прозрачней и свежей,
Налево – мутный сплав с оттенком рыжим.

Не знаю где, но где-то далеко,
Туда на лодке долго плыть придётся,
Должно быть место, где река с рекой
В один поток очищенный сольётся.

* * *

Нашу персть земля возьмёт...
Фёдор Тютчев

Из тьмы пришёл...
Или прошёл сквозь тьму,
Покинув свет,
до нынешнего света,
Которым всё просвечено, согрето,
Всё, даже недоступное уму...
До этого – не помню ничего,
Лишь тьма, как колыбель, меня качала,
Вдруг вечность кончилась, и грянуло начало –
Моё – в потоке света – естество.

Я был всегда. Мне трудно понимать,
Что не было меня или не будет,
Что главный мой исток – отец и мать –
Из люлек предков вышедшие люди.

Они ушли, их нет ни там, ни здесь,
Лишь нить родства, вплетённая в орнамент
Судьбы, напоминает временами,
Что плоть земли возьмёт земную персть.

А я уйду в себя, как в глубину
Бездонную, где тьма живёт и дышит,
Откуда я, себя не помня, вышел
И нить родства сквозь белый свет тяну.

* * *

Страницами порхает книжица,
Как мотылёк фантаста Брэдбери,
От ветерка трава колыхнется...
Как хорошо, что время движется,
А мы не движемся во времени.

Потянет в прошлое до одури –
Исправить всё, что напорщено,
Вернуть, что так бездарно отдано,
Создать, что вовремя не создано,
Собрать, что было зря растрчено...

Но в мире всё взаимосвязано,
И если в прошлом вырвать тернии,
Все чувства подчиняя разуму,
Не будет ли судьба обязана
Ответить новыми потерями?

Жизнь безошибочно не пишется.
И мотылёк фантаста Брэдбери
Порхает над открытой книжицей,
И время неовзвратно движется,
И мы не движемся во времени.

* * *

Вскипает мозг от стихотворных строк,
Весь алгоритм прокачивает сразу:
Скрепляет тропами венцы на срубе строф,
По ватерпасу встраивает фразу,
Тачает благозвучий кружева,
Орнамент точной рифмы нарезает,
Соединяет смыслами слова,
Как смальту по оттенкам для мозаик...
Кипит работа – строятся стихи.
Потом перо касается бумаги.
Под взглядом автора, обманчиво-тихи,
Слегка парят следы чернильной влаги.

* * *

Проходили бездарно дни,
И бессмысленно шли года.
Их попробуй теперь, верни:
Да хоть вывернись – никогда!

Хорошо, что ума росток
От сухого пробился пня.
На оставшийся жизни срок
Наконец-то взнуздал коня.
Застоялся лихой – несёт!
За верстою летит верста...
Лет потерянных не спасёт,
Дни бы тщетные наверстать!

* * *

Луна прошла восьмую часть пути,
А звёзд не разглядишь за облаками...
Я небосвод готов вращать руками,
Чтоб ночь быстрее к рассвету привести.

Тяжёлый сон призвал гудящий рой
На гнус похожих мыслей-кровососов.
Обрывки строк, как строки или осы,
Мне жалят мозг, хоть голову закрой
Подушкой, хоть водой её облей...
Облил водой – не стало веселей.
Залез в халат, спасаясь от озноба.
И страх безумный, как мертвец из гроба,
Поднялся, злобно скалясь, из нутра:
Какая чушь! – как на ветру осина,
Затрепетал: дожить бы до утра.
И сердце – самолёт без керосина...

Три четверти пути прошла луна.
Но я уже её прикончил бредни:
Лечу к восходу на велосипеде.
Гудит в ушах.
А в мыслях – тишина.

* * *

Мир наживы и лжи изменить мы, увы, не вольны,
Золотому тельцу поклоняются рьяней, чем Богу.
«Деньги ценятся выше своей настоящей цены», –
Генри Менкен изрёк; возразишь ли такому предлогу?

Из мельчайших обманов всемирный сложился обман:
Даже в ценностях духа финансовой выгоды ищем.
Что «рубашка своя»?! Ближе к телу набитый карман,
И неважно, что в нём: миллиард или тощие тыщи.

Главный лозунг: «Урвать!» –

Ну а совесть давно не в чести,
К золотому тельцу с чистой совестью не подступиться.
На убитой планете бульдозером деньги грести,
А не то что лопатой, наверное, будут убийцы.

Менкен слабо сказал! Деньги ценятся выше людей:
Золотому уроду приносятся в жертву народы!
И не только ему.

Каждый день, каждый день, каждый день
Губы в свежей крови у колосса продажной свободы.

Золотой миллиард прибирает планету к рукам,
Для него человечность ничто, человечество – ветошь.
По пустынной земле потечёт золотая река,
Исполняя химеры каких-то ветшайших заветов.

* * *

Рука касается руки
И взгляд встречается со взглядом.
Движенья встречные легки
В часы гармонии и лада.
Они несут тепло и свет,
Преграды суетности рушат
И оставляют счастья след
В наполненных любовью душах.

Но как бывают нележки
В тисках душевного разлада
Движенье встречное руки
И встречное движенье взгляда.
В них ни тепла, ни света нет,
Они с трудом преграды рушат
И оставляют горький след
В любви не чувствующих душах.

И надо много пережить
И многое простить друг другу,
Чтоб колебания души
Не шли по замкнутому кругу:
Едва услышав вдалеке
Угрозу грозových раскатов,
И руку удержать в руке,
И взгляд не отвести от взгляда.

* * *

На первых снимках улиц, площадей
(Да как фотографии с ума не посходили?!)
Не сыщешь ни людей, ни лошадей –
А ведь они там точно проходили!

Красавицы, военные, купцы,
Священники, рабочие, студенты...
Спешили наших прадедов отцы,
И матери с детьми гуляли где-то...

Но выдержка была так велика,
Что всё живое просквозило мимо.
Не так ли в затянувшихся веках
Следы ушедших сделались незримы?

И если вдруг надумает людей
Изжить планета, с временем в обнимку
Недвижимость останется на ней –
Пустая,
как на первых фотоснимках.

* * *

Под электрическими токами
На просеке среди кустов
Берёза вытянулась тонкая,
Достала кроной проводов.
Подует ветер – заполощется
По проводам туда-сюда.
Вершина выстрижена плоская,
Как где-то в лондонских садах.
В дождливо-пасмурном безветрии
Берёза тянется всегда
Пробиться вверх прямыми ветками
Хоть на вершок за провода.

Тщета! Где выросла, там выросла.
Опять ветра её стригут...
В бока берёза ветви вынесла,
Сгибая каждую в дугу,
И с каждой вниз побеги тонкие
Плакучим занавесом льёт.
Под электрическими токами
Чудное дерево растёт.

* * *

На Снежной тополя и в два, и в три обхвата,
Замшелая кора корява и толста.
Порою треснет ствол, морозами обжатый,
Заглянешь, а внутри зияет пустота.

Им пара сотен лет. Старая, сердцевина
Передавала жизнь растущим вширь слоям,
Сама сошла на нет. Пустые вполовину,
Но нас переживут гиганты-тополя!

Лишь ветер-верховик, как вертоградарь рьяный,
Пообкромсал вихры вознёсших листья крон,
И этот плоский срез сквозной границей рваной
Берёзовой горы прочерчивает склон.

...Втроем объяли ствол и, запрокинув лица,
Следим, как бродит свет в извилинах коры,
В мозолистых ветвях, в больших пятнистых листьях...
Вдруг снова верховик срывается с горы.

Какая-то труха, обломанные сучья
Посыпались вокруг. Внутри – смятенный гул.
Внизу – ни ветерка. И мы на всякий случай
Отходим по тропе в ивняк на берегу.

На дальней стороне такая же картина:
Подстриженные в ряд седые тополя
Обвиты по стволам тумана паутиной...
Что здесь древнее их? Лишь небо и земля.

* * *

Поэт, увы, не небожитель,
Ему земная жизнь дана.
Стихи попробуйте сложите,
Когда безумствует весна.
А это значит: в огороде
Торчишь с темна и до темна,
Заботой о водопроводе,
Не о стихах, душа полна;
Там прорвало, там проржавело,
Там кран замены ждёт давно...
Лежит блокнот осиротело,
Скребёт листочками окно.

Ему весна иначе мнится:
Вишнёвый цвет, любви страда...
Очередной ремонт теплицы
Не поэтичен, вот беда!
Навоз – куда же без навозу –
Ему нам впору оды петь!
Но эту жизненную прозу
Не может лирика стерпеть.

В селе весной работы ноты
Слышней, чем яблоневый шум.
И я несчастному блокноту
Так поздно вечером скажу:
«Я твоему призыву внимлю,
Но ты пойми и не перечь:
Поэт родную любит землю
Не меньше, чем родную речь.
Ему жена и дети-внуки
Никак не меньше строк важны.
И мы, товарищ мой, разлуки
С тобой бояться не должны.
Отыщем паузу в заботах,
А там, глядишь, прихватим ночь,
И только ты один, не кто-то
Другой, сумеешь мне помочь
Вернуться к майскому раскладу,
Где, так бескрайне голуба,
Весна коснулась мельком взгляда,
Пока стирал я пот со лба».

Скажу, конечно, с перехлёстом
Про пот и лоб... Но всё равно
Блокнот мой жалобно и слёзно
Скребёт листочками окно.

* * *

Сидеть на берегу, следить за бегом волн,
Несущих на себе закатных красок блики,
И чувствовать, что вновь, как юноша, влюблён
В спокойный этот мир, невозмутимо дикий.

Пусть я уже давно из города сбежал
В предместье, где не так и суетно, и грязно,
Где видишь каждый день и чайку, и стрижа,
И под окном цветы, и зелень в рамах грядок...

Но всё-таки не то. Ухоженный покой
Далёк от красоты нетронутой природы.
И даже Ангара в сравнении с рекой,
Ревущей между скал, – обузданные воды.

Уехать далеко, педали раскрутив,
В безлюдные места пробраться по трясинам,
Или среди камней по выступам крутым,
Или в закрай тайги по тропочкам звериным.

Сидеть на берегу без мыслей дотемна,
Ловя движенье волн уже по звёздным искрам,
И ждать, когда взойдёт над гребнем гор луна...
Смотри: обратный путь густым туманом выслан.

* * *

Какой душа приходит в этот свет?
Как и тела, она приходит в свет...
И видят все, что в ней изъянов нет.
Но разум не приемлет наготы.

Он ищет хоть какое-то тряпье:
Накинуть бы на душу хоть тряпье –
Как одержимый, кутает её,
Он в наготе не видит чистоты.

И вот душа, по сути, не видна
И, разуму послушна, холодна,
Своё предназначение она
Забыла. И глаза людей пусты.

Да, в наготе душа покинет свет,
Но в ней уже померкнет горний свет...
Прост на вопросы вечные ответ,
Но разум не приемлет простоты.

* * *

Ночи сторожкий зверь
Чувствует в тишине:
Всхлипнет ли где-то дверь,
Дрогнет ли свет в окне,
Вдоль городской стены
Чрез проломы лет,
Зыбко вторгаясь в сны
Вечности, коей нет.

* * *

Снега засыпали торосы,
А были так прозрачны льды...
Среди торосов криво, косо
Ложатся лыжные следы.
То влево мечутся, то вправо,
То возвращаются в обход,
Как будто странная забава
Меня по озеру ведёт.

Где хода нет, по льдинам лезу,
То лесенкой, то как-нибудь,
Хотя не очень-то полезен
Для лыж такой опасный путь.
Конец завалам. Лыжи целы.
Погнулась палка – не беда.
Я напрямик бегу без цели.
И вдруг под лыжами – вода.

Здесь где-то лёд под снегом треснул,
Просел слегка – и вот итог,
Но мне совсем не интересно
Искать заснеженный «исток».
Иду налево и направо,
Иду назад – и тут течёт.
Уж это точно не забава –
С трудом толочь просевший лёд.

В подмёрзшей «каше» вязнут лыжи,
Шагаю цаплей вкривь и вкось.
А лёд всё ниже, ниже, ниже...
Но вот и трещина – насквозь
Почти полуметровой толщи,
Да пядь всего лишь в ширину.
Вода вдоль трещины клокочет,
Но я ж её перешагну.

На льдину треснувшую давит
Мощь окружающего льда,
С моими смёрзнется следами
Наверх рванувшая вода.
И снова снежная равнина
Поманит мчаться наобум...
Я на торосах лыжи скину,
Чтоб не испытывать судьбу.

* * *

Движения опасная игра,
Когда ты сам внутри него не движем
Желаньем двигаться,
и времени игла
Под стук колёс пустые мысли нижеет
Бесцветным бисером на выцветшую нить
Фантомных чувств – отброшенных когда-то
Стремлением судьбу переменить...
И круг замкнуть на точке невозврата.

.....

Заснул – проснулся:
за окном зима.
А снилось лето – приторно, медово...
Или реальность вдвинулась сама
В пространство сна – так открывает слово
Пространство образа...
Стекали по стеклу
Внутри окна
дождя косые струи.
А люди, благодарные теплу,
Несли в губах припухших
поцелуи
Ликующе сияющего дня,
По коридору шли нагим потоком
С охапками цветов, и на меня
Косился каждый восхищённым оком
И замолкал. Но через шаг опять
Вливал свой голос в общий птичий щебет...
От запаха цветов хотелось спать,
Но сна валун дробился в мелкий щебень
Подрагиваний, словно сквозняком
Насквозь продуло выцветшую душу.
Несли цветы... При этом ни на ком
Мой взгляд не мог остановиться, слушать
Я мог лишь общий хор... и наготу
Идущих мимо не считал зазорной,
Воспринимая каждую черту
Лишь элементом общего узора.

За ливневым стеклом текли поля,
Текли леса, укутанные снегом,
У горизонта белая земля
Почти сливалась с блёклым зимним небом...

.....

* * *

В потоке этом даже грусть легка,
Она ведь тоже движется в потоке.
Так уводи без устали, рука,
Навстречь теченью караваном строки!

РАССКАЗ

Было ли это, не было ли, а если было, то так ли, как привиделось ладно сбитому, с румянцем на щеках, сохранявшемуся, кажется, с малолетства и не исчезающему даже в знойный июльский полдень, русоголовому, с аккуратно подстриженной рыжей бородкой, небольшого роста подлеморскому мужику лет сорока пяти прозванием Арсений Усов? Сам-то он по причине смущения не сказал бы про своё видение даже жене, бабе бойкой, было время, на трёх работах пласталась, впрочем, как и муженёк, пока не накопила денег и не обзавелась собственным, со всех сторон оглядным, справным хозяйством. А ведь с Антониной, так звали супругу, Арсений привык делиться всем, что на сердце. Она понимала мужа с полуслова и умела подсобить ему наладить себя на прежнее душевное устояние, невесть по какой причине, но, может статься, и беспричинно, третьего дни в очередной раз сковырнувшееся со всегдашнего места. С Арсением такое случалось, хотя и нечасто, вдруг да и предавался смутным мыслям, и тогда всё было не в радость, и в круглом лице с чуть только, с краюшку самого, помеченному оспинками, менялось, вроде бы смурнело, а чуть погода становилось грустное-грустное, и он нередко, поколоброя, спрашивал у жены:

– И чё дальше?..

Антонине пора бы уж привыкнуть к мужниным выходкам, а она, как если бы ничего про них не знала, всякий раз пугалась, взмахивала полными круглыми руками и убегала, а потом полный день ходила сама не своя, стараясь держаться подальше от Арсения, и крадучись, исподтишка наблюдала за ним. Чего-то она до сих пор не поняла в нём, а ведь прошло уже двадцать лет, как поселилась в его избе. Да и до этого много чего знала про него, хотя и проживали в разных концах поселя: она в нижней части, у Байкала, а он близ высоченного, взметнувшегося к небу, черноголового гольца, в изножье его. Но школа-то была одна. Она и сближала. Впрочем, нередко и разводила. Уж давно нету школы, а старые обиды всё живут, нет-нет да и вспомнит та же Антонина: «Манька-то, стервоза, ишо в малолетстве норовила подсунуть мне палки в колёса. И по сей поры неймётся окаянной. Надясь дрыном отходила мою козочку. А та всего-то травку подле Манькиной избы помяла»».

Что же увидал третьего дни Арсений, придя на берег Байкала? Что померещилось в дремоте, когда присел на тёплый песок под старой ветвистой берёзой, и отчего после этого стал сам не свой, а смущение, и прежде нападавшее на него при виде неурядья, наблюдаемого на отчине, усилилось, а потом и вовсе сделалось не уместимо в мужичьем сердце и коснулось, вытекши, худотелых малорослых осинков, негусто раскидавшихся по прибрежной окру-

ге, и лёгких, дурманяще пахнущих широколистных зелёноглазых трав, ловко зацепившихся тонкими стволиками-лапками за упругую, в рыжих камнях, землю, и те обеспокоенно зашумели, неведь кем подгоняемые: ветра-то и в помине не было, даже верховичок, любящий поозоровать, присмирел, забившись в тёмную узкую расщелину в гольце?.. Надо думать, и для них для всех оказалось в диковинку то, что сдвинуло в Арсении. Да и могло ли быть по-другому? Не каждый день увидишь, как из морской воды, отряхиваясь, выходит на каменистый берег рослый белоснежный конь с длинной золочёной гривой, упдающей наземь, с тускло посверкивающими при лунном свете широкими копытами и с глазами бешеными, горящими неземным огнём.

Было дело, слышал Арсений от покойного отца про светлогривого скакуна, выходящего из моря каждый год в третью неделю по пятидесятнице. «И мирно пасётся сей конь до самого рассвета, – сказывал отец. – А насытись и отгулав, спускается к воде». Слышал про это и от кое-кого ещё, чаще от стариков, подошедших к черте, но по-прежнему берегущих даденное им тайное знание. И сказывали те, умудрённые пресытившейся жизнью, что Байкал-батюшка отпускает любимого коня на берег, чтоб подышал подморским воздухом да побродил по светлоликой поляне, засеянной зелёнокудрыми травами. «Надо думать, взбодрит это тебя, – говаривал Байкал-батюшка, снимая с морды коня серебряную узду. – И сделается твоя служба мне не такой тягостной».

Слышать-то слышал, да относился к этому как к чему-то далёкому, едва ли взаправдашнему, скорее, как к чему-то созданному людским воображением, а позже обрешему ни на что не похожие очертания.

Но надо ли верить всему-то?..

Он мог бы подумать и так, но почему-то хотелось верить в сказ о Белом коне. А ещё хотелось увидеть его. Но тут же что-то в нём решительно противилось возникающему желанию, и мало-помалу оно ослабевало, а потом исчезало. Впрочем, не так чтоб надолго. Через какое-то время Арсений снова отмечал в себе прежнее желание, и тихая, ни к чему не влекущая робость, свойственная, кажется, всем жителям Подлеморья, привыкшим сознать себя неоторванно от ближнего околотка, надавливала на него, и вместо того, чтоб взять лопату и вскопать огород, он уходил, поникнув головой, совсем в другую сторону. Мог неожиданно оказаться в глухом непролазном лесу, а потом долго вспоминать, как проник сюда, в самую глушь, и смущение, что жило в нём, уходило, очень даже довольное собой. Ещё бы!.. Ведь заставило мужика хотя бы ненадолго отойти от привычных дел и предаться тихому и сладостному чувству, что живёт в душе у каждого жителя Подлеморья, подолгу невостребованное, подуставшее от жёсткого недвижения.

Арсений охотно подчинялся возникавшему в нём смущению и не очень-то огорчался, коль скоро исчезало, а вместо него рождалось другое чувство. Вот и в третью седмицу от Пятидесятницы, придя домой после встречи с Белым конём, не сразу рассказал жене про своё виденье, час-другой помаялся, сидя на крыльце, когда ж и вовсе неведь стало удерживать враз подвинувшее в нём виденье, зашёл в избу и заговорил с Антониной. Правду сказать, она была слегка раздосадована тем, что муж оторвал её от дела. Только что поставила в большую, ещё не остывшую печь на томление кастрюлю с борщом да замесила тесто для пирожков. Хотелось бы всё путём провернуть без излишней спешки, а тут Арсений со своими разговорами. Нашёл время! И выразила бы

неудовольствие, да глянула ему в глаза и раздумала, увидала что-то, как если бы принадлежащее не мужу, но кому-то ещё, а вот кому, не сказала бы, хотя сразу приспело на ум, что причиной тут мог стать хозяин ближней тайги. За ним много чего водилось. Любил подурковать.

Да, Антонина сказала бы, чтоб не мешал, сама-то, коль скоро Арсений пребывал в задумчивости и ещё не ладил никакого дела, норовила обойти его стороной, хотя порой и тянуло подтолкнуть суженого в спину и бросить насмешливо: «Про чё думки-то, сердечный?.. Возьми-ка лучше метлу да в прогон им, прилипчивым, побросай мусор со двора». А и впрямь могла бы, да заместо того сама наполнилась тревогой: уж больно лицо у Арсения вытянулось, как бы даже охудало, а близ вострой, клинышком, рыжей бородки, подле губ, трещинка наметилась, и не мелкая, в самой поре. Откуда бы ей взяться? Раньше-то её не было.

Антонина всё то время, пока Арсений переминался с ноги на ногу, поднося зажжённую сигарету к губам, и не умея сообразить, с чего начать разговор, стояла противу мужа, глядя на него тёмно-серыми глазами, на донышке которых заматалось что-то, страх ли подгоняющее к сердцу, оторопь ли. И он заметил напряг в жене, и пуще прежнего заволновался и уж намеревался выйти из кухни, да она помешала, обронила дрогнувшим голосом:

– Ну, чё топчешься?.. Говори уж!

И он-таки взял себя в руки и рассказал про виденье, которое, может стать-ся, было бы для них ничем не примечательно, если б их единственный сын (ему нынче исполнилось девять) не родился как раз в третью седмицу от Пятидесятницы, а за полгода до этого старая цыганка с растрёпанными чёрными волосами, небрежно, сикось-накось, как говаривали раньше, перехваченными толстыми ржавыми заколками, не оказалась на их подворье и не поведала, прихлёбывая воздух синюшными губами, ужасно, как если бы нарочно коверкая слова, что малые Боги подарят им сына, и они же, придёт время, заберут его к себе. «И сядет малой на белого скакуна, принадлежащего батюшке Байкалу, и отъедет... Вернётся ли?..»

Помнилось Антонине, да и Арсению тоже: худо, что старая цыганка сказала про это как-то потерянно и тоскливо, даже не глянув в свои карты, словно бы влекомая кем-то властным над нею, хотя бы тем же вихревым ветрогоном с чёрной воронкой посередке, который вдруг налетел из лесу и перебуторил на подворье, звеня пустыми кадками. Опять же худо, ничего не взяла с них, не по-цыгански это, а напоследок с жалостью посмотрела на хозяев и тихонько, пока те не очухались, ушла. И с тех пор никто не видал её. Как в воду канула. Арсений не раз хаживал в табор, примостившийся близ круторогого, искряно-жёлтого гольца, искал ту цыганку. Но без толку. Жители табора утверждали, что не знают про неё. «Видать, не нашего замесу, надо быть, бродит по земле сама по себе, никому не подчиняемо».

И Арсений отступил, но не запомнил про цыганку и, бывало, гуляя с сыном по улочкам поселья, а то и по ближнему лесу, нет-нет да и извлекал из памяти её слова, и тогда сжималось сердце, и всё-то близ ли него иль в холодной неблизи казалось слабым и зыбким, чему недолго и оборваться и поломать в душе. И выть хотелось... Вдруг да и промелькивало в голове: «Чего я гуляю с сыном невесть где, а не сижу в избе? Мало ли чё?..» И нередко, ни слова не говоря, хватал пацана за руку и силком тянул к дому, где Антонина

уже вся извелась, дожидаясь. И так получилось, что супруги время спустя и вовсе навыкли не отпускать сына с отчего подворья. А когда приспела пора пойти пацану в школу, не пожелали отрывать его от себя, отмахнулись от настойчивых уговоров местного начальника, мужика стоящего, не только про свой интерес помнящего, мол, болен Стёпушка-то, хотя чем болен, не сказали. А напоследок Арсений обронил со значением в голосе: «На кой ему ученья разные, вовсе-то тёмным не вырастет, читать-писать мамка обучит. Небось не последнего замесу, до восьмого класса дотянула, могла и дальше учиться, да школу закрыли...»

На том и порешили. И было б вовсе ладно, когда б всякий раз в те дни, когда правила Пятидесятница, не начиналась в избе у Усовых жуткая, и во все не к лицу им, заваруха, когда вдруг оказывалось, что табуретки на кухне страсть как перебуторены, и не сразу сыщешь ту, что надобна, а в настенном шкафу посуда перемешана, и чашки с ложками стоят не на своём месте, и тарелки враскидь... Всё-то в те поры валилось у хозяев из рук, слабый стук в дверь настораживал, и они, подхваченные страхом, отчаянно занудившем на сердце, поспешали в комнату, где обычно за маленьким круглым столиком сидел Стёпушка и рисовал цветными карандашами разные картинки, на которых много чего можно углядеть, а только не то, что было бы приятно отцу с матерью, что-то невесть из какого мира взятое, смутное и неугадливое. Стёпушка-то почти не выходил из дому, с утра до ночи пребывая под строгим родительским доглядом. И это, по правде-то, не мешало ему, он вроде бы и не хотел для себя ничего другого. Но, может, ещё почему-либо, да про это едва ли кому скажешь: уж больно много тут неугадов. Всё ж иной раз Стёпушка ощущал некое беспокойство и, чтоб унять его, попервости именно так, унять, тайком уходил из дому. И вёл себя так, как если бы что-то в его жизни было не совсем правильно склеено, его тянуло к чему-то ещё, к какому-то другому познанию себя в ближнем мире иль незнакомого мира в себе. Впрочем, кое-что он знал про него, и это знание не то, чтоб пугало, настораживало, скорее, не-свычностью с той неспешностью, к которой привык и которая жила не только в его поступках, а и в мыслях. Гуляя с отцом по ближнему лесному околотку иль по узким улочкам поселья, он замечал суету в людях, и не всегда добрую и ни к чему постылому не влекомую, и удивлялся, отчего те раздражены и порой готовы обидеть ближнего. И тогда спрашивал у отца: «Отчего бы?.. Отчего дядя Пантелей, сосед наш, завсегда чем-то недоволен и всё ругает своих пацанов? Злющий дядя Пантелей!.. Вон и Вовку вчера обидел, старшего свою, а я с им на прошлой неделе кораблики пускал по речке...» Арсений останавливался, едва ль не с испугом спрашивал: «Это как же?.. Ты чё без спросу уходил из дому?..» — «А-га, — легко отвечал Стёпушка. — Чё ж мне всё дома-то сидеть. Я уж не маленькой».

Он и раньше уходил из дому, Стёпушка-то, и всегда крадучись, чтоб отец с матерью не заметили. Они и не замечали: долго-то парнишка не задерживался, побродит по ближнему лесу один ли, с Вовкой ли, который, как и он сам, был не больно-то боек на язык, зато и мастак на разные выдумки, и вертается. Надо сказать, это Вовка придумал убежать из дому в те дни, когда в Подлеморье гостевала Пятидесятница, и дожидаться, когда появится на лесной поляне Белый конь. Они, конечно же, так никого и не увидели, но не испытали и малой досады, были уверены, что судьба повернётся-таки к ним

лицом. А почему бы и нет? Не зря ж Стёпушка родился в третью седмицу от Пятидесятницы.

Помнится, Антонина, долго не имевшая детей, как-то говорила своей близкой подруге, будто де седобородый старец, надо быть, посланец от батюшки Байкала, – кто ж ещё-то?., – однажды лунной ночью вышел на берег, она в те поры подымала с мужем сети на просушку, и сказал, обращаясь к ней: дескать, недолго ещё горевать ей, выйдет из моря Белый конь, и будет он не один, с мальцом, и станет тот малец твоим сыном. И, вот дивы-то, как раз после этого Антонина, уже привыкшая к тому, что она «пустая», видать, так на роду написано, и не держать ей «родную кровинушку» на руках, не кормить своей грудью, понесла. Антонина просила подругу не говорить про это никому. Но куда там!.. Скоро узнали на поселье про её тайну. Ну и ладно, что узнали, посудачили маленько, почесали языки, да и позабыли. Но, получается, не все. Вон и Вовка вспомнил про давний, вроде бы уж залегший на дно слух и поделился своими соображениями со Стёпушкой. Тот выслушал и засмутился, однако ж через день-другой очухался и сделался как бы весь переполнен новым, садняще сладким чувством. Но, надо думать, это чувство ещё и оттого, что как-то довелось ему увидеть диковинную серебряную птаху, она сидела на нижней ветке дерева, яснолика, и напевала что-то тоненьким голоском. Он подкрался к птахе и опустился на землю и долго слушал. И, казалось, что-то понимал в пташьем пении. Ну, может, самую малость. А и это обрадовало. Вдруг помнилось, что он не такой, как все, Вовка прав, отличаем от других, и это только начало, приспеет день, когда он будет знать многое из того, чем живёт тайга, и тогда сделается надобен не только близким людям, а и зверю, и малым птахам, всем, кто обитает окрест и с кем часто встречается, хотя и не знает ничего про них: ни кто они, ни пошто поселены в ближней тайге. Странно, что про это никто не задумывается. Странно и непонятно, отчего меж теми, кто живёт на земле, будь то человек иль зверь, нету согласия? Отчего всё окрест пропитано страхом, пред которым бессильны другие чувства?..

Он так подумал и в другой раз, когда подошёл к большому обгорелому дереву и разглядел промеж голых ветвей воронье гайно и услышал бойкое щебетанье, а потом заметил тёмно-красные мордашки птенцов. Знай он, что это были птенцы не вороны, а чьи-то ещё, попробуй догадайся теперь, чьи, удивился бы ещё больше. Но и то, что на помертвелом дереве зародилась жизнь, коснулось его сердца, пока смутно и мало тревожаще, всё ж и там тихонько запощипывало и не скоро успокоилось, а вместо этого пришло прежнее садняще сладкое чувство.

Не сказать, чтоб Стёпушка часто уходил из дому тайком. Догляд-то за ним был куда как строг. Тем не менее после того, как близко сошёлся с соседским пацаном, это стало случаться не реже одного раза в неделю. А бывало и так, Вовка заходил к ним на подворье, и тогда пацаны подолгу возились у поленницы, мастерили из чурок, ловко орудуя топором, фигурки какие-то, чаще чудные, неведь что напоминающие, только не те, что каждодневно попадали на глаза. Стёпушка прежде и топора в руках не держал, а тут так быстро наловчился пользоваться им, что Вовка ещё долго восклицал: «Ну, ты даёшь, братка!..» А уж фантазии Усову-младшему было не занимать. Это ж он в кой-то день выстрегал длинногривого с круглыми косящими глазами поджарого Белого коня, выходящего из морской пучины. Правду сказать, когда выбирал

чурку, не знал, что бы такое сварганить, какую поделку, но руки вроде бы сами, никому не подчиняемо, выстругивали чего ни то, да так умело, что можно было подумать, словно бы всё знали с самого начала. Чудно, право. В те минуты Стёпушка вроде бы находился в ином пространстве и был не властен над собой. И то ещё удивительно, что эта несамостоятельность ничему в нём не мешала, скорее, укрепляла воображение, всегда-то сильное в нём, невесть в какие миры влекущее, отчего он вдруг забывал про всё на свете, а нередко и про отца с матерью, а они в такие минуты обыкновенно крутились возле него и спрашивали: «Уж не приболел ли?...» Но куда там! Просто Стёпушка выключался из ближней жизни и пребывал далеко-далеко. Он не однажды пытался объяснить родителям, что происходит с ним, но не умел подобрать нужных слов, а те, что упали на язык, казались слабыми, не годными для растолкования. И, в конце концов, он оставил в покое своё намеренье и уж не возвращался к нему.

Стёпушка выстругал коня и поставил на чурбак, а сам отошёл в сторону и долго разглядывал его, напрягая нечто живущее в нём на особицу, никаким чувствам не подчиняемое, но в иные поры довлеющее над ними настолько, что он порой и о себе забывал совершенно. Теперь с ним произошло что-то подобное. Он как бы вживе увидел Белого коня, ступившего на каменистый берег, и всё в нём вострепело, вдруг подумал, что и раньше встречался с ним и даже садился на мокрую его спину и отъезжал куда-то... Вот только не помнил куда... С ним нынче, кажется, случилось то же, что и с теми людьми, кто хоть раз видел Белого коня. Нечто подобное в своё время стряслось и со Стёпушкиным отцом. Непонятно, что стало тому причиной. Может, душевная распахнутость Арсения, неумение отгораживаться от земли и безоговорочно следовать за тем, что исходило от неё. Во всяком случае, так думал Стёпушка своим слабым неокрепшим умом, и это сближало с отцом, хотя и не до такой степени, чтоб он враз сделался способен поменять в душевном настрое и подчинился отцовской воле. Нет, конечно. Что-то подсказывало Стёпушке, что ему надо держаться того, что утаивалось на сердце, и тогда всё будет укладно и никто не порушит душевного настроения, которому доверился безоглядно.

Стёпушка всегда-то мечтал вживе повстречать Белого коня в пору гостевания в Подлеморье Пятидесятницы, когда стояла полная луна, и небо было чистое-чистое. Он знал, что увидеть его мог лишь тот, у кого беспорочное сердце и светлый ум. Так сказывал Вовка, а слышал он про это от стариков, к кому был вхож. Стёпушка надеялся, что и ему, в конце концов, провезёт, ну, хотя бы потому, что родился он в один из дней Пятидесятницы, когда Белый конь, подбирал пахучую травку на лесной поляне. А ещё Стёпушка знал, опять же со слов Вовки, что с человеком, повстречавшим Белого коня, случалась перемена, и коль скоро тот прежде был настырный и бойкий на язык, то после этого делался молчалив и сосредоточен на себе, и смущение, что и раньше жило в нём, становилось больше, а в глазах появлялось что-то грустное, и можно было догадаться, что он теперь как бы насквозь видел в людях, и это пугало. Попервости это пугало и Стёпушку, но потом страх исчез, осталось любопытство, а ещё мальчишеская уверенность, что уж с ним-то наверняка не произойдёт ничего подобного. Потому как... Кто он есть-то? То-то и оно!..

Завтра у Стёпушки день рождения. По этому случаю Антонина завела тесто и поставила кадку в большую русскую печь. Арсений сходил в лес и при-

нёс охапку цветов. Антонина поместила их в кувшин и поставила на стол. Стёпушке было приятно наблюдать за хлопотами родителей, тянуло подойти к ним и заговорить про то, как у него нынче хорошо на сердце. Но удержало данное Вовке слово, что нынче потемну они таки пойдут на лесную поляну. Надо быть, Белый конь не посмеет не появиться им на глаза накануне Стёпушкиного дня рождения. «Ить не зря ж сказывали на поселье...» Да уж, сказывали, только не хотелось бы нынче накручивать себя. Зачем?.. Стёпушка и не стал накручивать, вышел на подворье, заглянул в дровяник и... не увидел на прежнем месте вырезанного из дерева Белого коня. И растерялся. Когда же пришёл в себя, побежал к матери, но она сказала, пряча глаза, что понятия не имеет, куда подевался Белый конь, хотя сама чуть свет вынесла поделку за ворота и зарыла в песок. Помнилось, Белый конь намеревается отнять у неё сына. А без него она и дня не проживёт. Это уж точно. Уж так всё в ней завязано. К тому ж не выходила из головы мысль о цыганке. Чего она там напредсказывала-то? Уму непостижимо, как всё переварить, как жить, когда не успеешь проснуться, тут же подбегашь к сыновьей койке и напряжённо вглядываешься в родное лицо. Господи, как тяжело-то, как мучительно!.. Вот, видать, и не вытерпела и зарыла в песок фигурку Белого коня, которого посчитала виновником того, что происходило с нею. Впрочем, сама она едва ли сказала бы кому-то про это?.. Не для людей раздумья, что вдруг да и остужали в душе. Всё ж потемну Антонина спустилась с крыльца и подошла к тому месту, где спрятала поделку, откопала её и принесла в дровяник, поставила на чурбак. И запомнила про своё деяние. Что-то другое накатило, и было пуще прежнего надсаживающее на сердце, и она даже не удивилась, когда, на другой день проснувшись чуть свет, не нашла сына в своей комнате. Не оказалось его и на подворье. «Во как...» – вздохнула потерянно, когда Арсений, обнаружив пропажу сына, сорвался с места и, ни слова не говоря, побежал на берег Байкала. Она попервости хотела последовать за ним, но дошла только до ворот, вдруг решила, что ни к чему это: «Стёпушка-то тепереча далеко, до него, поди, и мыслью не дотянешься». Вернулась, села на среднюю, застланную цветастым половичком, приступку крыльца и, подперев подбородок враз ослабевшими руками, упёрлась неподвижным взглядом в дымчато серую утреннюю суету, а чуть погода углядела в ней что-то такое, отчего на сердце отпустило, а в голове прояснилось, и мало-сти не осталось от прежних мыслей. Куда-то подевались. И во всём теле вдруг сделалось легко, и она, напрягши в себе, до упора выпрямила спину и поправила волосы под косынкой, а потом тихонько запела:

Это было давно, год примерно назад,
Вёз я девушку трактом почтовым.
Круглолица она, словно тополь, стройна,
Принакрыта платочком шелковым...

Она старательно выводила слова песни, которую слышала в малолетстве, но едва ли что-то понимала в ней, да и не хотелось ничего понимать, а только прислушиваться к тому, что на сердце. Господи, как же давно она не предавалась тихой, ни к чему не влекущей радости! И вот та пришла и обогрела. И теперь Антонину ни к чему не тянуло. Было приятно сознавать себя живущей на отшибе от того, что измучивало раньше.

В предвечерье, когда лохмоногий рыжий сумерек опустился на ближний крутолобый голец, пришёл Арсений, усталый и поникший, увидел жену, сидя-

щую на крыльце и тихонько что-то напевающую, и – разом сделалось стыло во всём теле, спросил упавшим голосом:

– Ты чего?..

Она посмотрела на мужа чужими, вроде бы и не её вовсе, пустыми глазами и в свою очередь спросила:

– Ты кто будешь?..

Арсений едва не задохнулся от прихлынувшего к сердцу страха и не скоро ещё взял себя в руки и отвёл Антонину в избу и уложил в постель. Она ничему не воспротивилась и как бы даже со смущением смотрела на него. Впрочем, может, это было не смущение, а жалость к тому, что раньше было её жизнью, а теперь бесследно затерялось на закрайках сознания.

Арсений, когда Антонина задремала, вышел из дому, а потом торопко, спотыкаясь, перебежал улочку, и вот уж стоял посреди чужой горницы, заставленной иконами, пред горбоносой древней старухой со слезящимися глазами и с узким дряблым лицом и сказывал про свою беду. Она слушала, не перебивая: глаза были опущены долу, и в них было не уловить и малого движения мысли. Это смущало. Но и только-то. В прежние леты Арсений не раз обращался к этой старухе, когда болезнь нечаянно настигала Стёпушку. И привык видеть её как бы отстранённой от всего. Но так только казалось. Как выяснялось потом, она всё услышала и уж давно определилась, какими травами станет лечить мальчика. Она никому не отказывала, охотно снабжала снадобьями поселье. Но теперь-то иль пособит в беде? Теперь не снадобья надобны, а что-то другое. Арсений понимал это, понимал и другое: древняя старуха владела знанием, которое теперь пригодилось бы, чтоб снять смуту с души Антонины. И был доволен, что целительница, не мешкая, накинула на плечи старенькую курмушку и следом за ним вышла на подворье. А когда оказались в улочке, повстречали толпу мужиков. Арсений узнал, что те заняты поиском Стёпушки. Вот и теперь решали, кто, куда и с кем пойдёт?.. Мужики с сочувствием смотрели на Арсения и старались приободрить его, говоря, что не надо отчаиваться: Стёпушка непременно отыщется. А кто-то предложил сгонять в райцентр и попросить у начальства вертолёт. «Они, понятно, сукины дети, но тут такое дело, небось, не откажут».

Арсений не ожидал, что про его беду так скоро узнают в поселье. Сам-то он никому не сказывал про неё. «Да уж, век живи, век учись, неучем помрёшь». Это про него, однако. Не верил он, что кто-то станет подсоблять ему. Получается, ошибался.

Он довёл старуху до своего дома, а потом встал на тропу, которая привела его на лесную поляну, на ту, куда захаживал Белый конь. Но никого тут не встретил, посидел на старой листовенничной коряжине, и вот уж тяжело, вперевалку брёл тяжёлым, изрядно заболоченным чернотропьем. Не знал, почему пошёл в эту сторону, не в другую... Да ему, в сущности, было всё равно, куда идти. Просто не мог находиться на одном месте, чувствовал, когда б замешкался, то и с ним, как с Антониной, стряслось бы неладное. А так, когда надавливает усталость, норовишь преодолеть её, и вроде бы меньше думается.

Минул день. Другой... Арсений приходил домой едва ль не за полночь, а чуть свет уже был на ногах. Он оброс, почернел в лице, глаза сделались глубокие и тоскливые, и старуха, не отходявшая от Антонины ни днём, ни ночью, тут же подле её кровати, бросив на пол курмушку, и засыпавшая коротким

чутким сном, как-то сказала ему, чтоб поберёг себя. «Мало ли чё, жисть, она знашь...» Но он, кажется, не услышал. И вот, когда, помнилось, всё, ничего-то уж не будет впереди, тьма тьмушая, и нипочём не одолеть её, увидел в сажени-другой от себя, близ малой берёзовой рощицы, маленького сутуловатого старика-эвенка. Был тот в обшитой беличьим мехом куртке да в ичигах, с палкой в руке, которою подсоблял себе, когда выпадала надобность перепрыгнуть с кочки на кочку. А рядом с ним, то забегая наперёд, то отставая, рыхлил заболотье чёрными тупорылыми ботинками белоголовый мальчонка, дивно похожий на Стёпушку. Долго глядел на него, боясь ошибиться. Всё ж поверил и хотел окликнуть мальчонку, но пропал голос, а спустя немного навалилась безмерная, лютая усталость, и он не сумел совладать с нею и огрузлым мешком свалился наземь и потерял сознание. Когда же очнулся, увидел Стёпушку, тот сидел на кочке и держал его руку в своей и шептал:

– Папаня... папаня...

Напрягшись, Арсений сделал попытку подняться с земли. И не смог. Подошёл старик эвенк и подсобил, а когда Арсений окончательно пришёл в себя, сказал, вяло, должно быть, от волнения, ворочая языком:

– Стало быть, во как?.. Сыскался малому отец. Надо быть, и матку скоро повстречат. Иль не так?..

Ещё о чём-то спросил старый эвенк, с трудом подбирая русские слова и с непривычки, от напряжения, жутко потя: на лбу выступили толстые капли пота и в затылке започёсывалось. Но, видать, спросил о чём-то не больно надобном, и Арсений не ответил, обнял старика, когда вышли на тропу, чёрной змейкой бегущую промеж низкорослых берёз. Со слов старого эвенка выходило, что он повстречал Стёпушку на прошлой неделе на берегу моря у Чёрного камня, стоял тот, зябко поёживаясь в насквозь промокшей одежке, хотя было ведро и светило солнце, и можно было подумать, что только что вышел из воды. Пошто бы так-то?.. Спрашивал у парнишки, да тот ничего путного не сказал и всё твердил про Белого коня. Иль можно было ему поверить? Старик и не поверил, но потом приспело сомнение: и старый эвенк слышал про Белого коня. Через день-другой, подлечив мальчика горными пахучими травами, поинтересовался, откуда тот родом, и не получил ответа, парнишка-то вроде бы начисто запамятовал про всё.

– И ладно, что ты забрёл в эту берёзовую рощу, – сказал старый эвенк, глядя на Арсения снизу вверх. – А не то и нынче вернулись бы в чум, никого не встрев.

Антонина не помнила, как нынче вышла из дому, минуя зорко стерегущую её старуху: видать, та задремала, сидя на кухонной лавке, приставленной к печи: ночь-то выпала беспокойная, Антонина то и дело просыпалась и подолгу сидела, закутавшись в одеяло, и, не мигая, смотрела в душную, зависшую под потолком темноту, а то вдруг затягивала полюбившуюся песню и, коль скоро старуха выказывала недовольство, говорила легко:

– И чё бы не глянулось, как пою?.. – А потом как если бы придя в себя, добавляла: – А вот Стёпушке понравилось бы...

Но тут же и забывала, о чём говорила, и снова ловчила поднять давешнюю песню.

Антонина медленно, держась за поручья, спустилась с крыльца, а потом прошла к дровянику, долго стояла подле поделки сына, точно бы хотела вспом-

нить, что же у неё связано с нею. Но, видать, так ни до чего и не додумалась и, виновато улыбаясь потрескавшимися губами, вышла за ворота. А скоро оказалась на лесной поляне, куда, как сказывали, любил заходить Белый конь. Она нынче и про это ничего не сказала бы, всё ж что-то сохранялось в памяти, смутное, неугадливое, однако ж и теперь задевающее за сердце, отчего нет-нет да и ощущала нечто противное ясному, ни о чём не скорбящему и ничего не требующему, что управляло ею нынче, и тогда смущение нападало на Антонину. Впрочем, не такое, как прежде, короткое, искромётное, вдруг, да и отмечалось ею и тут же пропадало. В те поры ставшая в последнее время привычной, ни к кому не обращённая, словно бы прилепленная к измождённому, вытянувшемуся лицу скорбная, вяловатая улыбка появлялась не сразу. Это, бывало, замечала старуха и истово крестилась. Но замечала только она, уже вроде бы отошедшая от жизни, однако по чьёму-то зову, сама-то считала, что по Божьему, вернувшаяся в неё.

Антонина прошла по лесной поляне раз-другой, изредка нагибаясь, чтоб сорвать пучок пахучей травы и поднести к лицу, жадно вдыхая таёжный аромат, а потом углубилась в хвойный, остаревший и раздербаненный лес. Тут стоял влажный тяжёлый сумерек, широкие узловатые кроны косолапых деревьев, сцепившись друг с другом, точно бы держась за руки, не пропускали солнца. Было зябко. Антонина в лёгкой, прошитой чёрной постигонкой безрукавке, небрежно накинутой на голые плечи, продрогла насквозь. И, когда услышала неторопливое людское бормотанье рядом с собой, казалось, протяни руку, и дотянешься до тех, кто шёл по лесу, у неё зуб на зуб не попадал. Может, поэтому, а может, ещё почему, она не сразу обратила внимание на белоголового мальчонку, вытолкавшегося из ближнего глухого урочища. Он семенил промеж двух мужиков, один из которых показался знакомым, вот только так и не вспомнила, где в последний раз видела его. Раздвигая дрожащими руками колючие сосновые ветки, она сделала шаг-другой вперёд и оказалась рядом с белоголовым мальчишкой, про кого тоже не сказала бы, что не встречалась с ним раньше, а когда услышала его голос, что-то сдвинулось в ней, и розовая пелена пред глазами, что прежде заслоняла ближнюю округу и делала ближние предметы едва различимыми и ничем не угрожающими, рассыпалась, и на сердце стало больно и томительно.

— Маманя, — сказал мальчишка.

— Стёпушка!.. — крикнула она вдруг севшим голосом и тут же, не совладав с нечаянной слабостью, пала на колени.

А земля была розовая, и толстые солнечные лучи упрямо проридались сквозь тёмно-зелёные кроны деревьев.

Андрей Румянцев

«ПРАВДА БЕЗУСЛОВНАЯ И ЧЕСТНАЯ...»

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ: ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

О «театре Чехова» всегда думаешь с душевной теплотой, как о согревающей, волнующей и ободряющей песне. Отчего это чувство? Может быть, оттого, что многие герои чеховских пьес воспринимаются как духовные братья и сестры самого писателя. Каждый раз за их словами и поступками, восторгами и жалобами встает сам автор – все понимающий, тонкий и добрый человек. И потому невозможно говорить о его драмах и комедиях, не сказав ничего о нем самом, о писателе, стоящем чуть ли не особняком в ряду корифеев русской литературы, суровых и нежных, жизнерадостных и сумрачных, серьезных и насмешливых.

При имени Чехова возникает образ такой особенный, что о нем не скажешь односложно, так он богат оттенками, обаятелен привычными и неожиданными качествами, самобытен чертами, неотразимыми в своей привлекательности. А разве не таковы же любимые герои его пьес?

* * *

Лучше других запечатлел Антона Павловича в нескольких скупых строках юрист и литератор Анатолий Кони: «...образ его стоит как живой – с грустным, задумчивым, точно устремленным внутрь себя взглядом, с внимательным и мягким отношением к собеседнику и с внешне спокойным словом, за которым чувствуется биение горячего и отзывчивого на людские скорби сердца».

Талант Чехова вошел в силу, когда Россия переживала особенные годы. Она показывала свои экономические успехи на промышленных выставках за рубежом и у себя дома – и содрогалась от выстрелов народовольцев. Она поражала умы изобретениями и открытиями, прокладывала великий железнодорожный путь к Тихому океану – и вымирала от страшного голода, постоянных эпидемий. Она создавала литературу мирового значения – и была почти неграмотной.

Судя по неутомимому участию Антона Павловича в благотворительных и общественных делах, по его мужественной поездке на Сахалин, он был человеком, горячо откликавшимся на нужды соотечественников. Писателя терзали жестокость власти, сгнившей, по его словам, миллионы людей в сибирских острогах, бедность больниц и школ, тупость и мздоимство чиновников. Но читаешь его письма и ловишь себя на том, что он намеренно, словно в пику другим, умалчивает об общественном недовольстве и дает неверные прогнозы на будущее страны. Лев Толстой пишет в конце века: «...мы уже тридцать лет живем с революцией». А Чехов в те же годы сообщает А. Плещееву по поводу задуманного продолжения своей повести «Степь» и, в частности, дальнейшей судьбы одного из ее героев: «Вы пишете, что Вам понравился Дымов, как материал... Такие натуры, как озорник Дымов, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для оседлого житья, а прямехонько для револю-

ции... Революции в России никогда не будет, и Дымов кончит тем, что сопьется или попадет в острог. Это лишний человек».

Что касается революции, то Чехов ошибся, но не потому, конечно, что не видел сгущавшихся туч. Он не хотел потрясений как великого несчастья для родины. А когда не хочешь чего-то, то стараешься убедить себя, что этого не будет.

Он верил не в революцию. «Я верю в отдельных людей, – утверждал он, – я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, – интеллигенты они или мужики; в них сила, хоть их и мало». И героиня его пьесы признавалась: «Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...»

Без таких признаний нельзя понять Чехова-художника. Писать ради куцей идеи, держать в уме чужую партийную установку было для него неприемлемо. С всегдашней иронией он писал:

«Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским*. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи.

Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святое святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Его письма полны таких размышлений. Они меняют представление о Чехове, который будто бы редко думал о подлинных целях искусства**. Думал – и имел об этом собственное мнение:

«В разговорах с пишущей братией я всегда настаиваю на том, что не дело художника решать узко специальные вопросы. Дурно, если художник берется за то, чего не понимает. Для специальных вопросов существуют у нас специалисты; их дело судить об общине, о судьбах капитала, о вреде пьянства, о сапогах, о женских болезнях... Художник же должен судить только о том, что он понимает; его круг так же ограничен, как и у всякого другого специалиста, – это я повторяю и на этом всегда настаиваю».

И в другом месте:

«Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем... Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т.е. уметь отличать важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком...»

Чехова не отнесешь к любителям общих рассуждений на литературные темы. У него глубокие, выношенные личные взгляды на творчество, и он делится ими с близкими людьми. Он всегда выражается о писательской работе – как бы это сказать? – интимно, душевно, так, как любой мастер скажет о любимом деле.

У таких людей сами собой найдутся слова и о сути ремесла, и об особенностях родного дела. Когда удастся узнать чеховское мнение о литературном труде, напрягается слух, замирает душа: эти думы родились в тишине, в каком-то тайном чистилище, где обитает стыдливая правда. Антон Павлович беседует в письме с Алексеем Сувориным, литератором и издателем газеты «Новое время»:

«Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение. У одних, смотря по калибру, цели ближайшие – крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Дениса Давыдова, у других цели отдаленные – бог, загробная жизнь, счастье человечества и т.п. Лучшие из них реальны и ищут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, Вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет Вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше – ни тпру, ни ну... Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником. Болезнь это или нет – дело не в названии, но сознаться надо, что положение наше хуже губернаторского. Не знаю, что будет с нами через 10-20 лет, тогда, быть может, изменятся обстоятельства, но пока было бы опрометчиво ожидать от нас чего-нибудь действительно путного, независимо от того, талантливы мы или нет. Пишем мы машинально, только подчиняясь тому давно заведенному порядку, по которому одни служат, другие торгуют, третьи ищут...».

Посмотрите под этим углом зрения на пьесы Чехова «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад». Автор этих великих драматических произведений тоже зовет читателя: куда – вы поймете, внимательно прочитав их; у него тоже есть высшие духовные и нравственные цели, которые так ясно выражены на страницах пьес. Чехов наговорил на себя, когда признался, что он ничего не боится, даже смерти и слепоты. Смерти он мог не бояться, слепоты, при зрячем сердце, тем более. Главное же из того, о чем сказал писатель, он усвоил с первых своих литературных шагов: «Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником».

Он обостренно чувствовал красоту в искусстве. Но так же обостренно Чехов воспринимал красоту и изнанку жизни. Он любил размышлять о России, о ее судьбе, и разговоры с близкими людьми, и письма его полны проникновенных, несуетных, печальных слов на эту тему:

«Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга-муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира»... Работать надо, а все остальное к черту. Главное – надо быть справедливым, а остальное все приложится».

Вот вам и «аполитичный» Чехов, не любивший партий, нигилистов, обывателей. Он не любил пустых разговоров обо всем этом, демагогии, дежурных речей, но он остро переживал апатию людей и считал, что писатель должен быть человеком общественным. Повидав мир, много пережив и передумав, он убежденно говорил: «...если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита – это не жизнь, а какой-то [...] и больше ничего».

Сколько критиков считало, что Чехов пишет о безвольных, сумеречных людях из-за своего неверия, тоски, меланхолии, а не потому, что напряженно и тяжело размышляет о русской жизни, стремясь докопаться до ее пораженных, хилых корней. Да и о долге отечественного писателя, как знатока этой жизни и, возможно, одного из ее целителей, Чехов имел собственное и глубокое суждение. «Вся энергия художника, – определил он для себя, – должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны... страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой – необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня...» Это письмо помечено февралем 1888 года. А чуть раньше Чехов создал пьесу «Иванов», главный герой которой кончает жизнь самоубийством.

* * *

Это была первая «большая» пьеса Чехова. До нее он лишь пробовал свои силы в драматургии, написав несколько этюдов и сцен. О героях своей драмы Антон Павлович рассказывал многократно, то ли потому, что ему хотелось быть ясней понятым, то ли потому, что душа художника желала отклика людей знающих и близких. Стоит привести хотя бы некоторые строки, чтобы сверить свои представления о персонажах пьесы с авторскими. Попутно заметим, что слова писателя интересны живой непосредственностью, полным отсутствием того тумана и той значительности, которыми иные авторы окутывают своих героев, когда говорят о них в литературных беседах. Чехов представляет героев пьесы, как если бы он представлял соседей по дому или знакомых: у них есть симпатичные черты, но есть и недостатки, как у большинства людей:

«Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян... С годами к Иванову приходят физическое утомление, скука, чувство вины. Такие люди теряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распушенным нервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд «надломленных» и «непонятых».

Доктор Львов – тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: «Он глуп, но в нем есть честное чувство». Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция.

Саша – девица новейшей формации. Она образованна, умна, честна и проч. Это женщина, которая любит мужчин в период их падения... И что ж? Бьется Саша с Ивановым целый год, а он все не воскресает и падает все ниже и ниже...

Когда я писал пьесу, то имел в виду только то, что нужно, то есть одни только типичные русские черты. Так, чрезмерная возбудимость, чувство вины, утомляемость – чисто русские. Немцы никогда не возбуждаются, и потому Германия не знает ни разочарованных, ни лишних, ни утомленных».

Вглядимся попристальней в главного героя пьесы. Его образ был наметчен еще в рассказе Чехова «На пути», опубликованном годом раньше. Там Григорий Лихарев, человек выдохшийся, надорвавшийся в жизни, исповедует молодую барышню в придорожном трактире метельной ночью. Не было в судьбе Лихарева ни одного спокойного часа. Он разбойничал, пытался убежать в Америку, ходил в народ, служил на фабриках, собирал образцы устного творчества, занимался наукой, словом, «увлекался идеями, людьми, событиями, местами... увлекался без перерыва!» И – лишился сил, интереса к жизни.

Эта человеческая драма разворачивается и в «Иванове». Хозяин имения Николай Иванов оказался в том же положении, что и Лихарев. «Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты... – вспоминает он. – Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десятерых, сражался с мельницами, бился лбом об стены; не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы; я спешил расходовать себя на одну только молодость, пьянел, возбуждался, работал; не знал меры. И скажи: можно ли было иначе? Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много! И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которой я боролся! Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу? И мне уже кажется, что любовь – вздор, ласки приторны, что в труде нет смысла, что песня и горячие речи пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни... Погиб безвозвратно! Перед тобою стоит человек, в тридцать пять лет уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами; он сгорает со стыда, издевается над своей слабостью... О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство!».

Представьте себе такого человека среди людей, которые ищут причины неустройства русской жизни. Почему при огромных возможностях державы мы нищи, духовно неопрытны, придавлены, мрачны? Почему мы миримся с тем, что люди недостойные, бездарные, жадные захватили власть и богатства страны? Может быть, ответ на эти вопросы нужно искать в недрах нашего, современного говоря, менталитета, внутри нашего национального бытия?

Разумеется, это размышления современного человека. Но как мудра и животворна классика, если над ее страницами мы предаемся таким размышлениям! Свершились революции, прокатились войны, а мы снова и снова, затаив дыхание, выслушиваем исповедь чеховского Иванова, с такими надеждами начавшего жизнь и так нелепо, трагически закончившего ее. Значит, есть в этой судьбе какая-то таинственная правда, какой-то вещий урок, какое-то мудрое поучение!

Чехов не позволял себе писать героев одной краской: этот лжец, а тот правдолюбец, этот жаден, а тот щедр. «Мой герой, – обронил он как-то в письме к А. Плещееву, – лжет в суде, он тяжел и безнадежен, но он милый и мягкий человек. Другая героиня тоже лжет, но эта неправда причиняет ей боль». Чехов не судит своего героя, он рисует его таким, каков человек в жизни, а судьи этому человеку – Бог и сама жизнь. Еще в молодые годы Антон Павлович сказал по поводу рецензии Д. Мережковского*** на его книгу рассказов: «Меня величает он поэтом, мои рассказы – новеллами, моих героев – неудачниками, значит, дует в рутину****. Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. и придумать что-то новое. Мережковский моего монаха****, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел... Делить людей на удачников и на неудачников – значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Удачник Вы или нет? А я? А Наполеон? Где тут критерий? Надо быть богом, чтобы уметь отличать удачников от неудачников и не ошибаться...»

Думаю, Чехова любят за сердечное внимание к человеку обыкновенному, не броскому, не выделяющемуся большими талантами. Главный дар, по Чехову, это дар человеческий: умение оставаться всегда, в любом положении, деликатным, благородным, отзывчивым.

Для писателя не имело значения положение человека в обществе. Слуга Фирс из «Вишневого сада», нянька Анфиса из «Трех сестер», еще одна няня – Марина из пьесы «Дядя Ваня» – все они, как и герои «из благородных», имеют человеческий дар, о котором мы упомянули; и они не менее чем Астров или Вершинин, Треплев или Гаев запоминаются нам своей светоносностью. Под пером Чехова так беспомощны Раневская и ее брат Гаев, растерявшие свое умение работать. Но сказать о том, что оба эти владельца чудесного имения – люди никчемные, как еще недавно писала критика, это то же, что объявить никчемными Фирса, и старую Анфису, и еще сонм чеховских героев, наделенных чувствительностью, добротой, самоотвержением. Все они наказаны жизнью за непрактичность, за то, что меньше заботились о себе, а больше о других, но, конечно же, они не мешают движению жизни. В одном письме Антона Павловича есть ответ, из какого авторского чувства родился образ Раневской с ее чувствительной, беспомощной и самоотверженной душой: «Ужасно я люблю все то, что называется в России именем; это слово еще не потеряло своего поэтического оттенка».

Любить и понимать людей – это привлекательная особенность Чехова-драматурга. В его пьесах есть утопические мечтатели, есть прагматики, есть трезвые, здравые люди, видящие цель и знающие пути к ней. Словом, как в жизни. Писатель дает право голоса всем; он не выбирает тех, кто ему по душе, и не подсказывает героям их слова. Каждый говорит, как чувствует, как думает, – иной сумбурно, неопределенно, с фантазиями, а иной – четко, выверено, с предчувствием истины. Нам интересно знать тревоги и надежды этих людей; ведь прошел целый век, и мы можем оценить правоту или неправоту чеховских героев. И странное дело: хотя в России за этот век произошли невиданные ни в какой другой стране потрясения, наши духовные устремления во многом совпадают с теми, о которых говорили персонажи писателя. Поневоле

подумаешь, что Чехов знал что-то важное, глубинное о русских людях, коли предвидел их будущее.

Есть нестареющие истины, о которых он напоминал. В одном из писем он рассуждал, например, о «кодексе буржуазии», уже народившейся в России. Вот ее правила: «Будь верен жене, молись с ней по молитвеннику, наживай деньги, люби спорт – и твое дело в шляпе и на том, и на этом свете. Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать, и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым».

Милый Антон Павлович, нынешние российские буржуа не так нравственны и богопослушны, как прежние, но в главном, конечно, сохраняют родовые черты: каждый старается быть зверем и в то же время счастливым. «Положительные» типы теперь называются «успешными людьми», а «успешные люди» – это, по преимуществу, те, кто за ненадобностью выключил, как батарейки, совесть, милосердие, справедливость.

Быть зверем и в то же время счастливым – этому, как известно, научиться нельзя, но преуспевающим кажется, что они уже научились. Как они заодно с властью устроят жизнь в России, очень точно предугадал доктор Астров из пьесы «Дядя Ваня»: «...исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... От прежних выселков, хуторов, скитов, мельниц и следа нет. В общем, картина постепенного и несомненного вырождения, которому, по-видимому, остается еще каких-нибудь 10-15 лет, чтобы стать полным. Вы скажете, что тут культурные влияния, что старая жизнь естественно должна была уступить место новой.

Да, я понимаю, если бы на месте этих истребленных лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы, – народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне... Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего...».

Ну и провидец же этот доктор Астров! Точный портрет нынешней России, точная картина того, что устроили на ее просторах новые господа! В который раз убеждаемся мы, что наших классиков нужно читать не только для того, чтобы обустроить свою душу, но и для того, чтобы не дать безумцам разрушить нашу святыню – Россию.

На каких основах нельзя построить благополучную жизнь всех ее граждан – об этом тоже размышляют чеховские герои. Особенно молодые, рвущиеся к личной свободе и отвергающие всякую зависимость от новых крепостников – и материальную, и духовную.

Прочитайте внимательно диалог Ани, дочери помещицы Раневской, и студента Пети Трофимова из комедии «Вишневый сад». Не сегодняшний ли взгляд соотечественников на хозяев и подданных выражают молодые люди:

«А н я. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде? Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучше места, как наш сад.

Т р о ф и м о в. Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест.

Пауза

Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Владеть живыми душами – ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней...».

Так что тех, кто устраивает свое процветание на подневольном труде сограждан, писатель устами своих героев предупредил. А уж услышат ли господа это предупреждение, покажет время...

* * *

Чехов создал в русской драматургии совершенно новый тип пьесы – лирической и трагической одновременно. К этому определению «новый» подойдет любая комедия и драма Антона Павловича. У него серьезный разговор о жизни, о счастье, о будущем соотечественников всегда окутан поэтической дымкой. Лирика в пьесах писателя (как и в прозе его) сопутствует житейским и философским размышлениям; она, как музыка, настраивает на эти размышления и совершенно не мешает их течению. И лирика не ослабляет, а наоборот усиливает трагическое звучание пьес.

Удивительна в этом смысле комедия «Чайка. Перед Ниной Заречной и Константином Треплевым открываются в жизни романтические пути: она мечтает стать актрисой, он писателем. И словно их состоявшееся будущее – рядом с ними две судьбы: матери Константина, знаменитой актрисы Ирины Николаевны Аркадиной, и известного беллетриста Бориса Алексеевича Тригорина. О Заречной и Треплеве поначалу можно сказать, что это люди обыкновенные, тогда как Аркадина и Тригорин, конечно, необыкновенные. Но, как часто бывает у Чехова, то и другое определения можно поменять местами. Известные актриса и писатель оказываются весьма обыкновенными, со многими человеческими недостатками, а молодые люди, с их чистыми чувствами и творческими задатками, пожалуй, необыкновенны. Первые больше ценят внешний успех, вторые острее переживают и ценят возвышенные лирические минуты, творческое вдохновение. И только невероятная сложность отношений между героями пьесы делают лирическую комедию подлинной драмой с ее бурными страстями и тяжелыми душевными потрясениями. Застрелился Треплев, обманутая Тригориним Заречная вынуждена играть на сцене провинциального городка, Аркадина легко пережила измену Тригорина и вновь поладила с ним, Маша, дочь управляющего имением, любившая Треплева, вышла замуж за нелюбимого учителя Медведенко... Чехов не распутывает сложный клубок взаимоотношений героев. Как не бывает в жизни простой развязки таких историй, так и в пьесе все сложности остаются с героями. Мы становимся свидетелями лишь первых трагедий, подготовленных жизнью. Она продолжается и обязательно принесет новые драмы. Зато у героев пьесы остался духовный опыт прожитых лет, пусть и трагический. Он поможет им выстоять в будущем. Не может же быть забыто нами горячее признание Нины Треплеву:

«Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле – все равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни».

* * *

Не боятся жизни и герои «Вишневого сада», такие разные по возрасту, по взглядам на жизнь, по своему положению. Петя Трофимов и Аня не боятся будущего потому, что молоды и рвутся испытать свои силы. И еще потому, что жизнь пока не была их слишком больно. Смело смотрит в наступающие дни Лопухин, напористый и удачливый тип из новых, деловых людей. Этому сам Бог велел радоваться: он «купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню». Но даже и житейски беспомощные Раневская и ее брат Гаев только, как говорится, на минуту растерялись перед тяжелым испытанием – продажей с молотка их родового имения. Жизнь больно встряхнула их – но и они оправились от этого. С прежним воодушевлением летит к возлюбленному за границу Любовь Андреевна, пусть на чужие и скудные деньги; со смирением готовится стать банковским служащим, то есть зарабатывать на жизнь собственным трудом, Леонид Андреевич. Они участвуют не в комедии, хотя пьеса отнесена автором к этому жанру, а в драме, подлинной драме, последствия которой пока еще в тумане. У Чехова и не могло быть иначе. Художник мудрый и правдивый, он никогда не сводил жизненные ситуации к комическому пустяку, к облегченному финалу. Каждая его пьеса – это кусочек жизни, выхваченный из ее потока; рассказ о героях начинается в непростое для них время и заканчивается положениями, часто еще более тяжкими в их судьбе. И кто скажет, что это не поучительно для читателя и зрителя?

Мы начали разговор о «театре Чехова» с того, что пьесы и герои писателя будут лучше поняты и точнее оценены, если мы хорошо представим самого автора. Это так. Но и тут нужна оговорка, может быть, парадоксальная. Чехов увидел в жизни и «привел» в свои пьесы так много интересных, оригинальных людей, что, кажется, они стали советчиками и учителями для самого автора. Антон Павлович – это такой автор, который слушал своих героев, как живых людей, и любовался ими, и доверял их сердцу и уму. Он творчески наставлял брата Александра, тоже писавшего для театра: «Главное, берегись личного элемента. Пьеса никуда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя. В этом отношении твоя «Копилка» безобразна и возбуждает чувство досады... Точно вне тебя нет жизни?! И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людям давай людей, а не самого себя».

«Людям давай людей» – этим правилом Чехов руководствовался во всем творчестве. И когда его многочисленные герои утешали и проклинали, говорили правду и лгали, помогали другим и ублажали только себя, без усталости работали и бездельничали, то перед взором открывалось широчайшее поле жизни, на котором читатель мог представить и себя. Кого он выбрал бы в свои попутчики, чьего совета послушался?

Книжные герои толкуют о простом, житейском, но, в сущности, они говорят о вечном и бессмертном. Ирина из «Трех сестер», двадцатилетняя телеграфистка, в день своих именин с наивной восторженностью рассуждает о пользе всякого труда – можно, как иные гости, с улыбкой воспринимать ее задор, а

ведь юные уста вещают правду уже обретенную, добытую и – главное – долго-вечную: «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волком, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно!».

И недаром молодой поручик Тузенбах, не приученный к труду, так живо откликается на слова Ирины: он предчувствует, что надвигается какая-то особая буря, которая сметет трутней: «Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25-30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!».

Таких героев, дерзко мечтающих и хорошо чувствующих ход времени, мы и любим у Чехова. Но магия его драматургии не только в особенных персонажах, людях, по преимуществу, тонких, искренних, деликатных. «Театр Чехова» имеет и свою интонацию, свои художественные краски, оригинальную композицию каждой пьесы, особенную стилистику, словом, неповторимость чисто творческую – литературную и сценическую. Антон Павлович и сочинения других авторов, своих современников, оценивал с собственной «колокольни», как писатель, слышащий музыку повествования, его лирическую тональность. «Ваш «Соколинец», – писал он однажды В. Короленко, – мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан, как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом».

Достаточно прочесть или услышать несколько строк из «Чайки», «Трех сестер», «Вишневого сада», чтобы сказать: это – Чехов. Так бывает только с шедеврами классической литературы.

* О. Нотович – драматург, журналист; Г. Градовский – публицист.

** Однажды, в 1890 году, журнал «Русская мысль» назвал Чехова «жрецом беспринципного писания». Антон Павлович ответил на этот выпад издателю журнала: «Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был... Я не шантажировал, не писал ни пасквилей, ни доносов, не льстил, не лгал, не оскорблял, короче говоря, у меня есть много рассказов и передовых статей, которые я охотно бы выбросил за их негодностью, но нет ни одной такой строки, за которую мне теперь было бы стыдно».

*** Д. Мережковский – прозаик, поэт и литературный критик.

**** То есть повторяет избитое, устоявшееся в критике мнение, что Чехов пишет в основном о неудачниках, лишние людях.

***** Героя рассказа «Святою ночью».

*Листая страницы
Дней русской духовности и культуры
«Сияние России»*

Начало «Дней» – год 1994-й. Другой дух, другая атмосфера. Больше русскости, стираемой год за годом нашествием «западных ценностей». Мы обратились через Facebook к Александру Васильевичу Шахматову, предпринимателю и оперному певцу из Австралии, именно ему принадлежала идея песенных фестивалей по России. В содружестве с Валентином Григорьевичем Распутиным они тогда создали контуры иркутского праздника. «Пришли не те люди на праздник «Сияние России» – потому что настоящего русского восстановления нет в умах народа», – таково на сегодня мнение А.В. Шахматова. На вопросы редакции «Иркутского писателя» он ответил одной краткой речью.

Еще одна публикация – фрагмент повествования испанского прозаика Сантьяго Вилановы, посетившего «Сияние России» в 2005 г. Текст во многом не совпадает с ощущениями иркутян и, как и должно быть в художественной литературе, автор вольно обращается с фактами.

АЛЕКСАНДР ШАХМАТОВ

РОССИЯ – ВЕЧНОСТЬ, А КАКАЯ ОНА БУДЕТ – ЗАВИСИТ ОТ НАШЕЙ ПРЕДАННОСТИ К НЕЙ

Уже исполнилось 24 года, как я впервые приехал в Россию после бурной певческой карьеры во многих странах Мира!? Почему стоят два знака – восклицательный и вопросительный – потому, что был рад ступить на Родную землю, где родились мои русские предки, и из-за того, что не узнал Россию, о которой мне много говорили мои любимые родители на чужбине. Первое что меня ударило, как ножом, по душе – то, что слово РУССКИЙ нельзя было употреблять – устно и письменно. Когда мне приходилось давать интервью для Всесоветского телевидения, радио, газет и журналов, где я говорил о величайшей и мировой русской культуре, литературе и искусстве, то все старались поправить меня на советский лад.

Все это казалось мне дикостью, и я решил организовать праздники русской духовности и культуры: «Душа России», «Сияние России», «Казачий Покров» и «Зов Руси» – по городам, деревням и областям матушки-России, что и стало Чудом-началом духовного и национального очищения и восстановления настоящей Отчизны! Сразу же приступил и к основанию организации Всемирное Русское Единство «Великая Россия» – по всей Вселенной, чтобы всем миром помочь любимой исторической Родине! Стал выступать перед студентами – в школах и университетах, военными – в училищах, дивизиях и гарнизонах, казаками – в станицах, хуторах и на всех Всероссийских Казачьих кругах, на съездах писателей России и перед простым народом, как на Шукшинских чтениях на Алтае, в Музыкальных консерваториях, принимал горячее участие в кинофестивале «Золотой Витязь» ..., словом, сделал, по всей России, более 1000 докладов, концертов, лекций и мастер-классов.

Пришлось бороться и с произволом в Москве, то есть с незаконным и опасным сооружением ЛЭП, а также защищать русских узников совести, чести и достоинства, как Бориса и Ивана Мироновых и других земляков, некоторые из них, к русской боли, по сей день ещё томятся в заключении, на этот раз по-демократически.

Удалось мне заниматься родными и благими деяниями только 10 лет, так как после начались перехваты и вталкивание палок в колёса Русского самосознания и возрождения – со стороны безбожных интернационалистов и либералов-перестройщиков, что меня заставило писать книги, которых ныне уже семь.

Но, к сожалению, книги молодёжь читает мало, она больше время проводит в Интернете, и я решил создать Русскую Академию национального воспитания и образования (РАНВО) в Мировых сетях, и пока что, слава Богу, просветительный орган приносит плоды, то есть, получаю много писем благодарности и добрых пожеланий!

Снялся в документальных фильмах «Притяжение», «Русские гости», «Русская Австралия», «Лицом к лицу»... За два десятка лет появилось и исчезло сотни «патриотических» организаций, с липовыми вождями, которые больше думали о себе, чем о России. Если откровенно, то могу сказать, что не зря живу в России, то есть на белом свете! Знаю, что некоторые недалекие скажут: «Что это он расхвастался!» Но меня это не беспокоит – потому что творю для русского народа – Великой державы, и подаю пример другим, что и один, в начале, может быть в поле воин, то есть с верой, любовью, надеждой и истиной можно достигнуть жизненных и человеческих результатов! Слава Богу! Слава предкам и потомкам – Великой России!

<http://golos-epohy.narod.ru/index.files/shah1.htm>

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА *

Сибирским писателям и поэтам
Валентину Распутину и Андрею Румянцеву.
Организации «Байкальская Экологическая Волна»

Когда пьешь воду, помни об источнике.

Древнекитайская пословица

Water is the only drink for a wise man.

(Вода – единственный напиток мудрого человека)

Генри Дэвид Торо

От автора. Имена и род занятий Валентина Распутина и Валентины Галкиной подлинны.

Также хочу поблагодарить Ларису Сорокопуд, заведующую кафедрой испанского и итальянского языков Иркутского государственного лингвистического университета.

* * *

Самолет компании «Аэрофлот», приближающий его к Иркутску, летел вдоль Алтайских гор над тайгой. Вдали виднелись самые высокие вершины Сибири, покрытые вечными снегами, испещренными узкими и глубокими трещинами. Эти необъятные земли хранят множество тайн, например, тайну алтайской принцессы – мумии женщины благородного происхождения, жившей двадцать пять столетий назад, ее в 1993 году обнаружили при раскопках на плоскогорье Укок. Ее саркофаг до сих пор занимает умы новосибирских ученых, в то время как горные народы, потомки древних варваров и кочевников, требуют ее захоронения и продолжают верить, что столь частые в этом регионе землетрясения – это проявление гнева богов за разграбление могилы.

Алтайские горы, как и Альпы, образовались в результате столкновения евразийской и африканской тектонических плит. На вершинах до сих пор находят остатки морских ископаемых и петроглифы доисторических, еще не известных культур.

* Редакция публикует главы, связанные с Иркутском. Испанский прозаик Сантьяго Виланова посетил его в 2005 г., в Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Его приезд явился ответным визитом на посещение Испании (г. Барселона) В.Г. Распутиным и А.Г. Румянцевым по приглашению экологического движения.

Андреу с восхищением любовался величественной тайгой, этим бесконечным зеленым ковром, сотканным из елей, пихт и кедров, с россыпью сверкающих озер, протянувшимся до самого Енисея, откуда начиналась Восточная Сибирь. Он прочитал, что в тайге встречаются деревья высотой с восьмизэтажный дом. Столетние кедровые стволы, которые одному человеку ни за что не охватить руками, несмотря на разрушительные лесные пожары, покрывают тысячи квадратных километров. Этот лес настолько густой, что невозможно пересечь его без риска для жизни. Там, куда не проникает солнечный свет, прячутся мрачные болота, порываемые зеленым мхом. Многие путешественники и исследователи окончили в них свой путь: их поглотила холодная и вязкая трясина.

Эти невероятные легкие планеты полны мошкары и комаров, укусы которых причиняют боль. Они летают целыми тучами и накидываются на человека с такой яростью, что вполне могут свести с ума. Охотники обычно надевают защитные сетки на лицо и на руки. А когда дует сильный ветер, тайга бушует, словно океан во время бури, и человек, потерянный и напуганный, ощущает себя моряком, которого волны бросают из стороны в сторону.

В этих грандиозных пейзажах Андреу видел не благословенный дар Матери-Земли, а сердце тьмы. Он ощущал себя героем романа Джозефа Конрада Курцем, колониальным агентом в черной Африке, над которым берут верх враждебная среда и одиночество во время путешествия, в его случае – в самые темные уголки русской души. После Москвы и Новосибирска у него было ощущение, что он блуждает по лабиринту. Впрочем, он осознавал риск, соглашаясь на этот миллионный контракт.

События прошлого вечера вызывали в нем смешанное чувство ярости и разочарования. Он был уверен, что за ними стоял Сергей Афанасьев.

Этим утром он успел купить новый ноутбук и решил, что, если в дальнейшем возникнут сложности, придется обратиться напрямую в Нью-Йорк и попросить помочь выбраться из этого тупика.

Последнее, что он успел сделать в Новосибирске, – посетил художественный музей на Красном Проспекте, чтобы посмотреть работы Рериха. Он решил позволить Юрию отвезти его в аэропорт, словно ничего не случилось, – такое поведение должно было удивить угрюмого типа, прощальный жест которого был таким же небрежным, как и приветственный в день знакомства.

В Иркутске он может доверять только одному человеку, которого рекомендовал ему Клод Равено перед отъездом из Барселоны: Анатолий Салкин, бывший журналист. Он опасался, что новый посредник, некий Владимир, – очередной крот Поликарпова. Он заказал виски со льдом и задремал. Наконец, пролетев над Красноярском и руслом Енисея, капитан Боинга объявил, что самолёт готовится к посадке в аэропорту Иркутска.

В иллюминатор, расположенный над правым крылом, Андреу смотрел на огни города, протянувшегося вдоль берегов полноводной Ангары. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь он посетит места, где бывал Михаил Строгов. Приземление в этом уголке планеты было самым неожиданным приключением в его жизни.

* * *

За время полета он посмотрел в Интернете карту Иркутска и через Google Earth нашел основные здания города. Поэтому он без труда разглядел в голу-

боватой дымке купола Спасской церкви и Казанского собора*, мост и старый железнодорожный вокзал.

Контрольная вышка дала зеленый свет, и самолет начал заходить на посадку. За последние несколько лет в этом аэропорту произошло две авиакатастрофы, и пассажиры заметно нервничали. Шасси сработало как надо, и самолет мягко приземлился на посадочную полосу, что послужило поводом для всеобщих аплодисментов.

На этом самолете из Москвы с пересадкой в Новосибирске летела женская команда по гимнастике, которая, судя по радостному возбуждению, вероятно, победила на соревнованиях в российской столице. У взлетной полосы спортсменок встречала делегация местных властей в сопровождении молодежи в народных костюмах. Парни были одеты в белые рубашки с зеленым, красным и синим орнаментом. Девушки щеголяли в золотых кокошниках с кружевной вышивкой и ярких ожерельях. Одна из них держала обеими руками огромный каравай, на котором горкой была насыпана соль. Гимнастки одна за другой отламывали от каравая по кусочку и, обмакнув в соль, ели. Одна из девушек, принимая хлеб-соль, перекрестилась и сказала: «Слава Богу!»

Наблюдая за этой церемонией, Андреу Вилерт начал понимать, что он оказался в мире, где до сих пор чтут древние традиции и обычаи гостеприимства.

Было холодно, примерно как в январе в Барселоне, однако все вокруг держалось, как ни в чем не бывало, как будто была весна.

Охранник провел пассажиров в здание терминала. Пробравшись сквозь толпу, беспрестанно повторяя: «Извините! Извините!», – Андреу вышел на улицу. Вдохнул полной грудью холодный воздух с гор и оглядел стоянку. Вилерт сразу его увидел: он стоял, опершись на раздолбанный пикап. У него были бурятские черты лица, большие глаза и волевой подбородок, светлые вьющиеся волосы. Одет в куртку и кроссовки. И в руках – плакат с именем Вилерта. Он подошел и поздоровался.

– Добрый вечер! Я Андреу Вилерт.

– Добро пожаловать! Меня зовут Владимир, я отвезу вас в гостиницу «Ангара», – ответил тот. – Завтра у вас встреча с Алексеем Смирновым. Вы увидите на приеме для писателей, который устраивает мэрия.

Он сел рядом с водителем, а чемодан и ноутбук оставил на заднем сиденье. От аэропорта до города было шесть километров. По пути он пытался рассматривать ночной пейзаж, но глаза его слипались. Он мечтал только о том, чтобы упасть на кровать и провалиться в сон. Завтра предстоял очень ответственный день.

МИТИНГ В ИРКУТСКЕ

Он проснулся с твердым намерением преуспеть в щекотливом деле, которое привело его в этот уголок Восточной Сибири. Гостиница располагалась на площади Кирова, недалеко от реки и моста через Ангару. Ее окружали крупнейшие православные церкви Иркутска, которым удалось уцелеть, когда по

* В отношении некоторых иркутских реалий, в частности, при описании достопримечательностей, испанский автор изредка допускает неточности, видимо, из-за неправильно понятой или недостоверной информации в имевшихся у него источниках. Учитывая, что это художественное произведение, мы не стали вносить изменения в текст, дабы не нарушать при этом ещё и авторское право. – *Ред.*

всей стране по приказу Сталина сносили храмы. Напротив кровати на стене висела картина с панорамным видом старого города, каким он был до социалистической революции. Это был процветающий торговый город, место встречи Востока и Запада. На картине был изображен Казанский собор, самый большой в Сибири, с тремя золотыми куполами, способный вместить более пяти тысяч верующих; в 1932 году его снесли по приказу тирана.

Андреу посмотрел в окно и стал рассматривать открывшуюся перед ним панораму реки до самого острова Юность. На другом берегу виднелся железнодорожный вокзал в неоклассическом стиле, выкрашенный в зеленые, белые и охрачные тона, сливающиеся с пейзажем. В первых лучах солнца огромная масса воды, берущая начало в великом озере, казалась серебряным полотном, которое находилось в непрерывном движении и исчезало за большой излучиной в западной части города.

Андреу заказал в номер апельсиновый сок и кофе с тостами. Принял душ, побрился и выпил таблетку от стресса, которую привез из Барселоны, вместе с лекарством для профилактики проблем с желудком. Сейчас он не мог позволить себе заболеть.

Андреу оделся и приготовился к приему в мэрии, когда зазвонил телефон. Ему сообщили, что приехал Владимир. Он спрятал ноутбук в сейф, положил флешку во внутренний карман пиджака и спустился в фойе.

Владимир ждал его, стоя неподвижно, как истукан. На нем был черный костюм и яркий галстук. Андреу Вилерт с первого взгляда понял, что это человек Поликарпова, и что от его присутствия будет не так просто избавиться.

— Bonjour, monsieur Вилерт. Прием, который устраивает мэр для участников Конгресса русских писателей, назначен на одиннадцать часов. Там вы встретитесь с профессором Алексеем Смирновым. У нас еще есть время, если хотите, можем прогуляться вдоль реки до памятника Юрию Гагарину, а потом — по проспекту Карла Маркса.

— Хорошо, — ответил он. Ему хотелось размять ноги и посмотреть город.

Они шли в молчании, которое прерывалось только, когда он задавал вопрос о каком-нибудь здании. По пути им то и дело встречались молодые люди, совершающие пробежку. Наконец они дошли до памятника советскому покорителю космоса и обелиска, посвященного исследователям Сибири. Неподалеку находилось одно из самых известных зданий Иркутска — Белый дом. Белое строение императорской эпохи принадлежало купцу Сибирякову и некоторое время служило резиденцией иркутских генерал-губернаторов.

— Здесь останавливались Бакунин и Кропоткин. Сейчас внутри находится научная библиотека, — пояснил Владимир.

В нескольких метрах вниз по улице располагался Этнографический музей, здание из красного кирпича, как и московский Кремль. Он остановился, чтобы сделать несколько фотографий, и пошел за своим провожатым по улице Карла Маркса, бывшей Большой, — главной транспортной артерии города. Вскоре они дошли до Драматического театра, где показывали чеховского «Дядю Ваню». Вдоль всего проспекта висели плакаты, объявляющие проведение митинга в защиту Байкала, который вечером того же дня устраивала ассоциация «Живой Байкал».

— Кто входит в эту организацию по охране озера? — спросил он, делая вид, что первый раз о ней слышит.

– Это местные «зеленые», иностранные агенты, получающие финансирование от Гринпис Интернешнл, – презрительно сказал Владимир. – Хотят, чтобы мы вернулись к феодальному строю. Посадить бы их всех!

В районе улицы Лапина им встретились две сибирячки, стройные блондинки.

– Bonjour, – прощепетали они с улыбкой.

– Bonjour, – ответил он.

Увидев, что иностранец не обращает на них внимания, девушки пошли своей дорогой.

– Французский язык очень популярен в Иркутске, не правда ли? – спросил Вилерт, чтобы разрядить обстановку.

– Да, это все влияние дакбристов, – ответил Владимир.

– Декабристов? – он сделал вид, что ничего не слышал об этом движении, о котором на самом деле уже читал. Просто захотелось проверить уровень образованности своего спутника. Владимир решил блеснуть эрудицией.

– Это группа офицеров дворянского происхождения из Санкт-Петербурга, которая в декабре 1825 года подняла восстание против царского режима. Они хотели провозгласить Россию конституционной республикой. Предводителей в итоге повесили, а более сотни мятежников сослали в Сибирь, большую часть – в Иркутск, на каторжные работы и на рудники. За тридцать лет многие обзавелись новыми семьями и внесли большой вклад в экономику, образование, науку, искусство и градостроение. Поэтому Иркутск часто называют «Сибирским Парижем».

– Вы не преувеличиваете?

– Франкофилия здесь – часть повседневной жизни. Вы убедитесь в этом на приеме в мэрии.

Когда они вернулись на площадь Кирова, было без десяти одиннадцать, и у здания городского совета уже собирался народ; здание было исключительно функциональным и не представляло ни малейшего архитектурного интереса.

– Обратите внимание вон на того мужчину крепкого телосложения: это профессор Алексей Смирнов. После выступления мэра будет фуршет, вы к нему подойдете, и он с вами поздоровается.

– А как я попаду на официальный прием?

– С Андреем Климовым. Смотрите, он как раз сейчас говорит с профессором. Он подойдет к вам поздороваться, когда вы будете у входа, – у Владимира все было тщательно спланировано.

– Чем он занимается?

– Работает в Секретариате Ассоциации сибирских поэтов и писателей, которая пользуется большим авторитетом у местных политиков и предпринимателей. Я буду ждать вас у выхода.

– А что за девушка с Климовым? – спросил Вилерт, который не мог не обратить внимание на красавицу-бурятку.

– Ее зовут Даша Сурикова. Говорит по-французски, одна из лидеров «Живого Байкала».

– Я хотел бы с ней познакомиться.

– У вас будет такая возможность на приеме, она вам еще расскажет сказку о загрязнении озера. Но в первую очередь я вам рекомендую поговорить с профессором.

– Так я и сделаю, – ответил Вилерт, чтобы успокоить собеседника.

* * *

Он хотел заручиться поддержкой «Живого Байкала», о котором уже знал из документа, полученного из Парижа перед отъездом из Каталонии. Он намеревался предложить им финансирование для экологического фонда в обмен на обещание ассоциации не препятствовать созданию совместного предприятия по экспорту байкальской воды в страны Средиземноморья. На митинге он мог снова встретиться с Дашей Суриковой, о чем они и договорились на приеме в мэрии после продолжительной беседы.

В четыре часа, после обеда, не дожидаясь Владимира, он вышел из гостиницы и направился к памятнику Ленину. По пути остановился посмотреть на традиционные избы из еловых и сосновых бревен, уникальные архитектурные памятники, для сохранения которых необходимо было срочно принять меры.

На площади собралась огромная толпа, в том числе много студентов с плакатами: «Спасем Байкал – священное море Сибири!», «Долой зотовскую мафию!», «Нет – целлюлозному комбинату на Байкале!», «Байкал – богатство России и человечества!».

Он увидел ее, ослепительно красивую, в гуще манифестантов, раздающей листовки, и подошел к ней.

– Привет! Я думала, вы не придете, – сказала она.

– Почему я не должен был прийти? – удивился он тому, что внушает так мало доверия.

– Потому что для вас, как для предпринимателя, вода Байкала – это предмет торговой сделки. Что может заставить вас прийти на митинг? Для нас же озеро, в первую очередь, – национальное достояние, которое нужно сохранить для грядущих поколений, – с этими словами она вложила ему в руку листовку, где на русском и английском языках объяснялись причины протеста.

– Можно вести бизнес и в то же время заботиться о сохранении озера, не так ли? – ответил Вилерт, разглядывая листок.

– В ситуации с Байкалом мы считаем эти две вещи несовместимыми, – убежденно ответила девушка. – Сохранение чистоты озера и биологического разнообразия в нем невозможно, если на его берегу будет работать целлюлозный завод. Если Москва и дальше будет нас игнорировать, Коммунистическая партия снова получит поддержку избирателей в нашей области.

Также Даша сообщила ему, что китайцы планируют приобрести Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, расположенный на северо-западном берегу озера, в районе Слюдянка, и расширить производство.

– Кто такой этот Зотов? – поинтересовался Вилерт.

– Петр Зотов – один из друзей президента Путина, в настоящее время он владеет фабрикой, которую собирается продать китайцам. В 1993 году Михаил Горбачев закрыл производство, уступив требованиям экологических и общественных движений. И тут произошел переворот. Потом Ельцин и Путин попытались снова запустить завод и даже взяли кредит во Всемирном банке, но ничего не вышло. Сейчас предпринимаются новые попытки при поддержке Банка развития.

– Насколько я понимаю, уже много лет как известно, что фабрика целлюлозы является причиной экологических проблем?

Этот вопрос позволил Даше рассказать об истоках экологического конфликта.

– В самый разгар холодной войны и космической гонки целлюлозно-бумажная фабрика была объектом военного и стратегического значения: на ней производили Суперкорд-С для Советской Армии. Производство требовало огромного количества воды, содержащей минералы. В годы произвола завод безнаказанно загрязнял Байкал, однако постепенно писатели и ученые начали говорить о сложившейся ситуации. Среди них был и Валентин Распутин, один из крупнейших сибирских писателей. Еще наши родители в семидесятые и восьмидесятые годы несколько раз поднимали протест, некоторые из них и сегодня пришли на митинг, чтобы продолжить борьбу. Благодаря тем гражданским протестам удалось добиться, чтобы Москва остановила производство, и завод решили переоборудовать в мебельное предприятие. Однако, даже с помощью кредитов западных банков, чиновники не смогли свести концы с концами. Представьте себе: в Байкальске проживает семнадцать тысяч человек, и две тысячи из них работали на заводе. Это был так называемый моногород. Поэтому и сейчас наше движение сталкивается с огромной проблемой непонимания. Путин, Зотов и китайцы хотят привлечь мэра и власти Слюдянского района в свой бизнес, предоставив им долю в новом акционерном предприятии.

– Даша, а вы не думаете, что технологии, препятствующие загрязнению, и очистительные сооружения могут спасти озеро от загрязнения? Может быть, вашей организации стоит пойти на переговоры? – спросил Вилерт, чтобы понять, какова ее политическая позиция.

– Никакая технология не очистит озеро настолько, чтобы в нем могла выжить эпишура, крошечный рачок, который служит фильтром и обитает только в Байкале. Наше священное море – это тектоническая впадина, образовавшаяся 25 миллионов лет назад. Только представьте: возраст большинства озер в мире не превышает одиннадцати тысяч лет.

– Да-да, я знаю, о чем вы говорите, и слышал об уникальных свойствах этого вида, – вырвалось у него.

– Откуда? – удивилась она.

– Я подготовился. Как я уже говорил вам утром, в мэрии, я приехал заключить контракт с «Ангара Уотерс». Запасы минеральной воды на Средиземном море истощаются, и нужно искать альтернативные источники. Для нашей компании это задача первостепенной важности.

– «Ангара Уотерс»? Знаете, там работают местные предприниматели, и они в первую очередь должны беспокоиться о судьбе целлюлозного комбината в Байкальске. Большая часть бутилированной воды, которую пьют в Иркутске, – продукция этой компании. Химическое загрязнение озера нанесет урон их имиджу, а если будет создано совместное предприятие, то и имиджу их европейского партнера, – объяснила Даша.

– То, что вы говорите, кажется мне вполне разумным. Я уважаю ваши цели, но я верю в «зеленую экономику», – ответил он, не скрывая своего критического отношения к радикальному настрою экологов.

– Вам следует знать, что наша организация отслеживает все попытки коммерческой деятельности, связанной с водой Байкала и особенно с его автохтонными видами. Международные соглашения о биологическом разнообра-

зии принимаются не просто так, а для того чтобы их соблюдать – такова наша позиция. А сейчас прошу меня извинить, митинг вот-вот начнется. Мы с вами увидимся послезавтра на экскурсии по озеру, верно? Я займу вам место в автобусе для поэтов и писателей, которые принимают участие в Конгрессе. Члены нашей ассоциации будут сопровождать их, чтобы по пути рассказать о рисках, связанных с повторным запуском завода. Даже заместитель премьер-министра России выступает за то, чтобы окончательно его закрыть.

Даша пожала ему руку и исчезла в толпе, которая, словно поток, несущий транспаранты, плыла по проспекту Ленина в окружении полицейских и агентов служб безопасности.

Внезапно кто-то похлопал его по спине и произнес:

– Красавица, а? – это был Владимир, который смотрел на него в упор. – Мсье Вилерт, вам следовало бы предупредить меня, что вы собираетесь на митинг, в котором участвуют самые неблагонадежные жители нашего города. Я пришел сказать вам, что Любовь Иванова, председатель вододобывающей компании, позвонила мне и назначила встречу на завтра, после обеда. Я заеду за вами в гостиницу в три часа. Офис компании находится за городом. И, пожалуйста, не отключайте мобильный. – Владимир, не скрывающий недовольства, на прощание бросил скупое «пока».

* * *

С бывшим корреспондентом агентства «Новости» Анатолием Салкиным, который теперь, по словам Клода Равено, работал на ИТАР-ТАСС, они договорились встретиться после ужина. На часах было десять вечера, когда он вышел из такси у дома номер 30 по улице Разина, рядом с Домом Писателей. От Владимира он отделался, сказав, что останется в гостинице и будет готовиться к встрече с представителями вододобывающей компании. Поликарповский прихвостень купился на эту версию или сделал вид. Прежде чем учредить экологический фонд, он хотел побольше узнать об ассоциации «Живой Байкал».

Салкин жил в старинной сосновой избе, украшенной резными орнаментами и бордюрами, похожими на настоящие деревянные кружева. Журналист радушно встретил Андреу Вилерта.

– Для друзей Клода двери моего дома всегда открыты! Добрый вечер! – и, дружески похлопав его по плечу, пригласил войти.

Салкин был высокий и худощавый мужчина лет пятидесяти, бледный и седой. На нем была клетчатая рубашка зеленых оттенков и коричневые вельветовые брюки. Он курил трубку, показывая почерневшие зубы – признак курильщика и плохого питания, видимо, такого же скромного, как зарплата журналиста. По правде говоря, он больше походил на охотника или таежного дровосека, нежели на представителя прессы.

В прихожей, гостиной и кабинете – повсюду высились кипы газет, книг и журналов. На верхних полках книжных шкафов стояли примитивные скульптуры африканских и азиатских племен. Он узнал изображения моаи и кавача с острова Пасхи.

– Это все я привез из командировок, в которые ездил как сотрудник одного журнала по антропологии. Это для меня единственная возможность хоть иногда сбегать от долгой сибирской зимы... Хотите виски со льдом? – Вилерт кивнул. – Настоящий солодовый, я его покупаю в «Березке» гостиницы «Ангара».

У меня там работает друг, который мне его продает по цене дьюти-фри. Он же мне сообщает об иностранцах, остановившихся в гостинице: чтобы добыть эксклюзивный материал, надо крутиться. Политическая власть пытается взять под свой контроль всех иностранцев, приезжающих в город. Ну да ладно, как там Клод? Мы уже так давно не виделись!

– Он вышел на пенсию и пишет мемуары о своих самых значительных репортажах.

– Он всегда был неутомимым репортером. Хотел бы я работать в таком городе как Париж! Где вы с ним познакомились? – спросил он со смесью любопытства и недоверия.

– В Рио-де-Жанейро, на саммите ООН.

– Клода всегда интересовала окружающая среда, особенно ее социальный аспект, и экологическая политика. В восьмидесятые годы он сделал несколько репортажей о первых движениях протеста против загрязнения Байкала. Он даже у Валентина Распутина интервью брал.

– Он сообщил вам цель моей поездки? – Вилерт перешел сразу к делу.

– Да, он позвонил и сказал, что вы приезжаете, чтобы наладить импорт воды, не так ли?

– Совершенно верно, я должен заключить контракт с компанией «Ангара Уотерс».

– Вы уже встречались с кем-то из руководства?

– У меня назначена встреча на завтра.

– Знаете, здесь не так-то просто заключить надежное деловое соглашение. Кто составлял контракт?

– Одно агентство в Москве, которое наняла моя компания. Это было нелегко и обошлось недешево. Мне пришлось много заплатить за «крышу».

– Если есть деньги, то вы правильно сделали, что заплатили. В противном случае у вас могли бы возникнуть серьезные проблемы, вплоть до угрозы вашей жизни. В наши дни в Сибири невозможно вести дела, если не заплатить дань авторитетам, которые очень комфортно чувствуют себя в тени власти Путина. Так чем я могу вам помочь, мсье Вилерт?

– Мне нужна информация об ассоциации «Живой Байкал».

– Вы с ними уже встречались?

– Мимоходом, сегодня утром на приеме в мэрии и на митинге вечером, – сказал он, умолчав о разговоре с Дашей Суриковой.

– Это ассоциация радикальных экологов. Поэтому они находятся под пристальным надзором Федеральной регистрационной службы, которую Государственная Дума создала, чтобы не позволить иностранным компаниям финансировать и тем самым контролировать российские негосударственные организации. Военным не нужны скандалы, подобные делу Александра Никитина, которого обвиняли в том, что он выдал секретную информацию о российском атомном флоте норвежской экологической компании «Беллона». В последнее время «Живой Байкал» много говорит о последствиях добычи урана в Республике Бурятия. Их деятельность причиняет неудобства либералам, которые приватизировали энергетические ресурсы Восточной Сибири и хотят поставлять их японским, китайским или американским транснациональным корпорациям. Если свяжетесь с этой ассоциацией, вы рискуете попасть под наблюдение, и это существенно усложнит ваши переговоры с вододобывающей

компанией. Будьте предельно осторожны, особенно теперь, когда Сенат расширил полномочия секретных служб, и они начинают действовать при малейшем подозрении. Как бы то ни было, – добавил Салкин, – контроль Москвы над социальными сетями не более противоречит принципам демократии, чем контроль, который допускает Барак Обама, позволяя Агентству национальной безопасности перехватывать половину мировой электронной почты и использовать спутниковую систему «Эшелон», которая посылает информацию в центры криптоанализа, оборудованные мощнейшими компьютерами, которые шпионят за русскими и европейскими компаниями. Системы контроля времен холодной войны никуда не делись: Пентагон модернизировал их при помощи новейших коммуникационных технологий.

– Я вижу, вы хорошо информированы. Однако, скажите, по какой причине, по-вашему, за мной могут наблюдать? – с беспокойством спросил Вилерт.

– Достаточно того, что вы европеец и приехали вести бизнес. Последнее время участились аресты, от которых пострадала, например, руководитель Юлия Жилкина; а также допросы членов «Живого Байкала» в связи с их обвинениями в адрес Петра Зотова – магната, управляющего целлюлозной фабрикой в Байкальске. Все, что касается разглашения информации о стратегических природных ресурсах и военных объектах, считается предательством национальных интересов России.

– Этот надзор затрагивает в том числе и все, что касается Байкала, его воды и эндемичных видов озера?

– Да, большей частью. Наши Академия Наук и Институт лимнологии заявили, что некоторые из более чем двух тысяч эндемичных видов животных, растений и микроорганизмов могут быть воспроизведены и запатентованы иностранными компаниями, если предоставить им доступ к геномам. В среде новых коммунистов возникло целое движение, направленное на контроль за биопиратством. В конце концов, коммунисты объединились с экологами в стремлении остановить проекты по модернизации заводов в Байкальске и Селенгинске, а также не допустить извлечения бактерий и микроорганизмов, представляющих огромную ценность на рынке фармацевтических материалов и биотехнологий.

– И какие механизмы используются, чтобы осуществлять такой контроль? – спросил Вилерт, намереваясь узнать как можно больше.

– У секретных служб есть кроты в сибирских негосударственных организациях. К примеру, что касается «Живого Байкала», они контролируют все банковские операции, особенно если их производят американские банки. Хакеры Федеральной Службы Безопасности просматривают электронную почту. Они даже скинхедов привлекли, чтобы запугивать экологов на митингах. Поэтому я советую вам быть крайне осторожным.

– Мне скрывать нечего, я здесь исключительно по вопросам бизнеса. Однако спасибо за предупреждение, – добавил Вилерт на всякий случай.

Во время беседы Салкин рассказал ему о серьезных проблемах, сопряженных с профессией журналиста. Один из его товарищей, сын иркутского поэта, был убит в Москве, когда расследовал деятельность мафии, связанной с приватизацией «Газпрома». Убит выстрелом в голову.

– Похоже, в этой области Коммунистическая партия снова набирает силу, – поделился наблюдениями Вилерт.

– Да, к этому привело развитие коррупции. Движение политического реформизма возглавляют молодые коммунисты. Даже в среде сибирских агентов ФСБ существуют разногласия: одни строго выполняют инструкции Москвы, а другие передают всю информацию региональной Коммунистической партии.

Разговор о политической ситуации в Иркутской области продолжался около часа, и тут Салкин получил сообщение на сотовый.

– Мэрия назначила на завтра пресс-конференцию, а мне еще нужно написать статью для агентства о сегодняшнем митинге. К сожалению, вынужден прервать наш разговор, но, если вам что-нибудь понадобится, звоните мне в любой момент. И если до возвращения в Москву вы захотите рассказать мне о вашей сделке с «Ангара Уотерс», я могу опубликовать материал в городской прессе. Местное население будет очень довольным созданием экологического фонда.

– Благодарю, но пока что я предпочитаю обнародовать как можно меньше информации о моей поездке.

Салкин проводил его до двери и на прощание еще раз сказал:

– Будьте осторожны.

– Спасибо! До свидания! – ответил ему Вилерт.

На улице было очень темно, и ему даже стало не по себе. Освещенные избы придавали вечернему пейзажу сказочную атмосферу. Он решил вернуться в гостиницу пешком, на всякий случай время от времени оглядываясь, чтобы проверить, не идет ли кто за ним следом. После этого разговора он ясно понял: улететь из Иркутска с материалом в чемодане, не вызвав ничьих подозрений, будет ой как нелегко.

АНГАРА УОТЕРС»

ИРКУТСК. ДЕНЬ ВТОРОЙ. Утро выдалось мрачным и холодным, и над большой рекой висел туман. На первых полосах газет красовались заявления премьер-министра о том, что, возможно, целлюлозный комбинат в Байкальске будет закрыт.

Вилерту удалось избавиться от Владимира под фальшивым предлогом похода в Художественный музей, чтобы посмотреть коллекцию русской живописи XVII–XX веков. На приеме в мэрии он договорился с профессором Смирновым о встрече, которая должна была состояться в десять утра перед Музыкальным театром.

После завтрака он отправился по проспекту Ленина к памятнику вождю революции, а оттуда – до Крестовоздвиженской церкви. Театр находился возле сквера, на другом конце которого стоял Театр кукол.

Смирнов, пришедший точно вовремя, ждал его на скамейке, читая «Правду». Он подошел. Профессор, который уже увидел его, встал и поздоровался.

– Здравствуйте! Пойдемте в парк, там можно будет спокойно поговорить, – предложил Вилерт, заметно нервничая.

У профессора был рассеянный и отсутствующий вид, руки беспомощно висели. Он носил очки с толстыми стеклами, которые свидетельствовали о сильной близорукости.

Они уходили все дальше в парк, засаженный сибирскими растениями. Смирнов без предисловий заговорил о том, что он думает о планируемой операции и отведенной ему роли:

– Профессор Власенко прислал мне электронное сообщение, в котором рассказал о цели вашего визита. Уехать из Иркутска с ключевым эндемичным видом Сибири в чемодане будет очень трудно и опасно. Все, что обитает в Байкале, службы безопасности считают стратегическим биологическим материалом. Международный союз охраны природы, «Живой Байкал», да и сама Академия Наук, членом которой я являюсь, просто одержимы этим. Мы очень рискуем.

– Это я понимаю. Меня предупредили об опасности. Однако для моих клиентов эта операция также имеет стратегическое значение. Нужно найти способ завершить ее с минимальным риском, – сказал Вилерт, поглядывая по сторонам.

Профессор немного подумал и продолжил:

– Самый лучший вариант – это перевозка организмов при температуре ниже двенадцати градусов, десять было бы идеально, в лабораторном холодильнике. Но это привлечет внимание полиции. Лучше использовать походную сумку-холодильник, которая не вызовет подозрений и которую не нужно сдавать в багаж. Мы можем поместить экземпляры эпишуры в большую стеклянную пробирку, оставив достаточно воздуха, обернуть ее сухим льдом и обеспечить изоляцию пенопластом – тогда нужная температура продержится в течение нескольких дней. Я дам вам небольшой воздушный компрессор на батарейках со встроенной пластиковой трубкой, чтобы обеспечить непрерывное насыщение воды кислородом. Я бы рекомендовал вам сразу лететь в Париж, не покидая аэропорт. Могу я поинтересоваться, в какую лабораторию поступят образцы?

– Я не могу вам этого сказать, – решительно ответил Вилерт.

– Это частная или государственная лаборатория? – снова спросил профессор.

– Не настаивайте, прошу вас. Я не могу вам ответить, да и вам, ради вашей же безопасности, не стоит этого знать. Скажите, сколько вы хотите за сотрудничество.

Смирнов, который уже принял решение, ответил:

– Ту же сумму, что вы платите профессору Власенко за информацию. И на тот же банковский счет: он согласился получить деньги за меня.

– Хорошо, – ответил Вилерт, не торгуясь. – Теперь расскажите, как вы планируете вывезти экземпляры эпишуры из Иркутска?

– Профессор Власенко вам уже сообщил, что длина рачка всего полтора миллиметра, он обитает в верхних слоях озера, составляя 96% всего зоопланктона. Я могу достать нужное количество экземпляров в лаборатории Института лимнологии, где я работаю. Проблема в том, как вывезти их из России.

Вилерт некоторое время размышлял.

– Кажется, я знаю, как это сделать. Сегодня вечером на встрече я попрошу компанию предоставить мне образцы всех типов тары, чтобы проанализировать их в лаборатории в Париже и рассмотреть возможность их использования. Вам придется взять на себя обязательство доставить эти образцы ко мне в гостиницу, в холодильник. Ваша задача – поместить в один из образцов пробирку с организмами и спрятать компрессор во внешнем кармане сумки-холодильника.

– Это может быть неплохой маскировкой. Полиция вряд ли что-нибудь обнаружит, особенно если в аэропорту вы покажете письмо от компании, которая уполномочит вас вести переговоры о поставке воды на европейский рынок.

– Вам хватит двух дней, чтобы все подготовить?

– А что остается делать! – ответил ученый.

– Я должен получить холодильник за несколько часов до моего обратного самолета в Москву. Уверены, что сможете все устроить?

– Думаю, да. У меня есть связи в коммерческом отделе компании. Я постараюсь присутствовать этим вечером на встрече с госпожой Ивановой. Если все пройдет так, как я предполагаю, я пришлю вам сумку-холодильник с кодовым замком. Если почувствую, что за мной следят, немедленно прекращу операцию. Я дам вам знать, как обстоят дела: отправлю зашифрованное электронное сообщение. Если все пройдет, как задумано, я напишу: «ОК. Баргузин», – это наш самый известный ветер. Если возникнут проблемы, вы получите сообщение «Стоп. Култук», – так называют ветер, который приносит дожди, вызывает сильные волны на озере и сулит несчастья. В таком случае нужно все отменить, и вам придется как можно скорее покинуть город.

– Профессор, мне любопытно, какие обстоятельства вынудили вас сотрудничать с нами?

– Ученые в России чувствуют себя недооцененными, мы получаем гроши, на которые невозможно нормально прожить. И пока правительство вкладывает миллиарды рублей в проект Сколково – российский вариант Силиконовой долины в Московской области, научные и академические города приходят в упадок. Я обещал жене свозить ее в Европу: Рим, Флоренция, Париж, Мадрид, может быть, Барселона... Подобной возможности у меня может не быть до конца жизни. Поэтому, хоть это мне и неприятно, я соглашаюсь на подобные вещи и веду дела с типами вроде Поликарпова и Афанасьева. Ну а сейчас я должен идти. До встречи вечером! И помните, не подавайте вида, что мы знакомы. Больше мы с вами вот так, без свидетелей, не встретимся.

Профессор Смирнов огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что за ним не наблюдают, и исчез в дверях Кукольного театра.

* * *

Владимир, не задавая вопросов, доехал до парковки, предназначенной специально для сотрудников «Ангара Уотерс». Это говорило о том, что он не впервые наносит визит в офис компании.

Генеральный директор вододобывающей компании Константин Копцов, в хорошем костюме, загорелый, с ухоженной седой бородой, и профессор ждали его у входа в здание, расположенное на промышленном полигоне недалеко от города.

– Good afternoon, mister Vilert. It's a pleasure, – сказал директор, с чувством пожимая ему руку.

– It's a pleasure, – ответил он.

– Алексей Смирнов, научный консультант компании, – представился профессор, также пожимая ему руку и делая вид, что они не знакомы.

– Прошу вас, – генеральный директор сделал приглашающий жест.

В приемной висела большая фотография Байкала. В застекленном шкафу стояли образцы воды в емкостях, в которых осуществлялась продажа: бутылки

по 500 мл, 5 литров, 1,5 литра и коробки от 10 до 20 литров. Смирнов бросил на него заговорщицкий взгляд.

В другом шкафу были выставлены сертификаты НИИ Экологии человека и гигиены окружающей среды, а также Российской академии медицинских наук, с описанием терапевтических свойств байкальской воды. Висели фотографии с православного крещения в замерзшем озере и изображения водозаборной станции.

В сопровождении генерального директора и профессора он поднялся на второй этаж, где его ждала председатель компании Любовь Иванова, стройная сибирячка с каштановыми волосами, в элегантном костюме и с ювелирными украшениями.

– Добро пожаловать. Вы довольны поездкой?

– О да, очень доволен, – ответил он.

– Выпьете кофе?

– Я бы предпочел стакан байкальской воды: давно не терпится попробовать.

– Прекрасный выбор. Вы будете пить самую чистую воду на планете с водородным показателем близким к человеческой крови и содержанием кислорода 12 миллиграммов на литр.

Секретарша принесла ему маленькую бутылку и стакан. Копцов, Иванова и Смирнов ждали, пока Вилерт медленно смаковал воду, чтобы услышать его мнение.

– Что вы думаете?

– У этой воды совершенно другой вкус. У нее очень низкая минерализация. Просто превосходно! – он сделал довольное лицо, чтобы порадовать руководителей.

– Эту воду можно давать грудным детям некипяченной. Она выводит из организма токсины, избыток соли и холестерин, – сообщила ему председатель.

– Прямо чудодейственная вода! – воскликнул он.

– Профессор вам подтвердит: она обладает уникальнейшими свойствами, – настаивала Иванова, подготавливая почву для переговоров.

– Действительно, это вода доиндустриального периода, которая никогда не контактировала с загрязнениями, – ответил Смирнов.

– Итак, мсье Вилерт, ваша компания, «Глобал Уотерс», заинтересована в том, чтобы импортировать нашу воду в Европу, – заговорила председатель, перейдя сразу к делу.

– Да, наш рынок распространяется на весь средиземноморский регион. Наши источники страдают от чрезмерного использования, и в ближайшие годы, в связи с изменением климата, ситуация только ухудшится. Поэтому мы очень заинтересованы в том, чтобы как можно скорее найти долгосрочное решение этой проблемы, – он пояснил свою задачу.

– А мы заинтересованы в экспорте. На нас очень сильное давление оказывают китайцы, которые хотят приобрести компанию, а местное население точно не одобрит подобную сделку. Нам нужны надежные и выгодные международные контракты, подобные тому, что вы предлагаете. Так что вы приехали в нужный момент, – любезно сказала директор.

– На сколько литров вы готовы заключить первый контракт? – спросил генеральный директор.

– Для начала пятьсот миллионов литров в год, – ответил Вилерт, выполняя инструкции, полученные от французского президента группы Жана-Мишеля Делане.

– Это нам под силу. Но за сбыт, упаковку и дизайн отвечает «Глобал Уотерс», – добавила Любовь Иванова.

– Думаю, что это выполнимо. Вы позаботитесь о доставке с соблюдением всех санитарных норм?

– Мы поставляем воду в кубообразных емкостях из картона, обшитого алюминиевой фольгой: это позволяет сохранить свойства и температуру воды. Емкость каждого куба – одна тонна. Это очень надежный способ, – заверила его председатель.

– Какой маршрут вы предлагаете для доставки воды во Францию? – спросил он.

Тут встал Константин Копцов и показал маршруты на карте европейского континента, висевшей на одной из стен кабинета.

– Есть два варианта. На поезде до Новороссийска, побережья Черного моря, и оттуда по морю до Марселя. Другой способ: на поезде до порта Находки, на Японском море, а затем на корабле до Марселя. Было бы очень удобно и выгодно, если бы обратно корабль возвращался с грузом европейских продуктов для сибирского рынка. Например, мы могли бы экспортировать оливковое масло и вина. Подумайте об этом, а мы рассмотрим различные возможности.

– Позвольте задать один вопрос, который меня беспокоит. Не возникнет ли у нас проблем с экологами? Вчера на митинге я заметил, что они настроены радикально, – заявил Вилерт, притворяясь обеспокоенным.

– По этому поводу не беспокойтесь, они у нас под контролем: наша компания оказывает им помощь в проведении различных мероприятий. Нашему совместному предприятию не помешало бы создать фонд для защиты озера или проведения исследований в заповеднике Баргузин – например, в связи с сокращением популяции соболя, – улыбнулась председатель.

– Я тоже предложил «Глобал Уотерс» учредить подобный фонд. Однако как быть с негативными последствиями деятельности комплекса в Байкальске? Сброс диоксинов, фуранов и фенолов в озеро может стать серьезным препятствием.

– Мы считаем, что сильное давление международной общественности, которое оказывается на Москву, не позволит заводу укрепить свои позиции. Будущее нашего региона за туризмом. Иркутские коммунисты и экологи объединили усилия, чтобы остановить строительство завода. В любом случае хочу сказать, что мы осуществляем забор воды на глубине более пятисот метров, в 1,8 километра от берега, при температуре четыре градуса. В этих условиях никакие поверхностные загрязнения озера не могут повлиять на качество воды, которую мы упаковываем, – категорично заявила директор.

– А сколько времени нужно для получения всех разрешений на экспорт?

– Никаких непредвиденных проблем здесь не возникнет. Несколько месяцев потребуется на то, чтобы уладить бюрократические вопросы в разных министерствах, но у нас есть хорошие друзья в «Единой России», – ответил Константин Копцов.

– Каким будет ваше экономическое предложение по первому контракту? – спросил Вилерт.

– Завтра мы его подготовим, – сказала Иванова.
 – И моя доля за посредничество? – настаивал он.
 – Мы предлагаем вам два процента от стоимости контракта в долларах. В связи с кризисом евро мы не работаем с другой валютой, – объяснила председатель.

– Хорошо. Последний важный момент: мне нужно отвезти в Париж набор основных товаров, которые вы поставляете.

– Никаких проблем, мы подготовим вам набор и предоставим специальный чемодан для транспортировки. Я сам привезу его вам в гостиницу, – быстро ответил профессор Смирнов.

– Также мне понадобится официальное письмо от вашей компании, удостоверяющее содержание чемодана. Не хотелось бы, чтобы возникли трудности при прохождении контроля в аэропорту Иркутска или Москвы, или чтобы у меня изъяли материал, – добавил Вилерт.

– Не беспокойтесь, все напишем. Мы позаботимся о том, чтобы у вас не возникло проблем ни в иркутском, ни в московском аэропортах. Господин Копцов завтра же подготовит все документы, а профессор Смирнов займется образцами, – ответила председатель. – Будьте на связи. Я дам вам свой личный номер мобильного, на случай если в последний момент возникнут какие-либо сложности, или нужно будет изменить какой-нибудь пункт договора. А сейчас прошу меня извинить, я опаздываю на встречу с председателем Торговой палаты. Мы планируем серьезную туристическую кампанию. Простите, мсье Вилерт, я была бы рада поужинать с вами, но придется отложить это до вашего следующего приезда. Au revoir! Et bon retour! – Любовь Иванова пожала ему руку на прощание и вышла из кабинета в твердой уверенности, что она только что сделала первый шаг на пути к заключению выгодной сделки.

Копцов предложил ему и профессору Смирнову поужинать в ресторане, расположенном тут же, на промышленном полигоне, и обсудить последние детали соглашения.

– Спуститесь на парковку и скажите Владимиру Доржиеву, что после ужина я сам отвезу нашего гостя в отель, – попросил директор секретаршу.

Он только сейчас услышал фамилию «иркутского человека» Дмитрия Поликарпова. Ему все больше казалось, что все ниточки ведут в Москву.

СЛАВНОЕ МОРЕ, СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ

Ровно в восемь утра на площади Труда уже стояли два автобуса для писателей и руководителей «Живого Байкала». До большого пожара 1879 года на этой площади был рынок, где крестьяне продавали зерно, овощи и фрукты. Огонь разрушил все торговые ряды и магазины. Теперь на площади находились областной суд, полицейское отделение и телеграф – бывшая резиденция одного владельца золотых приисков.

Экскурсия была одним из мероприятий, проводимых в связи с Конгрессом русских писателей в рамках фестиваля культуры «Сияние России», об открытии которого было торжественно объявлено на приеме в мэрии; организаторами поездки выступили Дом писателей и экологическая негосударственная организация. Ознакомившись с программой, Вилерт узнал, что их ожидает визит в Институт лимнологии, а также чествование памяти драматурга Александра Вампилова, который утонул в озере, из-за того что перевернулась его лодка, 17

августа 1972 года, по трагическому совпадению, накануне собственного дня рождения.

Новый мэр-коммунист тоже пришел на место встречи, к Дворцу Правосудия, чтобы проводить участников в дорогу. Он победил на выборах своего соперника от «Единой России» благодаря поддержке, оказанной движению против открытия целлюлозного комбината в Байкальске. Это лишь первый симптом, свидетельствующий о том, что в Восточной Сибири грядут перемены.

Утро выдалось туманным, моросил мелкий дождь.

– Унылый день для поездки на озеро, – обратился Вилерт к группе писателей, надеясь завязать разговор.

– Не переживайте, будет и солнце, и жара. Еще и искупаетесь, – сказал ему Андрей Климов.

– Купаться в Байкале? Чтобы заработать воспаление легких? – удивился он.

– Это сибирская традиция. В это время года еще терпимо, поверьте, температура воды – двенадцать градусов, – ответил Климов.

– Ну что ж, будем надеяться, что для смельчаков выглянет солнце, – улыбнулся Андрею, стараясь показаться дружелюбным.

Даша Сурикова, беседующая с компанией писателей, дружески улыбнулась ему. Среди ее собеседников Вилерт увидел Валентина Распутина: мужчину лет восьмидесяти с круглым лицом, широким лбом, курносого, с необыкновенно живыми глазами, к которому все обращались с огромным уважением.

Даша оставила группу и подошла к нему.

– Здравствуйте! Вижу, вы решили не упускать возможность поехать с нами.

– Bonjour! Озеро прекрасно, но и вы ему не уступаете, – ответил он, делая ей комплимент.

– Мы разговаривали с Распутиным. Это один из самых известных и признанных писателей Сибири, – пояснила она. – Распутин родился в Усть-Удинском районе Иркутской области. Один из первых заговорил о защите озера, особенно в самые суровые годы цензуры, прежде чем гласность позволила нам сообщить всему миру об экологических проблемах, в частности, связанных с целлюлозным комбинатом. В 1985 году в газете «Известия» вышла его статья, в которой он призвал ученых, поддерживающих строительство завода, пересмотреть свое мнение. Его роман «Прощание с Матерой» был перенесен на экран режиссером Элемом Климовым, а театральная постановка по его мотивам снискала всенародное признание. Это трагическая история сибирской деревни, которой суждено исчезнуть под водой в результате строительства плотины на Ангаре, из-за решения, принятого Центральным комитетом партии.

– Вы не помните, был ли среди тех ученых профессор Смирнов? – спросил ее Вилерт.

– Алексей Смирнов? – переспросила она.

– Он самый.

– Профессор Смирнов всегда выступал за строительство промышленного комплекса, объясняя это тем, что он принесет в регион прогресс и создаст новые рабочие места. Он делал это еще с восьмидесятых годов, вплоть до закрытия завода из-за протестов, а теперь он поддерживает магната Зотова, который

снова хочет запустить комплекс с помощью китайских инвестиций. А вы его откуда знаете?

– Он консультант в компании «Ангара Уотерс» и в Институте лимнологии, входит в комиссию, которая дает добро на забор воды для бутилирования.

– Будьте очень осторожны. Смирнов – фигура двуличная. Нельзя продавать воду Байкала, рекламируя ее как самую чистую воду на планете, и в то же время лояльно относиться к промышленности, загрязняющей озеро.

– Мне он показался серьезным и обстоятельным ученым, – ответил Вилерт, надеясь вытянуть из нее побольше.

– Я этого не отрицаю, но в дополнение к этому он амбициозен и, что гораздо хуже, не очень этичен.

– Я учту ваш совет, – ответил он и вздохнул с облегчением: если профессор действительно такой, каким его характеризуют, то все пройдет как по маслу.

Вилерт сел в один из автобусов и приготовился преодолеть шестьдесят четыре километра, отделяющие город от озера, в компании Даши, которая предложила быть его гидом.

* * *

На полпути они посетили архитектурно-этнографический музей, а затем поехали на гору, с которой им открылся потрясающий вид на озеро. Дорога вела через березняки и ельники, из-за тумана казавшиеся мрачными и таинственными. Даша, пользуясь случаем, рассказала ему о том, чем последнее время занимается ассоциация, а он попытался прозондировать почву на предмет создания экологического фонда при поддержке совместного предприятия. Она была сдержана, однако не переставала задавать вопросы о его работе консультанта по вопросам окружающей среды, и о том, что он думает об экономическом кризисе в Евросоюзе.

Автобусы остановились на небольшом возвышении, и все писатели вышли. Внезапно погода поменялась: на небе не осталось ни облачка, засветило солнце. Климов оказался хорошим синоптиком.

Они любовались открывшейся перед ними панорамой моря Сибири и гор Хамар-Дабан на восточном берегу озера. Тишину нарушал лишь отдаленный шум лодочных моторов. Напротив, прямо под крутым обрывом, у истока Ангара, виднелся выступающий из воды обломок скалы.

– Это Шаманский камень, – пояснила Даша, увидев, что Вилерт фотографирует его на смартфон. – Легенда гласит, что старый Байкал, владыка вод, отец трехсот тридцати шести сыновей, впадающих в него, и единственной дочери, в ярости швырнул этот камень вслед Ангаре, убежавшей на поиски возлюбленного Енисея, с которым она, в конце концов, и соединилась... В древние времена коренные жители считали камень священным. Вера в это была так сильна, что буряты привозили к нему людей, подозреваемых в нарушении законов клана. Привозили на лодке и оставляли на скале на всю ночь. Добраться до берега вплавь было невозможно: в ледяной воде тело немеет, и течение слишком быстрое. Согласно легенде, если утром подозреваемого находили на Шаманском камне живым, его отпускали. Даже если он был виновен, он возвращался к своим совершенно новым человеком, искупившим грех.

– Да, за ночь, проведенную посреди темных, бурлящих вод, можно многое переосмыслить, – заметил Вилерт.

Даша, видя, что ее внимательно слушают, продолжала:

– Да уж, оказаться в окружении ледяной прозрачной воды, движущейся с такой скоростью, – так можно и рассудка лишиться. Было бы неплохо возродить легенду и заставить пройти через это всех, на ком лежит ответственность за отравление Байкала. Оставить их в одиночестве на скале, между жизнью и смертью, и пусть их покарает злой рок или пощадит милость матери-природы. Может быть, после этого они будут принимать решения с большим уважением к озеру.

В глубине души Вилерт чувствовал, что жестокие слова эколога касаются и его. Пока он слушал древние легенды, участники конгресса обступили каменный монолит, на котором было высечено имя Александра Валентиновича Вампилова (1937–1972) под бронзовым листом с изображением портрета писателя.

Воцарилось почтительное молчание. Заговорил Валентин Распутин:

– Дорогие соотечественники, друзья, приехавшие из разных уголков России. Вы видите перед собой крупнейший символ нашей, сибирской самобытности, то, что Вампилов называл душой нашей родины. Вдохните полной грудью этот чистый воздух и позвольте магическим тайнам Байкала пройти сквозь вас, – от его мягкого голоса слушатели расчувствовались. – Ученые предполагают, что это имя дали озеру курыкане, коренной народ, населявший эти берега, в наши дни не существующий. Якуты называли его Байкель, «богатое озеро». Монголы и буряты считают, что название произошло от слова Байгал, что означает «большая вода», или Байгал-Далай, «большое озеро», что для народов, живших в глубине азиатского континента, вдали от океана, было равнозначно понятию «море». Возможно и тюркское происхождение, поскольку Бай-куль также означает «богатое озеро» или «большое водохранилище», «много воды», а также «большое, как море». Потомки эвенков употребляли название Лама, «море», а русские исследователи окрестили его «славным морем». В XIII веке Марко Поло стал первым исследователем, написавшим об озере... И все же я предпочитаю называть его голубым оком Сибири.

Распутин говорил с необыкновенной нежностью, и чувствовалось, что это человек огромной доброты. Вилерт ощущал себя неловко в царящей вокруг него атмосфере романтического любования природой. Он уже было подумал, что начинает испытывать угрызения совести, страдает от своего рода стокгольмского синдрома, оттого что согласился на эту операцию. Однако худшее, что он мог сейчас сделать, – это предаться сомнениям и моральным переживаниям, которыми он уже много лет как перестал руководствоваться в ведении бизнеса. Тем не менее, он внимательно слушал речь литератора.

– Мы собрались здесь, чтобы почтить память нашего земляка Александра Вампилова. Мы, писатели, поэты и экологи, пришли сюда вместе, движимые одними идеалами. Идеалами, за которые мы выступали еще в семидесятые годы, многие – рискуя провести годы за решеткой, и за которые вынуждены снова бороться сейчас, когда новая угроза подвергает опасности чистоту этих вод. Это величайший резервуар пресной воды на планете, которого хватило бы, чтобы в течение сорока лет обеспечивать водой все мировое население. Чуть позже, когда вы подойдете ближе к берегу озера, вы поразитесь кристальной прозрачности его вод, которой мы обязаны впадающим в него ледниковым

водам и природным фильтрам – микроскопическим существам, которые из-за промышленного загрязнения находятся под угрозой исчезновения. Антон Чехов писал, что вода настолько прозрачна, что сквозь нее видно, как сквозь воздух. Я прошу вас внести свой вклад, художественный, литературный или активистский, в дело защиты озера. Вернувшись домой, пишите и говорите об этом наследии человечества. Ваша поддержка и ваши убеждения нам очень нужны. Спасибо, что приехали.

Затем, от имени всех присутствующих, Распутин возложил букет полевых цветов к памятнику. В это мгновение молчание, которое хранили писатели и экологи, было нарушено, и все хором запели известную песню:

Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалеко.

* * *

Запланированная экскурсия в Лимнологический институт оказалась очень плодотворной. Вилерт смог еще раз посмотреть и даже сфотографировать эпишуру: научный сотрудник института, знаменитая Валентина Галкина, продемонстрировала им рачков в пробирке. В ответ на его вопрос ученая дама ответила, что, по ее мнению, этот природный чистильщик с трудом может выжить вне озера или в другой озерной системе, однако новые климатические условия могут повлиять на этот прогноз.

– У профессора Власенко, насколько мне известно, есть своя гипотеза относительно этого вопроса, – сказала ему лимнолог.

– Вы имеете в виду Станислава Власенко из новосибирского Академгородка? – спросил Вилерт.

– Да. Вы с ним знакомы? – удивилась директор института.

– Я читал его статьи в “New Scientist”, – ответил он, умолчав о встрече с профессором.

– Почему вас так интересует эпишура? – тихонько спросила его Даша.

– О, она прекрасна: у нее такие длинные усы! – отшутился он.

Тут же им показали другие уникальные виды, обитающие в озере, например, голомянку – небольшую розовато-прозрачную рыбку с перламутровым оттенком, которая обитает на большой глубине и обладает необыкновенной диетической ценностью.

– Это водное живородящее существо с самой высокой на планете способностью к воспроизводству, – сообщила им специалист. Вилерт записал эту информацию.

Затем их подвели к бассейну с несколькими нерпами, обреченными нарезать круги без остановки.

– Как их жалко! – огорченно воскликнула Даша.

– Да, довольно плачевное зрелище, – согласился Вилерт, пытаясь сблизиться с ней на почве этических принципов.

– Этот пресноводный тюлень обитает только в Байкале, и происхождение его неизвестно, – рассказывала Галкина. – Озеро существует, возможно, с Юрского периода, точнее, с Миоцена, и никогда не сообщалось с океаном. В одной научной работе высказано предположение, что во время ледникового

периода нерпа и омуль, обитавшие в Арктике, преодолели три тысячи километров по сибирским рекам.

– Правда ли, что загрязнения стали причиной высокой смертности нерп? – спросила Даша.

– Это эпидемиологическая проблема. Вирус не имел никакого отношения к загрязнению, Гринпис это подтвердил. Это пройденная тема, которая нас больше не беспокоит. Поверьте мне, популяции нерп ничто не угрожает, – решительно добавила лимнолог.

Также она рассказала, что осетр, лосось и омуль – самые ценные для местной гастрономии и экономики виды.

– За обедом у вас будет возможность все попробовать, – шепотом сказала Вилерту Даша. – Омуль – это белая рыба, которую в Сибири едят в любом виде: сырую, копченую, жареную, соленую... под водку или любой местный крепкий напиток.

Как только они отошли подальше от директора, которая не могла их услышать, Даша поделилась с ним своим мнением относительно проблемы с тюленями:

– У меня есть другая версия. Эпидемия на самом деле уничтожила около десяти тысяч нерп. В 1987 году установился особый гидрологический режим, в результате которого началась циркуляция воды с юга, где находится целлюлозный комбинат, к местам обитания тюленей. Работы по строительству БАМа и рост населения на северном берегу вынудили нерп мигрировать к югу. Смертность была вызвана химическими отходами в результате отбеливания бумаги, а также хлорорганическими соединениями и бактериями, которые применяют при обработке древесины.

Вилерт попрощался с Валентиной Галкиной, поблагодарив ее за экскурсию, и отметил ее многолетнюю работу по защите экологии озера: приходилось следовать протоколу.

После Института автобусы направились в порт, где участников конгресса уже ожидало рыбацкое судно, на котором им предстояло совершить обязательное для каждого гостя путешествие на другой берег озера.

* * *

Судно «Остров Ольхон» получило свое название в честь скалистого участка земли у северо-западного берега Байкала; это был крупнейший из двадцати двух островов, вблизи которого в огромных количествах добывали омуля.

С левого борта судна он смотрел, как удаляется от них порт Листвянка, расположенный в устье Ангары, и его деревянные домики, утопающие в зелени палисадников. Вдали возвышались колокольни Свято-Никольской церкви. Настоящая удача – плавать по Байкалу в такое ясное и солнечное утро.

– Чьи это коттеджи и особняки там, на берегу? – спросил Вилерт Дашу, которая не отставала от него ни на шаг.

– Больших политических шишек. Понастроили домов, а канализацию не провели, так что фекальные воды попадают прямо в озеро. Региональная коммунистическая партия пыталась с этим бороться, но власти закрывают глаза.

Горы, покрытые елями, пихтами, соснами и рябиной, радовали глаз характерными для сибирской осени желтыми и красными оттенками. Этот пейзаж напомнил ему последние главы романа о приключениях Михаила Строгова,

которого Жюль Верн отправил именно в эти места. Царский курьер Строгов и Надя плыли из Листвянки на пароме, построенном из сосновых бревен, связанных между собой. Это простое плавсредство позволило им бежать от жестоких татар. Уклоняясь от льдин, плывших по течению, и страдая от холода, они все же в целости и сохранности добрались до Иркутска.

Из рубки «Острова Ольхон» сообщили, что дорога займет около двух часов, и что Дом писателей приготовил для экскурсантов традиционный обед.

У борта, задумчиво устремив взгляд на озеро, стоял Валентин Распутин с Андреем Климовым.

– Удачный момент. Хотите, я вас познакомлю? – сказала ему Даша.

– Я был бы очень рад, – согласился он.

Они подошли.

– Позвольте представить вам мсье Андреу Вилерта, – обратилась она к писателям.

– C'est un plaisir. Вы бизнесмен из Барселоны, который хочет продавать нашу чудесную воду европейцам, верно? – Распутин дал понять, что ему известно о цели путешествия гостя.

– Вам, похоже, не очень нравится эта идея, – ответил Вилерт, удивленный его реакцией.

– Поймите, для нас хуже всего загрязнения, вызванные промышленными предприятиями на берегах озера. Воды в Байкале хватит, чтобы напоить все человечество. Не вижу никаких препятствий для вашего бизнеса; важно, чтобы ваши потребители могли узнать, какое значение имеет эта уникальная экосистема, – пояснил он.

Андрей Климов, решивший присоединиться к беседе, добавил:

– Ангара переносит семь тысяч кубометров воды в секунду. Запасы воды в озере составляют 23 000 кубических километров, что соответствует объему Балтийского моря. Я вам скажу больше, Байкал содержит 20% от всех запасов пресной воды на планете. Всем рекам мира понадобился бы целый год, чтобы наполнить озеро. А если бы все 336 рек, впадающих в него, вдруг пересохли, наше море продолжало бы питать Ангару в течение пятисот лет! Мы не против того, чтобы иностранная и сибирская компании объединились и продавали воду в бутылках. Мы возражаем против промышленных проектов новых предпринимателей, обосновавшихся на берегах озера.

– Я вам приведу пример, – добавил Распутин, обращаясь к Вилерту. – У меня есть небольшая дача недалеко от озера. Вода с поверхности, которая раньше могла храниться целый год, теперь портится через три недели. Химический состав верхнего слоя изменился, и единственная причина тому – загрязнение озера.

Даша также решила поделиться тем, что знает:

– Несмотря на то, что Восточная Сибирь дает России большую часть энергетических ресурсов, мы не получаем достаточной экономической и финансовой помощи, чтобы суметь грамотно распорядиться этим достоянием. На Ангаре построили несколько больших ГЭС: Иркутскую, Усть-Илимскую и Братскую, одну из крупнейших в мире, – которые нарушили экологический баланс впадины. Эти гигантские сооружения создали промышленные зоны, которые на протяжении многих лет загрязняли атмосферу. Это, как сказал Валентин Григорьевич, стало дополнительной проблемой...

– И вы ничем не рискуете, разглашая эту информацию? – спросил ее Вилерт.

– За самыми решительно настроенными писателями и экологами ведется постоянное наблюдение со стороны ФСБ. Нашу экологическую организацию вынуждают зарегистрироваться в специальном реестре Министерства юстиции, чтобы повесить на нас ярлык «иностранный агент», а этот термин оскорбителен, потому что ассоциируется со шпионажем. Поэтому внутри самой этой службы произошел раскол. Некоторые агенты-коммунисты не хотят, чтобы Байкал оказался в руках московской мафии и кремлевских самодержцев, – пояснила она.

– То есть, я так понимаю, вы разочаровались в политике нынешнего правительства? – продолжал спрашивать Вилерт.

– 2 апреля 1987 года Москва провозгласила закон о защите Байкала и его окрестностей, что предполагало закрытие целлюлозных заводов вблизи Ангары и в устье Селенги, в Бурятии, а также установку деревообрабатывающих предприятий не ближе чем в двадцати километрах от озера; однако путинское правительство на этот закон наплевало. В 2010 году завод в Байкальске снова запустили, да еще и увеличили объем выбросов, – ответил ему Климов.

– Руководство «Ангара Уотерс» заверило меня, что ситуация с загрязнением у них под контролем, – возразил Вилерт.

– Они добывают воду на большой глубине, куда химические отходы не добираются, – объяснила ему Даша. – Основной опасности подвергается поверхностный слой и вода, которую пьют живущие по берегам люди. Расширение целлюлозного комбината – это сотни тонн диоксинов, фуранов и фенолов, которые будут вылиты в озеро. А у нас ведь есть очень чувствительные виды, в том числе пятьдесят видов рыб, и, конечно же, эпишура, без которой, как сказала Валентина Галкина, экологическое равновесие в озере невозможно.

– Я уповаю на Божью помощь! – заявил Распутин. – Мы добились того, чтобы в 1996 году ЮНЕСКО внесла озеро в список объектов всемирного наследия, однако международную помощь нам так и не предоставили; точно так же не сбылись обещания экологических организаций ООН о финансировании проектов, направленных на сохранение биоразнообразия. Заповедник Баргузин, эти кедровые и березовые леса, где живут кабаны, олени, медведи, горностаи и соболя, находится в полном упадке из-за отсутствия эффективного управления.

– Сейчас вся надежда на молодых коммунистов и на решение, которое примет Банк Развития. Мы продолжаем верить, что они выберут модель развития, которая предполагает бережное использование таежных, водных и горных ресурсов, – продолжала Даша.

– Посмотрите на это раздолье! – воскликнул Распутин, заставив его обратить внимание на потрясающий вид. – На всей планете вы не найдете воды чище. Арабские эмиры поят ею своих чистокровных коней.

Тут с капитанского мостика объявили, что столы накрыты, и пригласили всех в столовую.

На длинном деревянном столе красовались самые разные традиционные блюда сибирской и рыбацкой кухни. Чего тут только не было: лосось с лимоном; заливное из осетрины с репой; сациви, голубцы и, конечно же, омуль в

огромных количествах, жареный, копченый и сырой. Тут же стояли маленькие тарелочки с кетовой икрой, которые гости немедленно атаковали.

Один из литераторов с голосом оперного певца произнес первый тост, подняв стакан с водкой:

– Ваше здоровье! – прогремел он, обращаясь ко всем сразу.

– Ваше здоровье! – ответили ему участники конгресса.

– Приятного аппетита. Надеюсь, наша традиционная кухня вам понравится! – сказал Вилерту Распутин.

Поскольку стульев на всех не хватало, был организован шведский стол. Многие набирали еды и выходили с ней на палубу, где продолжали разговор под пиво, водку или белое грузинское вино.

Вилерт не сразу заставил себя проглотить сырого омуля, но, посмотрев, как это делают другие, последовал их примеру, запив рыбу щедрой порцией водки. Копченый же омуль ему очень понравился.

Настал черед домашних десертов: ватрушек с вареньем и со сметаной, яблочного штруделя, чая с медом и кофе. К концу обеда не было отбоя от желающих продеklamировать стихи собственного сочинения. Бортовая трапеза закончилась совместным исполнением уже знакомой ему песни:

Славное море — священный Байкал,
Славный мой парус — кафтан дыроватый,
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты.

Водки было выпито предостаточно, и когда объявили о приближении к пляжу мыса Толстый, радости не было предела. Казалось невероятным, что в этой среде возможны недоверие и вражда между писателями. Вечер был по-настоящему весенний и солнечный, непривычно теплый для этого времени года.

Несколько человек тут же отправились гулять по дороге, ведущей к старым железнодорожным путям, когда-то связанным с Транссибирской магистралью. Другая компания, захватив несколько бутылок водки, пошла на уединенный пляж; там они разделись догола и с криками и визгами бросались в ледяную воду озера.

– Это традиционный обряд крещения святой байкальской водой, который должен пройти каждый сибирский поэт; без хорошей дозы алкоголя это сделать непросто, – пояснила Даша.

Вилерт с изумлением и завистью смотрел на это «геройство». Ему хотелось показать, что и он не робкого десятка. Вслед за писателями он решился зайти в озеро по колено, но тут же выскочил, как ошпаренный, на берег.

С берега у пристани можно было разглядеть каменистое дно озера и плавающих в нем рыб на глубине около пяти метров. Вода была необыкновенно чистой и поражала своей прозрачностью.

– Когда вернетесь к себе, расскажите о Байкале и о том, что человечество должно помочь нам спасти его, – сказал ему Распутин, который, облокотившись на борт, с улыбкой наблюдал за купанием отчаянных литераторов.

В этом райском уголке, вдали от цивилизации, они пробыли несколько послеобеденных часов. Некоторые решили использовать их, чтобы записать свои впечатления, а кто-то беседовал с коллегами или просто наслаждался солнцем. Наконец «Остров Ольхон» дал сигнал к отплытию.

Возвращение в порт прошло в той же братской атмосфере, щедро сдобренной стихами, водкой и песнями. Даша предложила Вилерту выйти на палубу и посмотреть на Байкал в лучах заходящего солнца. Озеро окрасилось в красный цвет, а небо переливалось розовыми и лиловыми тонами. Дул холодный баргузин, и она накинула на них обоих свою куртку. Уже давно ему не приходилось переживать подобные моменты и ощущения. Он сам удивился тому, как расчувствовался: его тянуло к этой умной и открытой защитнице природы.

Смартфон вернул его к реальности. Пришло два сообщения: одно от «Глобал Уотерс», другое от профессора Смирнова. Компания подтверждала перечисление денег для обоих ученых и предупреждала о смене банка на «Чейз Манхэттен». Профессор при помощи условленного кода сообщал, что все идет как задумано.

– Дела? – с любопытством спросила она.

– Да, дела. Сегодня вечером, когда приду в гостиницу, надо будет еще поработать.

– А я-то хотела пригласить вас выпить по бокалу вина в каком-нибудь модном заведении, – с намеком прошептала девушка.

– Я был бы очень рад. Может быть, перейдем на ты? – сказал он, подыгрывая ее флирту.

– Договорились. Так я зайду за тобой в гостиницу в десять?

– Встретимся в десять в фойе, – он не смог устоять перед столь соблазнительным предложением.

Впереди уже виднелись огни порта Листвянка. У пристани стояли два автобуса, готовые отвезти участников конгресса обратно в Иркутск.

* * *

Даша жила одна в скромной квартирке на третьем этаже, в доме на Партизанском проспекте, рядом с китайским рынком. Домой она вернулась уставшей: ее утомила сама поездка, но еще больше – необходимость ни на шаг не отходить от Вилерта. Она приготовила себе горячую ванну и, с наслаждением порузившись в нее, подумала о симпатичном консультанте из Барселоны. Вполне вероятно, что эту ночь они проведут вместе, хотя она и была уверена, что Вилерт скрывает нечто очень важное, а возможно и опасное, относительно целей своей поездки. Чтобы разузнать, что именно, у нее было не так много времени. Из «центра» ей сообщили, что за Алексеем Смирновым и Станиславом Власенко установлено круглосуточное наблюдение, их электронную почту просматривают, телефоны прослушивают. Даша получила от руководства распоряжение «действовать незамедлительно» и решила начать сегодня же.

Она положила на кровать платье из синего бархатного шифона, которое сшила ей мать из ткани, купленной в Москве. Модель она увидела в журнале парижской моды. Она надевала это платье только в особых случаях, таких как сегодняшний вечер.

Нижнее белье она тоже выбрала подходящее к случаю: пастельно-голубой комплект, подчеркивающий белизну кожи. Немного подумав, она дополнила образ черными чулками и туфлями на шпильке.

После ванны, прежде чем одеться, она нанесла на тело несколько капель духов. Из зеркала на нее смотрела стройная девушка с длинными черными

волосами. Она ощущала, что физически и психологически готова как к свиданию, так и к выполнению возложенной на нее миссии.

* * *

Вилерт ждал ее, читая «Ле Монд». На нем был черный костюм с белой рубашкой и шелковым бордовым платком: настоящий «испанский любовник». Даша приветливо поздоровалась и впервые поцеловала его в обе щеки, затем схватила под руку, и они направились к такси, которое она попросила подождать у дверей гостиницы. Она предложила поехать в ночной клуб «Стратосфера», что на проспекте Карла Маркса. Как она объяснила, это было модное место встреч неформальной молодежи, дружелюбно настроенное к бисексуалам и геем. А еще там любили пропустить стаканчик бизнесмены, особенно азиатские.

По пути он сделал комплимент ее духам и роскошному платью. Она была довольна: ей удалось произвести желаемый эффект.

В клубе они заказали столик в затемненной зоне, подальше от танцпола. Потолок в зале был декорирован под ночное небо, усыпанное звездами.

Он заказал бутылку «Вдовы Клико брют» и порцию икры. Сказал, что он угощает: так ему захотелось отметить их знакомство и удачное заключение контракта. Играла романтическая музыка, и звучал нежный, чарующий голос.

– Приятная музыка, – сказал он.

– Это Пелагея, модная в последнее время певица, исполняет современные аранжировки народных песен. Хочешь потанцевать? – предложила она.

– С удовольствием, – охотно ответил он.

Они вышли на танцпол, Даша придвинулась к нему и обвила руками его шею, а губы шептали ему на ухо перевод песни:

Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось.
Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Разыгрался, расплясался,
Разрезвился подо мной.

Ритуал соблазнения начался, и сибирская ночь приняла их в свои полные желаний объятия.

* * *

Вилерт доверчиво оставил смартфон на ночном столике, на случай если придет важное сообщение. Она решила, что настал момент рискнуть. Осторожно, чтобы не разбудить его, она встала, взяла телефон и пошла в ванную. Быстро открыла папку с сообщениями: последние были от «Глобал Уотерс» и профессора Смирнова. Первое было совершенно непонятным, что означало, что иностранец получал зашифрованные инструкции из Парижа. Во втором говорилось: «ОК. Баргузин» – очевидно, ученый общался с гостем при помощи кода. Было ясно, что подобная секретность была бы не нужна, если бы речь шла о торговле байкальской водой. Подтвердились ее худшие опасения: здесь был замешан бизнес другого рода, и у нее оставалось совсем

немного времени, чтобы выяснить, что скрывается за торговым соглашением с «Ангара Уотерс».

Так же осторожно она вернула смартфон на место, скользнула в постель и разбудила его, чтобы еще раз предаться наслаждению.

ТРУП В МОСКВЕ-РЕКЕ

Как ему и обещали, в Домодедово он без проблем миновал контроль безопасности. У выхода взял такси, которое доставило его к гостинице «Украина» на Кутузовском проспекте, у Калининского моста, недалеко от Киевского вокзала. Было десять вечера, воскресенье. Гостиница располагалась в высотном здании, похожем на трехъярусный свадебный торт, с башенкой и готическим шпилем, пронзающим небо. В ночном освещении оно выглядело особенно впечатляюще. Это был образец архитектуры соцреализма, как и Государственный университет имени Ломоносова, который в советскую эпоху венчала огромная красная звезда, по ночам сиявшая наравне с кремлевскими.

Этот отель он забронировал еще в Новосибирске по совету Станислава Власенко, который выбрал его для передачи Вилерту научного исследования о том, как ввести эпишуру в другую озерную систему.

Луи Легранж ожидал Вилерта в московском аэропорту. Забрав переносной холодильник и получив необходимые указания, он сел на последний ночной самолет в Париж. Перед этим они вместе удостоверились, что температурный режим в норме, и компрессор продолжает подавать кислород. У Легранжа было прикрытие в виде московской фирмы «Аква-лайф», и он мог с большей легкостью безопасно завершить операцию, проведенную каталонцем на российской территории. Такое решение было принято в результате переписки между Вилертом и сопresidentом Делане. Пока все шло так, как спланировал профессор Смирнов.

– Bonne chance! – были последние слова Вилерта Легранжу, когда он передавал ему ценный груз.

– Bonne chance, aussi pour vous! До встречи в Париже, – ответил Легранж, и в следующее мгновение он уже беспрепятственно миновал полицейский контроль.

Избавившись от холодильника, Андреу Вилерт испытал облегчение. Теперь оставалось только получить от профессора Власенко научную информацию и рассчитаться за оказанные услуги. Через неделю два миллиона долларов поступят на его счет в Доминиканской Республике. Его ожидал длительный отпуск на пляжах Пунта-Кана и Баваро.

У стойки регистрации в гостинице, когда он предъявил паспорт, ему передали оставленную для него записку: Дмитрий Поликарпов сообщал, что завтра, около полудня, он ожидает получить оставшиеся десять тысяч долларов у входа на Киевский вокзал.

Он поднялся на лифте на двадцатый этаж, где находился его номер 403. Сразу же, как только вошел, он позвонил по телефону обслуживания номеров и попросил принести ему «Шефский» салат, стейк из семги и бутылку белого «Кот дю Рон». Настал долгожданный момент, когда можно было отправить сообщения в Париж и Вашингтон с одним и тем же текстом: «Живая вода. ОК». Миссия выполнена.

В ожидании ужина он прилег на кровать. Мог ли он быть уверен, что ему больше ничто не угрожает? Он знал, что сможет вздохнуть спокойно, только когда приземлится в аэропорту Орли.

Однако его не покидало ощущение тревоги, связанное с последними часами пребывания в Москве. Сергей Афанасьев, Юрий и Владимир выполнили указания своего босса и позаботились о его безопасности в Иркутске и Новосибирске. Крыша прекрасно сработала, и, согласно договоренности, она действовала до тех пор, пока он не покинет страну. Так откуда же этот непонятный, бессознательный страх? Завтра он расплатится с Поликарповым, затем с Власенко и Смирновым, и навсегда освободится от этих жутких типов.

Рано утром он собирался зайти в филиал «Чейз Манхэттен Банк» и снять 210 000 долларов. «Глобал Уотерс» уже подтвердила перевод денег. Что такого непредвиденного могло произойти? Смерть его не пугала, он больше боялся умереть в мучениях и в одиночестве.

«Как ты думаешь, что нас ждет после смерти?» – почему Даша задала ему этот вопрос? «E poi?... e poi? La morte è nulla. E vecchia fola il ciel (А потом? Смерть – и ничего. Рай – всего лишь старая сказка)», – ответил он ей последними строками арии злодея Яго из оперы Верди «Отелло». Он верил, что после смерти нет ничего. Вечный покой. Организм, распавшийся на атомы. Ему не нужен был бозон Хиггса, чтобы объяснить смысл существования. Он был материалистом и жил одним днем, потому что верил, что когда придет последний миг человечества – будь то из-за экологической катастрофы, вызванной действиями человека, естественных изменений климата или ядерной зимы, – не будет никакого Бога, который скажет: «Где все эти человеческие существа, гении науки и искусства, которых я создал с такой любовью?»

Такова была его жизненная философия. Даша же призналась ему, что верит в Бога и свою Родину. Теперь, как и по дороге в Москву, он мысленно возвращался к той ночи любви, проведенной с ней. Была ли она двуличной? Поскольку в Иркутск он больше не вернется, не было смысла думать о ней. Сейчас он больше всего хотел позвонить Татьяне, как обещал, когда они расстались, и отпраздновать успех операции еще одной ночью любви. Его с ума сводили воспоминания о ее волосах, белоснежной коже и соблазнительном белье.

Он пролистал путеводитель по столице, лежавший на ночном столике, и решил назначить ей встречу в ночном клубе на Кутузовском проспекте, недалеко от Александровского сада. Оттуда было удобно привести ее в гостиницу. А может, он предложит ей заняться любовью прямо на улице, укрывшись в ночном саду. Эффектный финал у кремлевской стены.

Он налил себе виски со льдом. Из окна открывался вид на ночную Москву, освещенные небоскребы и исторические здания. Вдали виднелась Останкинская башня. Он чувствовал, что жизнь улыбается ему, что все вышло гораздо легче, чем он ожидал. Оставалось расставить точки над «i» в отношениях с Поликарповым и профессором Власенко, но все же ему было приятно думать, что холодильник с экземплярами эпилепсии через пару часов прибудет в Париж.

* * *

Теплоход медленно плыл по Москве-реке под аккомпанемент скрипок. Солнце уже зашло, и гостиница «Украина» зажгла свои огни. Туристы без

остановки фотографировали огромный силуэт сталинской высотки на фоне красного неба.

Судно только что миновало Бородинский мост в районе Киевского вокзала, когда один из японцев, любовавшихся видом на носу, закричал:

– A man in the river! A man in the river!

– Человеческое тело под мостом! – крикнул один из матросов капитану.

Теплоход медленно изменил маршрут и приблизился. Все пассажиры с любопытством высыпали на палубу. Команда убедилась, что они обнаружили труп мужчины. Несколько минут они дрейфовали на месте. Музыка продолжала играть, пока, наконец, из динамиков не прозвучало: «Ladies and gentlemen. Mesdames et messieurs. Человек утонул. Мы уже сообщили в полицию, они едут. Мы продолжаем следовать по заранее намеченному маршруту до Парка Горького».

Туристическая поездка, прерванная ненадолго этим трагическим происшествием, возобновилась. Через пять минут оглушительно завывли сирены московской полиции, которая перекрывала движение на мосту.

В Иркутске в это время была полночь. На острове Юность проходил рок-концерт и дискотека. В свете убывающей луны Ангары переливалась серебром. Две парочки вышли из клуба, прихватив напитки, и разлеглись на траве у берега. Тут одна из девушек обратила внимание на какой-то предмет, который прибивало к берегу течением.

– Смотрите! Труп плывет! – испуганно закричала она.

– Надо позвать охрану, – сказал один из парней другому.

Через несколько минут два вооруженных охранника, стоявших у входа на дискотеку, подошли к месту происшествия. Длинными палками они подтащили тело к берегу, вытащили его из воды и положили на траву. На лице у трупа застыла гримаса ужаса. На спине они обнаружили множество пулевых отверстий.

* * *

Утром, когда Даша Сурикова прочитала эту новость в «Правде», нельзя сказать, что она ее потрясла. Она зашла в кафе «Мамочка» на проспекте Карла Маркса и заказала чай с кусочком бисквита. Заголовок на первой полосе гласил: «Испанский бизнесмен и двое русских ученых убиты в Москве и Иркутске. Все указывает на их причастность к шпионской операции, связанной с эндемичной фауной Байкала». На третьей странице давалась более развернутая информация. Жертвами стали профессор Станислав Власенко из Экологического института в новосибирском Академгородке, застреленный в затылок из пистолета «гюрза» 9 калибра и сброшенный в Москву-реку; профессор Алексей Смирнов, получивший двенадцать пуль в спину из той же «гюрзы» и брошенный в Ангару; и испанский предприниматель Андреу Вилерт, погибший от выстрела в сердце, сделанного из пистолета «Макаров», в Александровском саду, у самых стен Кремля. Единственной уликой, которую полиции удалось найти, оказалась золотая цепочка с кулоном в виде бабочки, найденная на месте убийства консультанта по вопросам окружающей среды.

Она читала заметку без малейших признаков волнения, помешивая чай с ложечкой меда. На той же странице корреспондент ИТАР-ТАСС Анатолий Салкин опубликовал сообщение ассоциации «Живой Байкал», которая инте-

ресовалась, не связаны ли эти убийства с секретной операцией, совершенной при поддержке мафиозной группы, по вывозу из России эндемичных видов Байкала для незаконной передачи американской биотехнологической компании. Экологи требовали, чтобы правительство занялось расследованием этих преступлений. «Байкал охраняется международными соглашениями о биоразнообразии. Мы не потерпим пиратской торговли нашим достоянием, особенно со стороны криминальных организаций, которые действуют через бандитов и рэкет. Мы также не можем допустить, чтобы фальшивые бизнесмены под предлогом торговли байкальской водой воровали генетический материал уникальных микроорганизмов, обитающих в озере».

Даша окунула бисквит в чай и откусила кусочек. Затем застыла, задумчиво глядя в окно на людей, идущих на работу. Ей было больно вспоминать своего случайного любовника, и в то же время она была довольна тем, что выполнила поставленную перед ней задачу.

«I AM SORRY»

Бюрократическая и судебная волокита, связанная с доставкой останков Андреу Вилерта в Барселону, заняла два месяца. Амелия Льобет организовала для бывшего мужа скромную гражданскую панихиду втайне от представителей прессы, которые следили за развитием дел через московского корреспондента. На похороны пришли несколько друзей и безутешная секретарша Моника, которая до сих пор не могла поверить в случившееся. Прах неудачливого «секретного агента» был развеян над морем в тихой бухте на Коста-Брава. Со временем не осталось ничего, что напоминало бы о нем и его сибирских приключениях.

А Байкал, со всеми обитающими в нем существами, так и останется гордостью России и сибиряков.

* * *

Рок. Свобода. Музыка и слово.
Жажда правды. Справедливый бой.
С пошлостью сразиться мы готовы!
Курс на совесть выбрать, рулевой!

Мир услышит, если будешь предан
Верному, нелегкому пути.
Нужно в жизни многое изведать,
Чтобы честно поле перейти.

Пусть фатально прозвучат финалы
Наших судеб. Это не беда.
Главное, что в жизни мы дышали
Полной грудью – на размах крыла.

Рок – судьба! В ней всякое бывает.
Все обычным чередом идет,
Только почему-то путь поэта
Иногда ведет на эшафот.

ИСПАНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В небе звезды горят,
Все давно уже спят,
Только ты, мой сыночек, не спишь.
И свой сонный обряд
Совершает земля.
Ты о чем-то, малышка, грустишь?

Засыпай же скорей.
В колыбели своей,

Что тревожит тебя, забывай.
Сон твой, ветра вольней,
Андалузцев смелей,
Пусть приходит – глаза закрывай.
Храбрый воин в седле –
Конь спустился к реке.
После битвы устали они.
Их товарищей нет:
На чужой стороне
Завершились их славные дни.

Воин будет и впредь,
Пусть друзей рядом нет,
До победы сражаться в бою.
Он готов умереть
И товарищам всем
Сохранит твердо верность свою.

Баю-бай, засыпай,
Побыстрей вырастай,
Пусть во сне к тебе сила придет.
Баю-бай, засыпай,
Свою крепь набирай:
Скоро твой наступает черед

Храбрым воином стать,
Своим предкам под стать –
Вот он самый заветный удел.
Будет сердце пылать,
И молить будет мать,
Чтоб в бою ты, как камень, твердел.

Спи, любимый сынок,
Твои конь и клинок
Ждут, когда пригодятся тебе.
Знаю, выпадет срок,
И среди дальних дорог
Будешь верен родной стороне.

Баю-бай, засыпай,
Побыстрей вырастай,
Пусть во сне к тебе сила придет.
Баю-бай, засыпай,
Свою крепь набирай:
Скоро твой наступает черед...

МАРИАНЕ ПИНЕДЕ

Вышить скорбное знамя Свободы
И на плаху пойти за любовь...
Не нужны величавые оды,
Чтоб воспеть андалузскую кровь.

В той крови много жизни и пыла,
Много боли и вдовьей тоски
По тому, что уж сердце забыло
В ожидании страстной любви.

Ветерком над гранадской сосною
Пронеслась ты из сладостных грез
И затихла звездой над землею,
Где оставила бусинки слез.

Красным шелком ты воздух пронзала,
Красный шелк ты и в сердце вплела.
У любви ты искала причала –
Лишь у скорби его обрела.

Заговорщику верной осталась,
Жизнь и смерть воедино связав.
В тот момент, когда с Педро рассталась,
Ты как символ любви родилась.

Сохранили легенды и песни
Марианы Пинеды судьбу –
Без Ромео испанской Джульетты,
Жизнь свою посвятившей ему.

* * *

О, если б мог я родиться птицей,
Я песню б нянчил на крыльях ветра
И пил бы сладко из чаши утра
Нектар рассвета в пурпурном цвете.

А ночью темной заснул бы в роще
У ручейка под седой оливой,
Иль полетел по дороге млечной
Искать созвездий небесный холод.

А если б дождь на пути к созвездьям
Преградой встал бы из чистых капель,
Тогда все капли собрал бы в крылья
И подарил их влюбленным в песню.

* * *

Вы слышали, как бьется сердце кантаора,
Когда в ночи беззвездной он поет?
В том стуке месса тысячного хора,
В том стуке страсть цыганская живет.

Так бьется пламя, согревающее ночью
Двух путников без крова и еды.
Так бьются волны, разрывающие в клочья
Остатки предрассветной тишины.

И крик певца, и колдовство природы
В одном порыве намертво слились.
В одном порыве – вечность небосвода,
Печаль земли и тайны сигирий...

То еле различимо бормотанье
Лесного родника в палящий зной,
То голос после мига ожидания
Стремится ввысь истерзанной струной.

В глубинном пенье разлита тревога,
Здесь «первый плач и первый поцелуй».
Любовь и смерть на жизненной дороге
Сплетаются в порывах сильных бурь.

И ритм певца в созвучье с ритмом грома,
В созвучье с жизнью просит об одном,
Чтобы тоска мелодии бездонной
Прошла по миру проливным дождем.

РАССКАЗ

Паша и Надюша Остороженские – вполне упакованные молодожёны. Квартирка, пусть пока и однокомнатная, но своя. Папы-мамы помогли рабства ипотеки и банковских кредитов избежать. Родня и друзья на свадьбу денег надали – хватило все расходы отбить и ещё осталось.

– Зая! – кричит Паша из комнаты Надюше на кухню. – А у тебя загранпаспорт есть?

– В прошлом году оформила, – появляется в комнате Надюша. – Ты забыл? Мы с тобой ещё в Маньчжурию собирались на три дня, а ты чего-то съел и...

– Да, да, да... – досадуя на память, бормочет Паша, тыча в кнопки телевизионного пульта.

– А чего ты спросил?! – кричит вернувшаяся на кухню Надюша, оглушительно щёлкая ножом по разделочной доске – морковку для супа режет.

– А я вот думаю, Зая... Не закатиться ли нам с тобой в свадебное путешествие? Имеем право свадебные транши истратить?

– Конечно, имеем, милый! – Надюша снова появляется в комнате, вытирая пальчики полотенчиком, и плюхается на диван, под бочок благоверному. – Какие предложения конкретно?

– Щас, погоди-ка, – Паша внимает теленовостям.

«...Как стало известно, шпионский скандал набирает новые обороты. – Диктор в телевизоре деловит и озабочен. – Лаборатория Касперского выяснила, что жёсткие диски практически всех импортных компьютеров, смартфоны и другие столь популярные сегодня гаджеты могут содержать чип с обнаруживаемым программным обеспечением, которое самостоятельно считывает с телефонов, планшетов, ноутбуков и аналогичных электронных устройств любую информацию любого пользователя. Все эти сведения вполне могут осесть на серверах «Большого Брата» – Агентства национальной безопасности США, и, соответственно, использоваться в подрывной деятельности против других стран...»

– Совсем эти америкосы обнаглели! – возмущается Паша. – Мало им военных и политических секретов. В личную жизнь с ногами лезут!

– Так это что, Паля, если я с подружками в «Одноклассниках» поболтаю – всё американцам известно?

– То-то и оно, Зая. А если по скайпу – то и картинка твоя у поганцев осядет.

– Ужас какой!.. А наши-то что думают?!

– Непросто, Зая, этому противостоять... – тяжело вздыхает Паша. – Отстали мы в электронике, да как бы ещё и не навсегда...

А на телеэкране уже оглушительно хохочущий мужик-растаман в дредах доит жирафа, потом два пузатых шоколадных драже оттягиваются на карибском пляже с такими же красотками-шоколадками.

Надюша подымается с дивана и возвращается на кухню.

– Паля! – немного погодя кричит она оттуда. – Карибы мы, конечно, не потянем, а вот если в Таиланд?

– Вариант! – отзывается Паша, переключая каналы.

«...не исключена возможность повторения прошлогодней трагедии, когда гигантская волна цунами практически накрыла всё побережье с лучшими тайскими пляжами...» – телекомментатор смотрит Паше в глаза со всей откровенностью. Паша давит очередную кнопку. Величественные пирамиды Египта разворачиваются в самых живописных ракурсах.

– Зая! Таиланд – это банально. А не махнуть ли нам в Египет? Там, говорят, и цены упали, визу уже за так дают...

«...новые вылазки мусульманских экстремистов. Как сообщает наш корреспондент из Каира, беспорядки не прекращаются...»

– Хотя, ты знаешь, Зая, а чего там мы не видели? Пустыня, песок. Все эти фараоны-тутарахмоны ещё со школы надоели!

– Только что хотела тебе об этом сказать! – кричит из кухни Надюша. – Да и какой это отдых – страшных мумий разглядывать. Я их ужас как боюсь!

Надюша на минутку высовывается из кухни.

– Представляешь, а Клеопатра-то – крокодил крокодил! И чего на неё египетские мужики западали? И даже этот, римский полководец... забыла, блин, как его...

– А может, на Жёлтое море или на Хайнань? – Паша он-лайн считывает телерекламу турагентства.

– Это...

– Это южный Китай, Зая... – снисходительно поясняет Паша, но его перебивает сдвинувшая брови дикторша Первого канала:

«...Эпицентр землетрясения зафиксирован в районе города Куньмин, однако толчки ощущались даже на острове Хайнань...»

– Не, в Китай я не хочу! В Китай всегда съездить можно! – опять кричит из кухни Надюша.

«Уф, – облегчённо отдувается Паша, – про китайскую трясучку, по-моему, не слышала...»

– Вот, помнишь, Паля, мы в Турцию хотели?

«...представители официальных органов власти провинции Анталья со всей ответственностью заявляют, что нападение акул на пляж носило исключительно единичный характер...»

– Да эта Турция, Зая, сегодня вообще – проходной двор! Одни жулики. И народу там нашего вон сколько уже ихней едой и выпивкой перетравилось! – кричит в ответ Паша, а сам уже с подозрением смотрит на телевизор.

– Ну я не знаю! – в комнату возвращается огорчённая Надюша, садится на диван и обнимает мужа. – Ты у нас глава семейства – ты и думай, предлагай.

– Не так всё просто, Наденька, не так всё просто... – цедит, уставившись в телевизор, Паша. Встаёт и внимательно оглядывает телеприёмник со всех

сторон. Снова усаживается в свой любимый диванный угол и так же внимательно, разве что не обнюхивая, изучает телевизионный пульт.

– Что-то сломалось? – беспокоится Надюша.

– Да нет... – бормочет в некоем раздумье Паша и вдруг – чуть ли не кричит в телевизор:

– А не отправиться ли нам в морской круиз по Средиземному морю?!

– Паля, – укоризненно начинает Надюша, – меня на речном трамвайчике укачивает, а ты предлагаешь...

Договорить ей не удаётся – телевизор сообщает очередную жуть:

«...у берегов Сардинии. Судьба остальных пассажиров и членов экипажа круизного лайнера пока остаётся неизвестной. Это уже второе крупное...»

Паша выключает телевизор, вскакивает с дивана и выдёргивает вилку из электророзетки. Мгновение подумав, вытаскивает и штекер телеантенны из гнезда на задней панели телящика.

– Паля, рыбка моя, ты чего, ты чего?.. – испуганно лепечет Надюша, а Паша прижимает палец к губам и кивает жене, мол, на кухню пойдём.

Заглянув в тостер, холодильник и микроволновку, Паша крепко прижимает Надюшу к себе и тихонько шепчет ей в ушко:

– Твоя мобила где?

– В сумочке, в прихожей. У нее батарейка разрядилась.

– Это хорошо...

Паша свободной рукою лезет в задний карман джинсов, вытягивает свой телефон и тоже отключает.

– Спокойно, Зая. Не получится у америкосов сделать нас невыездными! Хотя они своими ушами весь мир опутали – не бойся. Я – с тобой.

**Валерий
Дмитриевский**

ТЕОРИЯ ПРАВИЛЬНЫХ РАССУЖДЕНИЙ

РАССКАЗ

– Хочешь встретиться с читателями в Синеморске? – спросили меня в городском литературном объединении.

От выступлений я никогда не отказывался. Они давали возможность завоевать своим именем и территорию, и аудиторию. А в Синеморске я ещё не был. Кроме того, полагались какие-то командировочные. Поэтому я сразу согласился.

– Тогда в четверг.

– Хорошо.

– Удобнее поехать на электричке. На вокзале тебя встретят, – сказал мне поэт Витольд Вавилонский. – Я уже выступал там разок.

Вообще-то Вавилонского звали Коля Кулюкин. Но он считал, что с таким именем, а пуще с такой фамилией он никогда не добьётся известности. И придумал себе псевдоним. Только почему-то все читатели и слушатели сразу узнавали, что по жизни он Кулюкин. А он так и не перестал изумляться этому.

Я начал расспрашивать его:

– Ну и как? Хороший город? Что за публика?

– Городишко так себе, – отвечивал он. – Хотя... на любителя. А публика – ну, слушают. Хлопают. Как везде. Вопросы задают...

Он отвёл меня в сторону:

– Оцени. Тебе первому читаю:

Потерял кошель во просе,
и теперь вся жизнь – в вопросе:
не дадите ли деньжат вы
мне, пока придёт день жатвы?

– Неужели сам сочинил? – полюбопытствовал я.

– Естественно. Негоже поэту просить на опохмел прозой.

Я подал. Коля шаркнул ногой и вполголоса сказал:

– А в Синеморск, если честно, не советую. Но ты же не послушаешь.

И тут же слинял вниз по лестнице.

Чего-то он темнит, подумал я. Ничего, на месте увижу.

В назначенный день я сел в электричку. Предстояло часа полтора неспешной езды. Устроившись у окна, я углубился в свои шпаргалочки: наброски вступительного слова, строки стихотворений, отобранных для выступления, тезисы разных литературных и житейских проблем, о которых я собирался поговорить между чтением стихов... Время пролетело быстро. Услышав объявление: «Калиновка, следующая – Синеморск», я собрал бумажки и стал смотреть в окно. Подъехали к Калиновке. Вышли и зашли пассажиры. Двери с

шипением закрылись. И тут поезд двинулся в сторону, обратную той, куда мы всё время ехали. Я оглянулся по сторонам – никто из пассажиров и виду не подал, будто что-то не так. Ещё раз посмотрев в окно, я удостоверился, что теперь пейзаж удаляется от меня, хотя ясно помнил, что в начале пути было наоборот. Наклонившись к соседу, худому старику в соломенной шляпе, читавшему газету, я спросил:

– Вы случайно не в Синеморск едете?

– Да, – ответил он. – Это следующая остановка.

– А мы правильно едем? – как-то по-детски вырвалось у меня.

Он посмотрел на меня поверх очков.

– Это железная дорога. Тут нельзя заблудиться. Никаких перекрёстков и отворотов нет.

Уставив взгляд в газету, старик тут же снова оторвался от неё.

– Вы что, первый раз туда? Смотрите, – он показал за окно, – вот переезжаем мост через Синичку, дальше будет санаторий «Кракатау», потом электровагонное депо. А там останется минуты две, не больше.

И он, пристально поглядев мне в глаза, продолжил читать газету с того абзаца, на котором держал свой узловатый палец с нашлапкой жёлтого ногтя.

Всё было так, как он сказал. Проехали санаторий, депо, и в окне я увидел название станции на фасаде вокзала: СИНЕМОРСК. Я встал и вслед за стариком вышел из вагона. Двери за моей спиной хлопнулись, и поезд пошёл дальше. Или обратно? Этого я уже сообразить не мог.

«Не зря Кулюкин предупреждал, – мелькнуло в сознании. – Наверное, в какой-то момент я задремал и перепутал направления», – предположил я и этим себя утешил. – Ладно, проехали. Надо искать встречающего».

Все сошедшие с поезда направились под арку с надписью «Выход в город». Я оставался на месте и ждал, что кто-то подойдёт. Но перрон опустел, а я так и стоял один. Да, опаздывают встречающие меня... Погуляв минут пять на воздухе, я решил заглянуть в буфет. Купил пару пирожков с капустой, бутылочку полулитровую с яблочным соком и достал свой стакан, приобретенный для таких вот случаев. Мало ли бывает задержек в дороге. Стакан возник в пространстве посредством телескопированного раздвижения нескольких вложенных друг в друга пластмассовых колец шириной сантиметра полтора, самое малое из которых имело дно. В результате образовывался конусообразный сосуд вместимостью сто пятьдесят граммов. В сложенном виде он помещался в коробочку размером с гуталиновую.

Я сел за столик в пустующем буфете и стал наливать себе сок. Но почему-то мой складной кубок никак не наполнялся, хотя бутылка уже на треть опорожнилась. И только опрокинув её вниз горлышком, я добился того, что уровень жидкости сравнялся с верхним обрезом стакана.

«Что за фокус? – теперь уже всерьёз недоумевал я. – Ну, допустим, в вагоне мог задремать, перепутать, но сейчас-то не сплю!». Я сделал глоток. Сок как сок, зелёное яблоко. Стал пить, но до дна осушить посудину не смог, так как уже не лезло.

«Действительно, пол-литра и вошло», – убедился я. Как это может быть?

Я встал из-за стола и подошёл к прилавку. Буфетчица сидела на стульчике у стены и осваивала бутерброд с колбасой, прихлёбывая кофе из гранёного стакана.

– У меня обед, – заявила она. – Господи, уже и перекусить нельзя. Сам, небось, поел. Ещё что-то надо?

– Обедайте, – разрешил я. – Я только спросить хотел...

Она молча жевала, глядя на меня.

– Скажите, – начал я, – вот я купил у вас сок в бутылочке... Тут написано «ноль пять литра», а у меня всё вошло вот сюда. – И я показал ей пустую бутылку и свою походную ёмкость.

Буфетчица перестала уничтожать бутерброд и посмотрела на мой шкалик.

– Где-то грамм сто пятьдесят, – не то спросила, не то сама себе и ответила она. – Ну и что? Если недолив, так на пробке же фабричная закупорка. А я при чём?

– Нет, с пробкой всё в порядке, – успокоил я её. – Закупорка была в целости. И в бутылке ноль пять так и было.

– Тогда что?

– Но... Пол-литра – и сто пятьдесят грамм. Как это может быть?

– Забавный вы, – заключила она, окинув меня долгим взглядом. – Первый раз в Синеморске... – Это она уже себе под нос пробормотала. – Ну а как же по-другому?

– Позвольте... – пролепетал я, подозревая, что один из нас свихнулся, но это не я.

Буфетчица ещё раз посмотрела на меня, потом засмеялась.

– Вы что наливали – сок?

– Сок, – подтвердил я. – Яблочный.

– Да без разницы. Вот соку в ваш стакан и должно входить пол-литра. А молока войдёт... – она пошевелила губами, – чуть меньше литра. Примерно.

И не дав мне слова вставить, продолжила:

– Пива поместится в нём – ну, с полкружки. А водки всего грамм семьдесят, и то если до краёв.

И она снова вонзила свои белые фаянсовые зубы в бутерброд.

Поняв, что ничего не понимаю, я влил в себя остатки сока, привёл стакан в портативное состояние, спрятал его в карман и вышел из буфета на перрон. Издалека с нарастающим грохотом шёл товарняк, ведомый обычным тёмно-зелёным электровозом. Но по мере приближения к станции цвет локомотива постепенно сменился на жёлтый, мимо меня он пронёсся уже синим, а посмотрев ему вслед, я наблюдал, пока ещё мог различать, в голове состава яркое красное пятно.

Чтобы сохранить ясность рассудка, оставалось только одно средство: ничему не удивляться. Так я мог ещё сойти среди людей за адекватного индивида. Хотя никого вокруг меня пока не было. Кроме затаившейся неподалёку буфетчицы.

За спиной я услышал дробный цокот и оглянулся. Из-под арки выбежала девушка в синем платье. Ещё издалека она махнула мне рукой, а приблизившись, долго не могла отдышаться, прежде чем произнесла:

– Извините, опоздала... Автобуса не было...

– Да ничего страшного, – сказал я и отвёл её на скамью возле небольшого цветника, обложенного кирпичами.

Девушка посидела с минуту, глубоко и часто дыша, потом повернулась ко мне.

– Понимаете, – стала рассказывать она, – «восьмёрка» заходит на вокзал обычно на третьем круге, а «двадцатка» – на втором. Но «двадцатка» где-то задержалась, вот и пришлось ехать на «восьмёрке». Только я забыла, что сегодня четверг.

Я помнил, что решил ничему не удивляться, но не мог не спросить:

– Как это – «обычно заходит». То есть может и не зайти? У водителей должны же быть карты утверждённых маршрутов. И при чём тут четверг?

– Ну как же, в четверг «восьмёрка» приезжает на вокзал только на четвёртом круге. Это всегда так.

– А что это за круги такие?

– Обычные круги, от одной конечной до другой.

– И что, нет маршрута, у которого конечная – здесь? Который на каждом круге приезжает на вокзал?

– Есть, обязательно. «Тройка». Но мимо библиотеки она не ходит. Очень неудобно.

– А вы, значит, из библиотеки? – уточнил я.

– Да. И нам с вами опять надо туда. Вернее, мне – опять. Ну что, пойдёмте? Девушка встала со скамьи и пошла к «Выходу в город». Но тут же обернулась:

– Ой, простите... Я не спросила: вы ведь Василий Булатов?

– Булатов. Василий Карпович.

– А я Инна... Нам к пяти часам надо успеть.

Я машинально поднял взгляд на вокзальные часы, висевшие на арке. И увидел, что на диске располагалось по кругу всего семь цифр, а единственная стрелка указывала на четвёрку. «Ну да, сегодня же четверг», – озарило меня. Почти уверенный, что угадал, я всё же спросил Инну:

– А где же часы, которые показывают часы?

Но она уже тянула меня за руку:

– Побежали! «Двадцатка» подошла, она сначала идёт к библиотеке, а потом по другим остановкам. Нам повезло.

Я не стал переспрашивать. И решил больше не обращать внимания ни на какие штучки. Даже если автобус поедет задом наперёд и на одном колесе.

Но мы доехали до библиотеки обычным способом. И я поймал себя на том, что немного озадачен этим. Инна провела меня на второй этаж в читальный зал, где ярко горела люстра, несмотря на то, что до сумерек было ещё далеко. В двери зала входили и выходили люди, часть мест уже была занята. Присмотревшись, я заметил, что поток входивших был реже, но свободных стульев оставалось всё меньше. Проследить, как это получается, я не мог, потому что тогда надо было бы держать в поле зрения слишком много фигур.

Когда зал почти заполнился, Инна встала и сказала несколько вступительных слов. Мол, к нам приехал поэт из области Василий Булатов (раздались редкие ободряющие рукоплескания), давайте его послушаем, потом он ответит на вопросы. В общем, так или примерно так начинались все мои литературные вечера.

После небольшой прелюдии я прочитал несколько ранних стихотворений. Я всегда строил свои выступления по нарастающей, чтобы слушатели могли проследить процесс моего творческого роста и оценить высоту той вершины, которой я, в конце концов, достиг.

За окном стало пасмурно, пошёл дождь. Подул резкий ветер, швыряя капли на стекло, и листва на деревьях замерла неподвижно. Инна поднялась и выключила люстру, отчего в зале стало намного светлее.

Я стал декламировать лирические стихи, написанные в последние годы. Одно из них наш литературный ветеран Плещеев (не потомок, просто однофамилец) ценил весьма высоко и говорил, что в нём по мастерству я почти приблизился к Пастернаку. После «программных», как раньше говорили, стихотворений я перешёл к окружающей действительности, пройдясь по росту цен на лосося, многопартийности и экологии. Затем вкратце осветил деятельность нашего литературного объединения, упомянув при этом и Вавилонского, на что из зала послышалась реплика: «А-а, Кулюкин». Рассказал наизусть, заглядывая в шпаргалочки, несколько юморесок, которыми баловался для души. И завершил я свой монолог не очень длинной поэмой на историческую тему, чтобы показать, что и такие серьёзные жанры мне по плечу.

Дочитав поэму, я выдержал паузу и сообщил присутствующим, что жду вопросов. На столе перед Инной стоял на стеклянном блюде графин с водой, и я уже было потянулся к нему, но попить так и не осмелился. Про воду буфетчица ничего не говорила.

Поняв, что художественная часть закончена, народ захлопал в ладоши. Почему в ладоши, а не в ладони, для меня всегда было загадкой. Хлопали вроде бы все, но вместо овации были слышны звуки жидких аплодисментов, которые могли издаваться максимум тремя парами рук. Я поклонился и снова пригласил всех задавать вопросы, а особо стеснительных – присылать записочки.

Хлопки прекратились. Вопросов и записок не было. Однако никто не расходился. Я вспомнил историю с заполнением зала и подумал, что, может быть, на самом-то деле все уже удалились. И я поднялся, оглянувшись на Инну и собираясь попрощаться. Но тут прозвучал юношеский голос:

– А розовые кони бывают?

Я немного замешкался. Ни про что такое я в своих стихах не писал. На память пришла песенка про розового слона – пели такую, когда я был намного моложе... Поразмышляв, сообразил: это же он про есенинского коня спросил.

– Видите ли, – осторожно начал я, – это же всё-таки образ... Розовые мечты детства и так далее. А потом, там ведь есть слова: «весенней гулкой ранью». Вот если коня белой масти освещали лучи восходящего солнца, которое обычно бывает красным, то конь вполне мог показаться поэту розовым. Всё логично, – подвёл итог я, довольный своим ответом.

– Логично – значит, скучно, – изрёк лысоватый круглый человечек из-за стола во втором ряду.

– Почему скучно? – Я немного растерялся. Вроде так хорошо им всё объяснил.

– Давайте ещё раз про коня, – предложил толстячок. – Вот у Заболоцкого:

А бедный конь руками машет,
то вытянется, как налим,
то снова восемь ног сверкают
в его блестящем животе.

– Помните?

– Помню.

– Ну и что это такое?

– Ну как что... – я собирался с мыслями. – Очевидно, это иллюстрирует скорость бега, быстроту движения ног... и рук... то есть вообще конечностей.

– Почему же у коня руки? – ехидствовал толстый коротышка.

– Это... это преувеличение. Поэтическое преувеличение. Если бы так быстро бежал человек, у него бы мелькали и руки, и ноги. Одних ног недостаточно.

– То есть на четвереньках?

– Ну да... Но поскольку здесь конь, для такой скорости, какую хочет показать поэт, ног не хватает даже коню, поэтому добавлены ещё и руки.

Я чувствовал, что объясняю не очень убедительно, но другого толкования на ходу придумать не мог.

– Логично, – саркастически подсказал толстый.

– Конечно, логично, – не заметив издёвки, подтвердил я.

В первом ряду встала брюнетка в зелёной кофточке и задала вопрос:

– А что такое логика?

Я посмотрел на её спелые губы. Такими сахарными устами – и про логику... Но своими словами дать определение я затруднялся. Хотя казалось бы – чего проще. Потом осенило: мы же в библиотеке!

– Это достаточно сложное понятие... – Я сделал вид, что сомневаюсь, уразумеет ли она. – Давайте посмотрим в словаре. Для точности.

Инна молча положила передо мной толстый фолиант. Как будто он у неё был приготовлен заранее. Я начал листать. Найдя нужную страницу, прочитал:

– «Логика – наука о способах рассуждения или наука о способах доказательств и опровержений». Или вот дальше: «Логика также определяется как наука о правильном мышлении».

– А ещё логика – это теория правильных рассуждений. – Инна показала мне страничку из другой толстой книги.

– Вы уловили суть? – я взглянул на зелёную кофточку. – Вот в случае с розовым конём мы рассуждали...

– Не мы, а вы рассуждали, – прервала меня брюнетка.

– Хорошо, я рассуждал, а вы мысленно следили и не возразили. Значит, я рассуждал правильно и, значит, пришёл к правильному выводу. Это и есть логика.

В зале поднялось несколько рук. Инна предоставила слово молодому человеку в сером костюме.

– Вы там прочитали: «наука о правильном мышлении». А что значит – правильное мышление? И кто определяет, правильное мышление или неправильное?

– У кого – у вас? – мне надо было немного потянуть время, чтобы дать достойный ответ. Чёрт его знает, о чём они спрашивают!

– Да у любого. И у вас тоже.

– Ну-у, я думаю... Правильное мышление – это когда оно опирается на практический опыт... и не привлекает для рассуждений какие-то невероятные обстоятельства.

И, не удержавшись, я заявил:

– А для вашего города, как я понимаю, правильные рассуждения невозможны. Эти напитки, листья на деревьях, люстра... Никакой логики. А логика – это законы. В том числе законы природы. То, что всегда подтверждается и имеет строго определённые свойства.

Кто-то с места выкрикнул:

– А у нас что, законы природы не подтверждаются?

Я успел рассказать только про яблочный сок. Меня перебил парень в джинсовых брюках и такой же курточке:

– Вы справедливо сказали, что надо опираться на практический опыт. Давайте такой опыт сделаем.

Он достал из кармана монетку.

– Сейчас я буду её подбрасывать, а вы считайте, сколько раз она упадёт плашмя, а сколько раз – на ребро.

Я поправил его:

– Наверное, вы хотели сказать: сколько раз выпадет «решка», а сколько раз – «орёл»?

– Это частный случай, – возразил он. – Так вот, всем известно, что если бросать достаточно долго, то на ребро монета упадёт с вероятностью шестьдесят процентов. А если она ляжет плашмя, «орлов» и «решек» будет примерно поровну.

Теперь стал возражать я.

– Я тоже знаком с теорией вероятностей. Чтобы монета упала на ребро, нужно несколько миллионов попыток. Или миллиардов, не помню. Короче, это возможно только по дикой случайности.

– Чего мы спорим, – сказал джинсовый парень. – Давайте начнём.

Он подбросил монету, она повертелась в воздухе и упала плашмя. На «орла».

– Вот видите, – сказал я снисходительно.

Парень подобрал монету и снова подбросил. Она покатилась по полу и, сделав полукруг, уткнулась в ножку стола, остановившись на ребре. Я запротестовал:

– Стол-то отодвиньте. Она же к нему прислонилась.

Отодвинули. Монета не падала.

– Ну, это иллюзия какая-то, – сказал я.

Парень продолжил бросать монету. Из двадцати раз она трижды шлёпнулась вверх «орлом», пять раз – «решкой», остальные двенадцать, покатавшись немного, так и замирала на ребре. И я, как ни лазил вокруг неё, не мог понять, почему она не заваливается. Даже пальцем подталкивал – бесполезно.

– Это что – гипноз? – наконец спросил я.

– Я вас умоляю! Если хотите, давайте повторим ваш опыт с соком, – предложил парень. – Или уж теперь с молоком. Водку-то вряд ли мы здесь найдём, а вот пакет молока у меня с собой.

Я отказался. Потому что не сомневался, что он мне докажет всё, что угодно. Даже то, что на горе свистят раки... Или все вокруг сумасшедшие, или я один. Инна смотрела на меня с каким-то материнским сочувствием.

– А вы говорите – никакой логики, – как сквозь вату, донеслось до меня. – Наоборот, всё логично. По крайней мере, один из законов сейчас подтвердился

на ваших глазах. Так же и мяч, сколько его ни кати с горы, никогда не покатится вниз. Его надо подталкивать. А вот в гору – покатится.

– И солнце всходит на западе, – поддакнул я.

– Не надо юродствовать, – это вступила та, зелёная. – Я ещё, когда вы про коней рассуждали, поняла, что логика вам недоступна. Вы сами только сейчас в словаре прочитали, что это такое. А в поэзии и не должно быть логики. Иначе это не поэзия.

Я ничего не понимал. И в отчаянии спросил у неё:

– Тогда почему конь – розовый?

– Потому что это поэзия. А не научный трактат.

Я зашёл с другой стороны.

– Оставим поэзию. Но если монета чаще всего падает на ребро, где тут логика? Это противоречит закону тяготения.

– Но вы же сами говорили, что логика – это правильное мышление, а правильное мышление опирается на практический опыт, – снова сказал джинсовый. – Это опыт был вам продемонстрирован.

Да, в логике ему отказать было трудно. Задавил меня моими же формулировками. Я не знал, что ещё сказать. Аудитория вполголоса переговаривалась.

Надо было как-то заканчивать встречу. Я вопросительно взглянул на Инну. Она поняла, что я выдохся. И встала для заключительного слова.

– Ну что ж, – начала Инна, – давайте поблагодарим Василия Карповича за содержательное выступление. И...

– И за то, что попытался безуспешно, как и многие до него, поверить алгеброй гармонию, – подскочил лысый толстячок.

Он выбежал из-за стола.

– Причина ваших заблуждений мне понятна, – обратился он ко мне. – Полное отсутствие воображения. Это недоразумение, что вас считают поэтом, но вы хотя бы пытаетесь удивляться окружающему. Только напрасно сдерживаете себя. А вот почему вы все, – он повернулся к залу, – не удивляетесь? Почему у вас на всё готов ответ? В виде практических опытов.

– Закон – он и в Африке закон, – ответил парень в джинсовой упаковке. – Чему же тут удивляться?

– У вас в городе столько необыкновенного, – продолжал горячиться толстяк. – Чудо на чуде! Да тут можно такого наворотить! Наизобретать, насочинять, напридумывать. А вы считаете, что так и надо. И приглашаете к себе из других городов посредственных поэтов без капли фантазии, потому что среди вас даже посредственных нет.

Он махнул рукой и засеменил к выходу. В зале возмущённо зароптали. Пожилой мужчина в свитере крикнул толстяку вдогонку:

– К вашему сведению, я научную фантастику пишу! И поэты у нас тоже есть. Даже детские.

Ропот стих. Все стали расходиться, обсуждая инцидент. Инна сказала мне:

– Я вас провожу. Есть маршрут, на котором быстрее всего добраться до вокзала. Он только вечером ходит. Без лишних кругов.

Мы вышли из библиотеки и не спеша зашагали по улице. Дождевая туча высохла, оставив редкие лужицы серых облаков. Солнце упало за дальние дома. Сумерки густели, как черничный кисель. Фонари, наклонив головы, разглядывали нас светящимися глазами.

- Вы не обиделись? – спросила Инна. – Я даже не знаю, кто он такой.
- Нет, – ответил я. – Он немного странный. Но в чём-то он, пожалуй, прав.
- Первый раз его видела. Хотя контингент у нас более-менее постоянный. Наверное, приезжий. Как вы думаете, про какие чудеса он говорил?
- Не знаю, – соврал я. – Есть такие люди, которые готовы удивляться всему на свете.
- Он говорил: логично – значит, скучно. Вы согласны?
- Знаете, – сказал я, – мне ещё надо о многом подумать. И над его словами тоже. Но мне кажется, что повседневные чудеса перестают быть таковыми.
- Это потому, что вы очень способны к правильным рассуждениям, – заметила Инна, и я не мог понять, была в её словах ирония или нет.
- Вы думаете, это плохо? – спросил я.
- Она, не ответив на мой вопрос, задала свой:
- А вот рассказывают, что у вас в Подснежинске растут ромашки с белыми лепестками. Неужели это возможно?
- Кто его знает, – ответил я, потому что ни в чём уже не был уверен. – Я редко бываю за городом.
- Да нет, я слышала, они в городском парке. У фонтана.
- Не помню.
- Жаль... А я так хочу туда съездить. Посмотреть своими глазами. «Увидеть Париж – и умереть»...
- Приезжайте. Вместе посмотрим.
- Из-за облака выкатилась ярко-жёлтая монета луны и осталась на ребре.
- Ну что ж, до свидания, – остановилась Инна. – Идите, садитесь. Счастливого пути.

Июль. Курортный посёлок Аршан. Вечер.

Фёдор направляет свой автомобиль к дацану, что расположен на окраине посёлка. Сразу за ним находится и место для ночёвки – давно полюбившаяся ему поляна.

Несколько лет назад он впервые обратил внимание на красоту здешних мест и теперь, когда позволяют обстоятельства, старается заночевать непременно здесь.

Раскинувшись мягким зелёным ковром, большая, к вечеру безлюдная, поляна будто специально создана для тех, кто любит природу, тишину и уединение.

Окружающий лес хоть и редок, но разнообразен растительностью. Крепкие сосны соседствуют с берёзками и осинами, а у входа, снисходительно взирая на мир с высоты своих лет, три могучих кедра, чуть выдвинувшись вперёд, словно предупреждают входящего: «Здесь не шалить!».

Строгий плакат при подходе к дацану, хоть и написан неряшливо и от руки, и на куске старой фанеры: «Святое место. Шуметь и разжигать костры нельзя!» – всё же достигает цели – заставляет граждан соблюдать порядок.

Фёдор останавливает автомобиль на западной стороне поляны. Осмотревшись и, не обнаружив людей, радуется своей удаче.

«Один! Чем же удивит его поляна на этот раз? Сказочно красивым закатом? Таинственными ночными голосами? А может, чем-то невиданным?»

Фёдор усаживается на поваленную ветром берёзу лицом к вечерней заре. Лес притих. Ничто не шелохнётся.

Солнце меж тем творит чудо, играя на листьях деревьев поражающими человеческое воображение красками, щедро разбрасывает их по всему лесу.

«Кто ты, кто пишет этот волшебный пейзаж? Дай о себе знать...» – Фёдор, на мгновение улыбнулся своей по-детски наивной просьбе, а вскоре, наслаждаясь чудесным вечером, потеряв счёт времени, забылся.

Вот уже и малиновый цвет заката на горизонте сменился на красный, а потом, когда к нему подросла парочка запоздалых облаков и почти полностью закрыла солнце, заиграл оттенками серого. Время от времени между тучами образуются разрывы, взрывающиеся яркими всполохами лучей, отдают природе последние на сегодня порции света.

Наконец, на прощанье, нежно приласкав золотом верхушки деревьев, солнце скрывается за горизонт.

Фёдор немного расстроился. «Вот и всё. Как быстро летит время!»

Окружающий его лес меняет свои одежды: светлые тона красок замещаются на тёмные и угрюмые, сочная зелёная трава на поляне сереет. Это возвышающаяся на западной стороне поляны огромная гора, словно от досады на покинувшее их светило, накрывает своей тенью и поляну, и близлежащее предгорье.

Сумрак, ничего не разглядеть.

Могучие кедры и сосны, будто уставшие за день от своих трудов люди, успокаиваются, перестав раскачивать ветвями. Разнеженный за день тёплыми лучами солнца лес тихо отходит ко сну.

Неожиданно Фёдора охватывает ощущение нереальности происходящего. Или наоборот, опутанное иллюзиями его сознание открылось, наконец, для познания истины?

Ему теперь кажется – уснувший было лес стал оживать. Старые кедры у подножья гор выглядят уже не деревьями, а воинами-великанами из бурятских сказаний, готовых учинить ему допрос: «Кто такой? Зачем пришёл?»

– Человек! Зачем потревожил святое место? С чем пожаловал?

«Господи! – пронеслось в голове у Фёдора. – Да что же это?! Кто?! Спаси и сохрани! Они идут ко мне!»

«Один!!!»

За спиной плотной стеной стоят сосны, сквозь сомкнутый строй которых не проскользнёт и мышшь.

«Они раздавят меня! Конеч?»

Злая тёмная сила заполнила всё вокруг. Она дала о себе знать неведомым ему ранее мистическим страхом, сковавшим сердце; холодом, внезапно пронизавшим всё тело, отчего по коже противными мурашками побежал озноб.

Пронеслись в голове мысли: «Неужели конец? С чем я подошёл к нему? Да ведь я ничего не успел! Зачем приходил в этот мир? Что, всё?!»

В отчаянии, скорее инстинктивно, чем продуманно, Фёдор, как умел, принялся, не переставая, молиться: «Господи, помилуй. Господи, помилуй...»

Воины-великаны вдруг замерли.

«Мне оставили жизнь? Буду жить.»

Сердце постепенно успокоилось и он, теперь уже без страха, снова посмотрел на склоны гор и возвышающееся над ними звёздное небо.

«Что это было? Померещилось?»

Неожиданное спасение обрадовало так, словно он вернулся с того света. Творец оставил ему жизнь, а в придачу подарил и величественную красоту ночного неба, и чистый воздух, и звенящую тишину, и ощущение необыкновенной свободы от терзавших житейских проблем.

Неземная, божественная любовь заполнила поляну и тихо вошла в его сердце. Казалось, теперь он может бесконечно долго радоваться миру и любви, царящим вокруг.

«Что это, если не сама реальность, а вся его жизнь просто сон?!»

Травы шептали ему:

– Ты, человек, такой же, как мы. Мы любим тебя.

Старые кедры молчали, это было молчание мудрецов.

Ощущение счастья охватило Фёдора: «Господи, а ведь я вечен. Также вечен, как эти горы, как лес, окружающий меня. Удивительно, что раньше этого не замечал, не понимал. Теперь знаю. Теперь точно знаю!»

Мысли, вырвавшись на свободу, стремительно набегали одна на другую, обжигая своей ясностью и глубиной.

«Если и есть в этом мире истины, то осознание их должно приходиться к человеку именно в такие мгновения», – радостно думал Фёдор.

Захотелось навсегда сохранить в памяти подаренное ему Творцом откровение, чтобы потом, в городе, среди суеты, вспомнить пережитое и вновь наполняться верой в безусловную любовь ко всему, что есть в нашем мире.

Незаметно сумерки сменила ночь. Фёдор включил автомобильный проигрыватель. Тихая волшебная музыка поплыла над ночным лесом.

Казалось, всё вокруг сопереживает душе невидимого композитора, что даже он не спит, а тихо плачет, так трогательно и печально была мелодия. В такие мгновения сознанию хочется вырваться из тела и улететь в вечность, где есть только любовь и никогда не было ни смерти, ни разрушения.

Глаза Фёдора неожиданно наполнили слёзы.

«Отчего так редко жизнь предоставляет нам возможность предстать перед миром обнажённым душой и насладиться счастьем единения с ним?» – размышлял он, укладываясь спать.

Так спокойно и крепко он давно не спал. Во сне ему привиделся начавшийся тёплый дождь, и Фёдор порадовался за лес и поляну, ведь дождя не было, кажется, несколько дней. К его радости, собравшиеся ночью над Тункинской долиной тучи пролили на землю живительную влагу. Дождь был короткий, но его хватило, чтобы примята за день трава ожила и природа встретила Фёдора необыкновенным запахом утренней свежести.

– Хорошо-то как, – беззвучно прошептали губы, когда он, проснувшись, вылез из автомобиля и босыми ногами пошёл прогуляться по влажной траве.

От зелёного ковра поляны поднимался полупрозрачный туман. Затем скапливаясь у вершин гор, он плотной пеленой прикрывал их от его глаз. Однако вскоре налетел лёгкий ветерок и с ребячьим озорством разогнал весь туман, представив взору Фёдора вершины гор и синее с редкими облаками небо.

Очнувшийся от сна лес вновь зазывал его на свидание с чудом, тихонько заманивая в мир грёз и любви. Так, чуть слышным шорохом трав под ногами, щебетанием птиц, лёгким движением воздуха он давал почувствовать первозданную чистоту природы и присутствие Бога.

Было тепло и спокойно. Фёдор забылся, ровно младенец, захваченный вниманием и любовью матери и отрешённый от остального мира.

Постепенно окружающая его красота стала тускнеть. В лесу появились ранее им незамеченные полусгнившие поваленные ветром деревья, осколки стекла от бутылок, прочий мусор. Что случилось?

Это огромный автобус привёз группу отдыхающих на осмотр дацана, и они с весёлым шумом, высыпав на поляну, в мгновение разрушили весь сказочный, да нет – абсолютно реальный мир.

«Как жаль! А мне так хотелось побыть одному», – с грустью подумал Фёдор и с чувством обречённости стал готовиться к отъездом.

Вернулись думы о работе и доме, о нехватке денег, о проблемах с детьми, споре с женой. А у кого иначе?!

Собравшись, он всё же решил не спешить с отъездом.

«Я знаю два мира, один, что находится всегда рядом и в котором живут люди. Другой, что приходит к нам в моменты чудесных озарений. И тот и дру-

гой – реальность. Мне, например, в тонком мире лучше. Он принимает меня безоговорочно таким, какой я есть. В мире, созданном людьми, мне приходится приспосабливаться, чтобы выжить. Сам ли я выбираю свою судьбу, свой путь? Иногда мне кажется – выбор профессии мной сделан неверно. Меня интересует не то, чем я вынужден заниматься. С самого начала жизни чья-то злая воля заставляет нас выполнять чужие команды по одной простой причине: «ты молод и не имеешь достаточного опыта для принятия решений». Когда мы становимся старше, обязательно находятся те, кто «мудрее», повыше чином, слушаем и их.

А ведь мы приходим в мир познавать, прежде всего, себя, чтобы полнее реализовать способности и таланты данные нам при рождении, однако начинаем это понимать, когда уже большая часть жизни прожита и ничего не изменить.

С раннего детства нас учат походить на чрезмерно приукрашенных писателями и журналистами известных людей, добившихся в жизни либо славы, либо богатства. Как будто другого смысла существования нет и быть не может. Подражая им, многие теряют себя навсегда.

А потом, на закате жизни, нам становится понятным, что все прожитые годы ушли впустую и потрачены были лишь на стремление занять как можно более высокое место в табеле о рангах нашего больного общества да заработать денег. Не более! Да и собственных детей мы успеваем «воспитать» так же, как когда-то «воспитали» нас...

Фёдор с грустью подумал о себе и своих знакомых: «Как всё однообразно и предсказуемо. Как коротко время пребывания на земле. Ничего не успеть. Сколько ещё проживу? А может быть, неверно выбранная профессия – не причина расстраиваться? Важнее, каких людей повстречал, какой опыт обрёл в отношениях с ними? Смог ли себя сохранить? Не превратился ли в удобного для всех «болванчика» без лица и собственных желаний? Важно, что теперь точно знаю: рядом с миром человеческих страстей живёт другой, тонкий мир, с высоты которого ясно видно всю бестолковость метаний человека в погоне за обогащением, комфортом, славой. А попытка найти альтернативу вечно жуящему и стремящемуся к успеху миру людей – и есть смысл всей моей жизни?»

Фёдор встал и направился к автомобилю.

«Возможно ли нам что-то изменить, не столкнувшись с интересами других людей? Беда наша в том, что не умеем, а часто и не хотим понимать других, – продолжал рассуждать Фёдор. – С завидным упорством мы пытаемся подстроить окружающий нас мир и живущих рядом людей под свои интересы, навязывая им своё видение проблем, неизбежно вступая со всеми в спор, как правильно считать и поступать. А может быть, всё просто? Замысел Бога – научить нас мирному сосуществованию друг с другом и природой? Ведь это не мало...»

Туман окончательно растаял, открыв взору синее, с редкими пушистыми облаками небо.

«До свидания, Аршан. Обязательно вернусь сюда через пару недель».

Автомобиль неспешно катился по дороге, а Фёдор всё размышлял: «Что же со мной здесь произошло? На поляне у дацана мне приоткрылась истина?»

«В ЭТОМ МИРЕ НЕТ ТОЧНОГО ОТВЕТА НИ НА ОДИН ВОПРОС, КАК И НЕТ ДВУХ ОДИНАКОВЫХ ЛЮДЕЙ», – тихо ответил ему голос с неба.

От удивления он прижал автомобиль к обочине дороги и остановил.

Всё вдруг стало понятным!

«А ведь действительно! Как просто! Мы разные. Потому-то мировой порядок, устроенный одними, не может быть удобным для всех. Никогда!

А можно ли сделать человека лучше? Можно. Только надо ему самому понять, что солнца и любви на Земле хватит для всех. Что кроме нас, «самых хороших и правильных», есть и другие люди, что все равны пред Богом, что отдавать приятнее, чем брать. В этом, как я теперь думаю, и скрыта божественная тайна счастливой жизни. Пройдут тысячи лет, но когда-нибудь люди это поймут. Обязательно.

А пока будем и любить друг друга, и делать вид, что любим. Ведь справедливо – это когда нам хорошо, но кто даёт нам право решать, что справедливо, а что нет? Всегда ли мы правы? Ты-то сам что сделал для людей и сколько? Или только намереваешься, но одно это, по твоему разумению, уже возвышает тебя над всеми?

Всё как всегда. Во все времена. Мир людей не совершенен, предсказуем, но всё равно он прекрасен, потому что в нём живут мои друзья, мои дети, моя любимая.

Раньше я безуспешно пытался представить себе бесконечность. Теперь знаю, как это сделать! Достаточно просто посмотреть на мир людей».

Владимир Максимов

ЖИВАЯ ДУША

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ, НО НЕ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

*«Жизнь не может быть лекарством от смерти,
хотя смерть – безусловно, лекарство от жизни».*

Имярек

19 июля 2012 года. Четверг. Порт Байкал. 10 часов утра...

Я хотел написать маленькую новеллу о том, как одинокому человеку, вдовцу – то есть мне, мой, а точнее, наш сын Дмитрий привозит на дачу, в Порт Байкал, что у истока Ангары, рыжего котёнка – Карасика. Карася Каземировича, Рыжика, которого не с кем оставить в городе, поскольку Дмитрий со своей женой Светланой собираются отправиться на две недели в Таиланд, в свадебное путешествие.

Сын женился в начале лета, 8 июня.

Женился так же, как и я в своё время, в 31 год. Только летом, а не поздней осенью, как мы с Наташей. И я надеюсь, хочу надеяться на это, что он будет счастлив со своей женой Светланой, как были счастливы мы с Наташей, прожив вместе 29 лет. И как жаль, что она не дожила всего три года до свадьбы Дмитрия...

Суть новеллы должна была сводиться к тому, что в начале отец – то есть я, не очень-то доволен тем, что к его обычным делам и повседневным заботам: с утра после завтрака в обязательном порядке писать книгу, хотя бы часа два, а после обеда заниматься необходимыми на даче хозяйскими делами...

Не успел дописать фразу – зазвонил, вернее, пропел мелодией польского гимна: «Ещё Польша не сгинела, покида ми живы...» – мой мобильный телефон, лежащий на столе, рядом с листами, на которых я пишу.

– Привет, дружище! – донёсся глубокий, приятный и какой-то барственный голос поэта (очень хорошего, кстати, поэта) Григория Вихрова, живущего вот уже много лет в Москве, но триумфально начавшего свою творческую деятельность у нас, в Иркутске.

– Гриша, ты в Иркутске, что ли? – обрадовался я.

– Нет, по-прежнему в бестолковой и шумной столице. Просто ещё не ложился. (Я взглянул на будильник, стоящий на столе напротив меня. Одиннадцать. Значит, в Москве – шесть часов утра.) И вот, захотелось тебе позвонить, поговорить. Почитать тебе новые стихи, написанные нынешней ночью. Да и соскучился я по тебе, бродяга. Осенью, может быть, выберусь к

вам на Байкал с Женькой. (Послышался, показалось что очень далёкий и неясный женский голос, что-то прошелестевший Грише, там в Москве.) Ну, с Евгенией Михайловной, – поправился он, ответив на нерасслышанную мною фразу. (Многие, в том числе и я, знали, что вторая жена Гриши лет на десять старше его.) И уже снова мне. – Ну, слушай!

Он прочёл своим бархатным голосом, с искусством прирождённого декламатора, несколько стихотворений, заворотив меня их музыкальностью и необычайной образностью. Особенно мне запомнилась одна строка из последнего стихотворения: «В пятнадцатый день десятой луны тысяча сто сорокового года...» И что-то ещё: «Девушка из династии Сунн...» И – сколько то там минуло в разлуке лун...

– Ну, как? – спросил он, закончив декламировать.

– Здорово, Гриша! – честно признался я. – И по форме, и по содержанию. А ещё у тебя есть хорошая особенность, ты не стараешься читать стихи «с выражением»! Ты читаешь их выразительно.

– Ну и ладненько. Пойду тогда спать. Пока.

...Голос умолк. И из Китая двенадцатого века я снова перенёсся в век двадцать первый, на свою дачу у Байкала.

Итак, мы остановились на делах, которых, как известно, всегда так много в загородном доме. А тут ещё забот прибавится: кормить кота (вопрос – чем?), где-то брать наполнитель для его домашнего туалета. Ибо котёнок он доморощенный и не может, как местные деревенские коты и кошки, справлять свою малую и большую нужду на улице – к лотку приучен. И в этом лотке надо будет тоже за ним убирать. Да ещё следить, чтобы он не удрал из дома. В общем, как говорится, и т.д. и т.п.

И принялся я описывать, как это здорово, что человеку привезли это игривое, весёлое, живое существо. И недовольство человека сменяется благодарностью. И даже тихой радостью, потому что теперь ему не так одиноко. Есть о ком заботиться. А как приятно видеть, когда кот со всех ног бежит к нему, встречает после прихода с улицы. Ходит вокруг кругами, трётся о ногу, ласково мурлычет, и всем своим видом даёт понять, что он очень рад возвращению хозяина даже после недолгого отсутствия.

А однажды, оказавшись один в ночной степи, освещённой таинственным мертвенным лунным светом и яркими большими близкими звёздами, этот одинокий человек слышит очень далёкое тарахтение невидимого ему трактора. Идёт на звук и вскоре замечает далёкий, почти на самом горизонте, маленький, трепетный огонёк костра. И уже весело, зная, что он не один в этой ночной бескрайней чёрной степи, направляется туда – к этому костерку. К людям, к тарахтению трактора... А открыв глаза, просыпаясь, понимает, что всё это он только что видел во сне. Наяву же он замечает ранние солнечные блики на крашенном блестящем полу, проникшие в дом из восточного окна. И слышит, как тарахтит рядом с ним тот самый «трактор» – маленький рыжий смешной котёнок, крепко спящий у его плеча.

«Так вот, значит, какой «тракторишка» вывел меня к людям», – благодарно думает человек, ласково глядя на спящего котёнка. «Живая душа!» – радуется он и гладит кота по шелковистой шерстке. А тот, в благодарность на ласку, ещё в сонной истоме, утыкается прохладным влажным розовым носиком в плечо

хозяину. И так они лежат рядышком ещё какое-то время, радуясь наступившему новому дню, солнцу, лету, теплу.

Вот, собственно, и всё, что должно было быть в этой новелле.

Впрочем, нет. Пожалуй, не всё. Должно было быть ещё прощание, вернее, расставание с котёнком.

За несколько дней до моего отъезда с дачи, чтобы не обременять меня ещё и «вывозом живности», за Карасиком приехал сын...

Хотя, 19 июля, когда я начал писать новеллу о котёнке, я об этом ещё не знал. Поскольку его Дима увёз 11 августа, в субботу, когда я по обыкновению топил баню, чудесным солнечным днём.

– Ты, отец, не заморачивайся, – сказал он, выпив рюмку коньяка и заев её долькой лимона. (Сам я перед баней не обедаю, предпочитаю париться натошак.) – Иди спокойно в баню, – продолжил он, с аппетитом хлебая борщ с тушенкой, – а мы с Рыжиком сами до парома как-нибудь добредём. Жаль только, что ты нагрузил меня снова неизвестно чем.

«Неизвестно чем» были: свежая малина в стеклянной банке, пересыпанная сахаром, сушёные грибы, замороженный свежий омуль, завернутый в несколько полиэтиленовых пакетов, чтобы остальные продукты не пропахли рыбой, цветная капуста, которой меня угостили соседи по даче и которую я готовить не умею, и сухой, ещё оставшийся у меня, кошачий корм.

– Ну, да ладно, – продолжил сын примирительно, чтобы не расстраивать меня, – до той стороны как-нибудь доберёмся. А там, ты говоришь, нас встретит на машине твоя знакомая и отвезёт до дома.

– Встретит, Дима. Я сегодня утром, ещё до твоего приезда, Наталье Афанасьевне звонил. И она договорилась со своей дочерью Олесей приехать за тобой. Они будут ждать на той стороне. Подъедут прямо к парому. Так что вас с Карасиком доставят прямо до подъезда.

Пообедав, Дима посадил Карасика в спортивную сумку, застегнув молнию с двух сторон так, что посередине высовывалась только голова котёнка с его недоумевающим и немного испуганным взглядом.

Взяв довольно объёмный полиэтиленовый пакет, которым я его снабдил, в одну руку, а сумку в другую, он, простившись со мной, пошёл по извилистой тропинке к калитке нашего весьма просторного участка. И всё это время я видел, как Карасик вытягивает шею и смотрит на меня, стоящего на крыльце дома, очевидно не понимая, почему расстаются эти два близких любимых им человека.

До конца я тоже этого не понимал, стараясь оправдать расставание необходимыми обстоятельствами жизни. Хотя всё моё существо кричало о том, что единственным необходимым обстоятельством нашей жизни должно быть неразлучение близких душ. Тем более что жизнь так коротка.

Я не выдержал и нагнал их.

– Дима, давай пакет. Я вас провожу.

– А баня? – спросил сын, передавая мне пакет

– Никуда она не денется. Попарюсь сегодня попозже.

Мы шли сначала по тропинке. Потом – по поросшей аптечной ромашкой, с её таким приятным деревенским запахом, забытым в городах, просёлочной дороге. Потом снова – по узкой и крутой тропе, спускаясь к Байкалу. Говорили о чём-то не существенном, о пустяках, не имеющих особого значения. Наверное,

так всегда поступают люди, стремящиеся казаться беспечными, чтобы не расстраивать перед разлукой. Однако я видел, что мои попытки быть беспечным плохо удавались мне. И только Карасишка, выглядывающий из сумки, покачивающейся между нашими ногами, успокоился и уже с нескрываемым интересом наблюдал за пролетающими мимо красивыми бабочками, крутя головой и вдыхая незнакомые ему запахи вольного ветра, когда мы спустились к Байкалу.

– Ну, ладно, до встречи, – свободной рукой приобнял меня сын у парома. – Да не грусти ты так, отец. Ты же через несколько дней приедешь. А мы тебя все будем ждать: я, Карасик, Света. Фотографии тебе из Таиланда покажем. Давай пакет, – протянул он руку и, взяв продукты, вошёл на паром.

Тот медленно и как-то неуклюже, словно с неохотой, стал отходить от причала, и лента тёмной воды, разъединяющая нас, становилась всё шире и шире.

Вернувшись на дачу и отдёрнув сначала кремовую тюлевую занавеску (от назойливых летних насекомых, в основном, мух), я по привычке осторожно отворил входную, открывающуюся внутрь, дверь, чтобы не ударить ею Карасика, который обычно встречал меня, стоя на коврике перед ней, с нетерпением дожидаясь моего прихода: из магазина, из бани ли. А встретив, начинал ластиться, просясь на руки...

За дверью, естественно, никого не было, а дом, несмотря на его небольшие размеры, показался мне вдруг таким большим, гулким и пустым, каким бывает ранним утром сонный безлюдный вокзал. Ни стульев, ни стола, ни кровати в нем как будто не было. И только белая печь прочно стояла посреди дома. Да на веранде, куда я вышел, был широкий рундук, потому что я помню, что вместо того чтобы идти в баню, подкинуть в печь дровец, улёгся на него и закрыл глаза, мысленно стараясь продолжить строчку, пришедшую мне на ум на обратной дороге: «Чем измерить меру одиночества?..»

«Да, одиночество хорошо только тогда, когда есть с кем им поделиться», – невесело подумал я. И ещё отчего-то вспоминая роман Михаила Булгакова «Жизнь господина де Мольера», прочитанный недавно, я припомнил две строки, сочиненные в связи с этим романом. И которые, наверное, как и предыдущая строка, пришедшая мне на ум на обратной дороге, не станут никогда законченным стихотворением. А так и останутся осколком бытия, просвистевшим мимо. Хотя и успевшим ранить сердце, по касательной.

«Воскреснуть, чтобы снова умереть? Как это, сударь, скучно, право...»

Почему после прочтения романа написались именно эти строки, я ответить не смогу. Что-то вызвало к жизни именно их. А что именно, я не знаю.

Что же касается задуманной новеллы, во всей её простоте, лёгкости, ясности и даже некоторой незаконченности, как мне виделось в мечтах, то она, отчего-то, никак не давалась мне. Всякий раз, перерастая в рассказ, с неизвестным для меня сюжетом. И я, на следующий день перечитав написанное накануне, начинал всё сначала. И так было не один раз. Однако снова вместо маленькой новеллы получался объёмный рассказ. Обрастающий подробностями, иногда, как выяснялось позже, совсем ненужными. И тут же появлялись новые, как мне казалось теперь, важные вставки, поспешно записываемые на отдельных листах, уже с иными сюжетными линиями. И вновь я заходил в какой-то творческий тупик, увязая, как в топком болоте, в обилии материала, и сознавая своё бессилие от невозможности справиться с ним. От невозможности кратко, чётко и ясно выразить словами свои мысли. «Точность и крат-

кость – вот первые достоинства прозы...» – вспоминал я Пушкина, приходя в отчаяние. Меня охватывала паника. И я уже не мог ответить себе на главный для любого пишущего человека вопрос: «Для чего я это, собственно говоря, пишу? И нужно ли будет хоть кому-то написанное мною?» Впрочем, в глубине души я понимал, что любой творческий процесс, в том числе и литературный, не нуждается в оправдании, поскольку не отвечает на вопрос: «Зачем это надо писать?» Он отвечает, как я уже упомянул, на вопрос: «Для чего?» Но вот на него-то я и не находил чёткого ответа.

Я прекращал работу. И на следующий день начинал всё сначала, с чистого листа, успокаивая себя фразой знаменитого голландского конькобежца Кейса Феркерка: «Падая и вставая, ты растёшь».

В конце концов я пришёл к мысли, что не стоит бороться с тем, что неотвязно просится на бумагу. Что по сюжету это может быть не обязательно новелла или рассказ. Это может быть повествование из нечётко разграниченных между собою новелл, касающихся темы: «Живая душа». А может быть, и не касающейся данной темы напрямую, поскольку в творческом процессе многое не предсказуемо. Более не предсказуемо, чем даже в жизни. А ведь на самом деле всё необычайно просто. Все мы, каждый человек, страдаем и мучаемся до тех пор, пока не встретим созвучную нам живую душу. Но это, увы, такая редкость. Но зато и такая редкостная удача, если кому-то посчастливится обрести это созвучье близких душ.

Вот об этом я и постараюсь написать, решил я.

И ещё я подумал о том, что любые наши воспоминания – лишь эхо минувших событий. Некий их отзвук. Поиски утраченного времени, как об этом сказал Марсель Пруст.

Я, например, очень хорошо помню многие свои ощущения, порою и весьма отдалённые от нынешнего дня. Но всегда затрудняюсь, а чаще всего и не могу, вспомнить год, когда то или иное событие произошло. Для меня будто существует только близкое «Вчера» и «Сегодня». Причём «вчера» может отстоять от «теперь» на много-много лет. И я порою с искренним изумлением думаю: «А где теперь тот любознательный, мечтательный, задиристый, желающий, чтобы всё всегда было по справедливости, мальчик, которым я был. Где он?» Ведь не ответишь же на этот вопрос словами Горького из его романа «Жизнь Клима Самгина»: «А был ли мальчик?» Это было бы слишком просто. И это не было бы правдой, потому что я-то точно знаю, что мальчик был. Я даже иногда, хотя и очень редко теперь, ощущаю его в себе.

Может быть, именно из-за всего этого, из-за этих неотступных мыслей, мне и захотелось облечь в слова то, что я чувствую и знаю. Тем более что литературные герои зачастую гораздо живее и реальнее наших современников. Ведь даже живущих с нами на одной лестничной клетке людей мы можем порою не знать, ничуть не страдая от этого. А вот князя Андрея, Наташу Ростову из «Войны и мира» Толстого, Дон-Кихота Сервантеса, Ромео и Джульетту Шекспира – знает почти каждый, даже тот, кто этих книг не читал. Но герои их сами стали реальностью жизни, причём, более реальной, чем происходящая вокруг нас жизнь. Ибо литература – это одновременно и лекарство от смерти и напоминание о ней. Помните, как хорошо об этом сказано у Милорада Павича, в его чудесной вещи: «Вечность и ещё один день»: «Любая смерть есть, в сущности, слово. Все наши смерти, вместе взятые, составляют великое неразгаданное послание...»

И раз есть литература, есть люди, которые, несмотря ни на что, пишут новые, небывалые (в смысле не бывшие прежде) произведения – следовательно, человек бессмертен, как и его живая душа.

Вот и я попробую написать рассказ о своих мыслях и ощущениях. Причём, создавая его, мне хочется сделать это с дневниковой точностью. Как это удалось Хемингуэю в его прекрасной книге «Зелёные холмы Африки». Где нет художественного вымысла, а есть только повседневная жизнь, повседневные разговоры...

Сам Хемингуэй написал об этой повести так: «Автор стремился создать абсолютно правдивую книгу, чтобы выяснить, может ли такое правдивое изображение событий одного месяца, а также страны, в которой они происходили, соперничать с творческим вымыслом».

Вот и я решил попробовать сделать нечто подобное. Пусть это будет повествование в новеллах, рассказ или маленькая повесть. Жанр здесь не важен. Важно чтобы всё, о чём я напишу, было точно. С датами, деталями дня, происходящими событиями, какими-то сиюминутными вещами. Как тот, уже включённый в канву повествования, телефонный разговор с Григорием Вихровым.

Зачем я собираюсь это сделать? Я не знаю. О чём будет рассказ? Теперь уже не ведаю. Надеюсь, что пока не ведаю, имея в голове лишь некий абрис будущей вещи. И, конечно же, наивное желание самовыражения, которое сопутствует любому творческому процессу. Будь то писание романов или приготовление борща...

И вновь звонок. На сей раз из Ангарска.

Мой друг, хороший композитор и музыкант Евгений Николаевич Якушенко, для меня просто Женя, радостно кричит в трубку:

– Старик, я стал прадедом!

Выясняется, что у дочери его сына Артёма, прекрасного скрипача, с мировым именем, из дуэта «Белый Острог», дочь Наталья, которую я знал ещё совсем маленькой девочкой (тогда Артём со своей первой женой жил ещё в Ангарске, а не в Москве), в четыре часа утра родила мальчика, которого заранее было решено назвать Павлом.

– Представляешь, богатырь, – продолжал орать Евгений, из-за чего мне приходилось трубку мобильного телефона слегка отодвигать от уха. – Вес – три девятьсот! Рост – пятьдесят семь сантиметров! Мы с Наташкой (жена Жени) пьём за его здоровье! Я – водку «Омулёвку», она – вино. Жаль, что тебя нет, – немного сбавил Женя звук.

– Не рановато начали? – пошутил я, поздравив их с правнуком.

– После двенадцати можно! – бодро ответил Женя. И добавил. – Мы к тебе прикатим денька на два с Наташкой.

Я взглянул на часы, было 12.45.

– Только предупредите о приезде заранее, – начал я, но связь оборвалась. У нас здесь, среди гор, такое частенько бывает.

... Что ж, и мне пора на сегодня закругляться. Тем более что, Слава Богу, с третьего захода рассказ, кажется, пошёл.

Продолжу завтра.

20 июля 2012 года. Пятница, Порт Байкал. 10.10.

Ночью я спал крепко. И мне снилось что-то очень хорошее. Может быть, оттого, что не прекращающиеся с понедельника, по сообщениям синоптиков «кратковременные дожди», наконец-то прекратились. И, гуляя по своему саду сновидений, я даже во сне, пытался сохранить что-то заветное в своей памяти. Как хорошо о сне сказано у Владимира Набокова и словно о наших местах:

Когда с небес на этот берег дикий
роняет ночь свой траурный платок,
полушутя, даёт мне Сон безликий
небытия таинственный урок.

Проснулся я, да и то с трудом, в половине восьмого, от настойчивого мяуканья Карасика.

Он сидел на шкуре белого оленя, лежащей у кровати вместо коврика, и истошно орал, широко разевавая свой розовый ротик.

Его «биологические часы» сработали точно. Он уже привык, за время совместного нашего проживания, что я встаю в это время и первым делом кормлю его.

– Казимирыч, ну чего ты орёшь? – опутив правую руку, я погладил его. И он довольно зауркал. – Сейчас встану, покормлю тебя.

В холодильнике на веранде, куда я протопал босиком, уже со вчерашнего вечера, вынутые из морозильной камеры, на нижней полочке лежали в прозрачном полиэтиленовом пакете две довольно большие мойвы.

Купленную в магазине рыбу я раскладываю порционно в прозрачные пакеты. Если рыбки небольшие – по три, а если довольно крупные – по две. И храню всё это в общем пакете в морозилке.

На пластмассовой разделочной доске для рыбы я разрезал на небольшие кусочки мойву и положил в чашку Карасика, ходящего вокруг меня кругами от дразнящего его аппетит запаха рыбы. И нужно было видеть, с каким удовольствием он начал поглощать кусочки жирной мойвы.

А я, всё в том же наряде, то есть, в одних трусах, выйдя из помещения, проследовал по нахоженной росистой тропинке в «домик уединения», скрытый небольшой молодой берёзовой рощицей, с несколькими могучими соснами, растущими среди них.

С внутренней стороны двери, очень чистого у нас туалета, была приделана небольшая картонная табличка с надписью: «Красный уголок».

Вернувшись через некоторое время к дому, я умылся возле уличного умывальника, ощущая не только бодрость от прохладной воды, но и приятную мягкость росистой травы под ногами.

Приезжая на дачу, я каждое утро прохаживаюсь босиком по этому маршруту: до «домика уединения», потом к умывальнику, с его приятно звенящим не то носиком, не то хоботком, и только потом вхожу в дом.

Порою, ближе к Покрову, если я ещё на даче, шагаю, а вернее бегу босиком, иногда уже по выпавшему ночью снегу.

Сегодня на обратном пути, немного побродив по участку, нашёл в березнячке один гриб. Обычно же я по утрам срезаю, для сушки на зиму, три-четыре гриба. Но зато сегодня мне попался ядрёный белый гриб!

Возвратившись в дом, я выпил натошак два стакана воды. Помолился у иконок Богородицы и Христа, висящих в восточном углу дома. Приготовил ов-

сянку, поскольку сегодня пятница – день постный. В готовую кашу намыл горстку изюма. Заварил крепкий чай. Отрезал в кружку с чаем дольку лимона...

Позавтракав, вымыл в тазике посуду горячей водой, оставшейся в чайнике. Разрезал на небольшие кусочки на разделочной деревянной доске белый гриб, положил его в картонную коробку, которую поставил на печку. Сделав все утренние дела, сел на веранде за чистый стол поработать, время от времени наблюдая в своём «шестиканальном телевизоре» (настоящего телевизора у нас в городской квартире нет уже больше года, а здесь на даче этой напасти никогда не было) – окне веранды, разделённом пятью вертикальными перегородками на шесть частей, что делается в округе.

На «первом канале» – мой ближайший сосед по имени Женя Серебрянников, а точнее – его дом и видимая часть участка. По возрасту Женя уже давно, конечно же, заслужил право быть Евгением Яковлевичем. Но я его, поскольку мы почти ровесники, по-прежнему зову Женей и даже Женькой. Местные жители прозывают – Канада, с ударением на последнем слоге. И у него мы, кстати, в прошлое воскресенье, в макушку лета, 15 июля, с некоторым опозданием, правда, отпраздновали 110-летие Сергея Яковлевича Лемешева. И сорокалетие одной известной у нас на горе дамы, ныне просто моей приятельницы, с которой прежде, ещё в прошлом году, мы были очень близки. Но об этом я расскажу чуть позже, поскольку это интересно с точки зрения почти утраченных иллюзий. И это будет ещё одна неявная новелла сего лоскутного повествования. Тем более что о ней я уже написал в предыдущих, отвергнутых мною потом, вариантах рассказа. А в них есть, на мой взгляд, очень хорошие куски. И мне не хотелось бы, чтобы они пропали вовсе.

Итак, мой ближайший сосед по имени вышел пострелять из охотничьего лука.

Стреляет он метров с шестидесяти в щит, собранный из белых кусков пенопласта, в центре которого закреплена чёрная граммофонная пластинка, контрастирующая по цвету с белым цветом щита. Размер самого щита где-то полтора на полтора метра и толщиной сантиметров в десять, наверное.

Задача стрелка – попасть не просто в щит, и даже не просто в пластинку, а в синий или красный кружочек бумаги (несколько сантиметров в диаметре) с круглой дырочкой посередине, приклеенной в центре пластинки. И обычно Жене это удаётся.

Даже через стекло я слышу, как упруго щёлкает тетива, и как, с характерным хищным и злым звуком, вонзаются в щит стрелы.

Выхожу на крыльцо. Одеваю стоящие там сабо с деревянной колодкой, купленные мною на исходе прошлого века в чудесном городе Таллинне, и иду к соседу. Устроив таким образом себе небольшой перерыв.

– Ну, как успехи? – спрашиваю у соседа, подойдя к нему сзади.

– Гляди, – не оборачиваясь, отвечает он, узнав меня по голосу и закрепляя на тетиве очередную стрелу.

Целится, натягивает тетиву, отпускает на волю стрелу и... остатки пластинки «Хороши у нас в саду цветочки, ещё лучше девушки весной!» как-то весело, с каким-то сухим звуком, разлетаются в разные стороны.

– Силён! – восхищаюсь я и произношу, вытягивая из себя, сочинённый тут же каламбур. – Он, как Диана, метит в цель. Стрела летит в забора щель.

Дело в том, что щит стоит у деревянного забора, за которым – дорога, пре-

вратившаяся со временем, от ручья текущего по ней и под ней, в небольшой неглубокий каньон.

– Неправда ваша, батенька, – улыбается, оборачиваясь, Женька, мой однокурсник по охотоведческому факультету, который мы вместе окончили, страшно даже подумать, ровно сорок лет назад.

«Значит, знакомы мы с Женькой уже сорок пять лет! Почти полвека, – подчитываю я мысленно. – Так и не став, однако, за всё это время друзьями. В лучшем случае, мы просто приятели...»

Возвращаюсь домой.

Но прежде чем продолжить работу, вернее, снова включиться в то состояние, которое этому сопутствует, рассеяно перебираю взглядом и «другие каналы» своего дачного «телевидения».

На втором – аккуратный небольшой белый домик (отделанный модным ныне сайдингом) с красной «черепичной» крышей (металлочерепица). Принадлежит он бывшему байкальскому капитану Юрию Владимировичу Косякову. Все окна в нём сейчас закрыты жалюзи.

Дом этот за один сезон построил (точнее, нанял бригаду строителей, которая сделала это столь быстро) зять капитана из Питера, бывающий здесь крайне редко. И капитан с женой используют теперь участок при доме как огород. Внизу у них у Байкала в двухэтажном деревянном бараке есть квартира, но нет земельного участка.

На «третьем канале» виден очень красивый со множеством пристроев и «неровностью вычурной крыш», как поётся в песне Олега Митяева, недостроенный ещё дом академика Гудкова. Крыша из металлочерепицы на основном доме выдержана в цветах российского флага – бело-красно-синяя. В три широких полосы. Пока на стройке тишина.

Зато на «четвёртом канале», у соседей через «каньон», по-прежнему впрочем, называемый улицей Горной, Николаевых, сегодня оживление. Подъехала одна машина, вторая. По-видимому, у сыновей Галины Алексеевны, живущей на даче с мая по октябрь, Алексея и Николая, отпуск или выходные. На их участке теперь три дома: Галины Алексеевны, Лёши, Коли. Дома стоят почти в одну линию, но на разной высоте, поэтому видны отчётливо почти все.

Самый нижний дом – Галины Алексеевны, называется «Дом под кедром».

Из-за этого высокого красивого дерева они с Валерием Ивановичем, мужем Галины Алексеевны, в своё время и купили этот дом у местного деда-вдовца, собиравшегося уезжать куда-то к детям.

Потом на их большом участке, поднимающемся в гору, почти на самой её пологой макушке, построился младший их сын Коля. Было это в конце прошлого века.

А потом, переехав из Братска в Иркутск, между ними воздвиг свой дом и старший сын Лёша.

В отличие от материнского, обычного деревенского дома, у обоих сыновей дома большие, двухэтажные, красивые.

А жена Коли Катя, дочь Евгении Ивановны Молчановой-Сибирской (отец Евгений был в тридцатые-сороковые-пятидесятые годы прошлого века известным в СССР поэтом, встречался с Горьким) от первого брака (нынче Евгения замужем за поэтом Скифом), прекрасно, как профессиональный гонщик, водит машину по нашей разухабистой и каменистой улице Горной.

А сестра Евгении Ивановны – Светлана Ивановна, к слову сказать, была женой Валентина Григорьевича Распутина. Фактически живого классика литературы наших дней. И дача, где теперь живут Скифы – Володя с Женей, их дочери и дети их дочерей, была когда-то дачей Распутиных. На ней в своё время Валентин Григорьевич и создал так много прекрасных рассказов, переведённых потом почти на все языки мира. Такие, например, как «Наташа», «Что передать вороне?» и другие...

«Что передать вороне?», по-моему, особенно хорош. Есть в нём какая-то необъяснимая пронзительность, проникающая в тебя и трогающая до глубины души. Печально только, что ни Светланы Ивановны, ни их дочери Марии, маленькой (по возрасту) героини рассказа, уже нет на этом свете.

Светлану Ивановну отпели в Богоявленском соборе Иркутска в начале нынешнего лета. А Марию, прекрасную органистку, сгоревшую в разбившемся в иркутском аэропорту самолёте, несколько лет назад отпевал сам владыка Вадим, в Знаменском соборе, невдалеке от которого теперь стоит памятник Александру Васильевичу Колчаку работы известного скульптора Клыкова. Памятник поставлен у собора потому, что после расстрела большевиками адмирала его сбросили в прорубь – иордань, прорубленную во льду Ангары к Крещению Господнему. Из этой проруби монахини Знаменского монастыря (прежде это был женский монастырь) брали воду. И произошло это 7 февраля 1920 года...

На «пятом канале», уже снова с нашей стороны дороги, как-то очень грустно, насупившись, с закрытыми ставнями окнами стоит дом Светланы Ивановны, художника-керамиста и вдовы известного в нашей стране художника Вычугжанина. Его уже давно нет в живых. Ёё похоронили месяц назад. А сын Светланы Ивановны, оказавшийся в Израиле, что-то не очень спешит возвращаться в родные места. Туда, где он бегал ещё босоногим мальчишкой, проводя на даче лето.

Итак, обзрев почти на сто восемьдесят градусов окрестности, снова берусь за работу. И вдруг слышу, как сама собой, с противным протяжным скрипом, неспешно начинает отворяться дверь хозяйственного шкафа, в котором у нас хранится посуда, кое-какие продукты и которую, я точно помню, плотно прикрыл, когда вернулся с Женькиного участка. Такое ощущение, будто дверь кто-то не очень сильный настырно толкает изнутри. «Может быть, гномик?» Через минуту выясняется, что это совсем не гномик. Из шкафа, толкая дверцу головой, выбирается наш кот Карасик.

Выбравшись на волю, он какое-то время смотрит на меня недоумённо, словно спрашивая: «А что это ты тут делаешь?» А затем, сладко потянувшись, прогнув спину, начинает точить когти, попеременно, то одной то другой лапкой, вонзая их в ворс паласа, почти полностью закрывающего пол веранды.

Судя по всему, он спал в шкафу. Причём он сам научился приоткрывать дверцу. Зацепит её снизу коготком и тянет на себя, пока не образуется щель. Открывая же дверцу изнутри, он толкает её от себя. Умный котик. А спит он обычно в шкафу на нижней полке, на пустых полиэтиленовых пакетах, сложенных в картонной коробке, рядом с небольшим пластмассовым лотком для картошки. Этакая получается там у него безопасная колыбелька.

Вообще у него на веранде три излюбленных места отдыха. Уже упомянутый шкаф. Верхняя ступенька лестницы, ведущей на второй этаж. Обычно он

забирается туда, когда я ухожу из дома, и спит, как в норке, под закрытым люком. И – рундук. На мягкой подстилке рундука он любит подрёмывать днём, когда вся веранда залита солнцем.

Поточив когти, Каземирыч подходит ко мне и тихо, почти беззвучно мякнув, падает «замертво» на спину, рядом с моей табуреткой. Кверху брюшком, с белой мягкой шерсткой на нем. Это означает, что я должен его погладить. И я, прекратив все свои занятия, наклонившись, конечно же, глажу его. И спинку, и брюшко. А он довольно урчит и жмурится.

Глядя на его валяжную позу, решаю, что и мне, пожалуй, пора отдохнуть. Тем более что времени почти двенадцать. А я обычно работаю с 10 до 12. Больше двух часов уже тяжело. Да и нельзя творческий колодец души вычерпывать до дна. К тому же и дел у меня сегодня на после обеда немало. А до обеда надо ещё сходить в магазин – купить кой-каких продуктов да пивка. Ведь завтра у меня, как обычно по субботам, баня! Да и гости должны приехать.

После обеда, с двух до пяти я занимаюсь, по обыкновению, хозяйственными делами.

Вчера, например, проредил на участке очень уж загустевшую берёзовую поросль. Причём угадал как раз вовремя. Через неделю после Петрова поста, когда лист на берёзе самый крепкий. Сегодня буду из того, что нарубил вчера, вязать берёзовые веники для бани. Ещё вчера успел вырубить кусты черёмухи, листву на которых сожрала нынче горностаевая моль, неведомо откуда награвнувшая в наши края.

Одним словом, дел на даче всегда хватает.

И это хорошо. А ещё хорошо то, что нет у меня тут никаких грядок. Вот и получается, что обычно я два часа в день пишу и три часа работаю физически. После чего моюсь в бане, нагретой в ведре большим кипятильником водой. Готовлю ужин себе и Карасишке. Ужинаю.

Вчера у меня, например, была яичница из двух яиц и двух сосисок, салат из помидоров с луком, чёрный хлеб и стакан красного сухого вина. А Карасю я отварил несколько кусочков минтая с морковкой.

После ужина, вымыв посуду, почистив зубы, иду в дом помолиться.

Молюсь о дорогих своих усопших, список которых всё удлиняется, увы, а список «за здоровье» становится короче. Когда молюсь о родных и близких, думаю, что, может быть, и о моей душе потом, когда придёт срок, найдётся молитвенник...

После вечерних молитв, обычно уже часов в восемь, расстилаю постель, ложусь и часа два читаю. И это время, когда дневные дела сделаны и можно отдохнуть за интересной книгой, я очень люблю. И обычно, когда ложусь в постель, ко мне тут же запрыгивает Карасик и, устроившись сбоку, начинает тарыхтеть, как маленький тракторишка. При этом рожица у него от удовольствия становится такая умильная!

Вот такой у меня обычный дачный распорядок дня.

Сейчас я читаю Булгакова – «Театральный роман». «Белую гвардию» уже прочёл...

Ну ладно, заканчиваю. Завтра, а вернее, в понедельник, потому что в субботу и в воскресенье я не работаю, коплю впечатления, продолжу.

Поговорим о неутраченных иллюзиях и дожде.

И вот на иллюзиях мне хочется остановиться чуть подробнее. Потому что о них можно сказать и: «Увы, я ещё не утратил свои иллюзии», – а можно сказать: «Хорошо, что я их ещё не утратил». Ибо, с одной стороны, иллюзии – это тяжкое бремя. И это так. Безусловно, так. Но только с одной стороны... Другая же сторона заключается в том, что иллюзии не являются тяжким бременем. А наоборот, бывают тем лекарством, тем чудесным снадобьем для многих ныне и не ныне живущих, живших. Отнимете у человека его мечты, его фантазии и грёзы – вы его не узнаете... Он сразу же постареет на много лет, поскольку вы убьёте в нём самое лучшее – его надежды.

О дожде же мне хочется поговорить, во-первых, потому что я люблю дождь. И во-вторых, потому что о нём, о непогоде, об этих серых призрачных днях так хорошо написал в своей повести «Что может быть лучше плохой погоды?» болгарский писатель Богомил Райнов.

Всё, заканчиваю. Никак не могу остановиться. А написал я сегодня немало для себя. Целых пять рукописных страниц! Обычная же моя норма: полторы-две страницы.

Итак, до понедельника, дорогой мой гипотетический читатель. Тем более что уже первый час дня. Засиделся я сегодня за столом. Может быть, оттого, что писалось, хоть и не очень легко, но всё же без особой натуги, без натяга.

Карасишка перебрался с паласа на табуретку на противоположный от меня конец стола. Сел там, положив передние лапки, как примерный ученик кладёт руки на парту, на узенький подоконник окна и с интересом наблюдает за бабочками и птицами, за которыми в течение почти недельного дождя он наблюдать не мог. Потому что их попросту не было. Видно, и им затяжное ненастье не нравится и они где-то прячутся от него.

23 июля 2012 года. Понедельник. Порт Байкал. 11.40.

Сел сегодня за стол в 10.10. И вот до сего времени вычитывал, делал вставки в уже написанное ранее, что-то выправлял.

На выходные собирался приехать Дима со Светой и с друзьями, но, по-видимому, их испугал начавшийся в субботу с ночи дождь. А приятели сына и его жены хотели разместиться не в гостевых комнатах, а в палатке.

Одно лето у нас так гостила Димина знакомая по Интернету. Очень славная девушка, приходившая по утрам ко мне на веранду, пока Дмитрий ещё спал на втором этаже, за кипятком.

Когда я предлагал ей жить в доме, она, виновато улыбаясь, словно боясь обидеть меня отказом, говорила:

– Вы знаете, я всю зиму мечтала на Байкале в палатке пожить. А зима у нас в Архангельске, ох, какая долгая... – слова она произносила протяжно, чуть нараспев.

Впрочем, тогда в палатке жить было одно удовольствие. То лето не было таким дождливым, как нынешнее. И ночи в августе, когда она приезжала, были тёплыми.

Я, кстати, что-то не припомню в этих местах таких затяжных дождей. Не исключено, что нынешнее лето местные жители назовут потом как «Дождливое лето 2012 года». А в такое лето сено заготовить на зиму, ещё оставшейся кое у кого скотинки, совсем не просто. И в этом для местных основная беда – дожди.

Кстати, а впрочем, совсем некстати, сегодня ночью, как и все выходные (с небольшими перерывами) лил дождь.

Прозрачная дождевая вода заполнила все низины на участке. По тропинкам текут ручьи. А в дорожных колеях, за забором, весело журчат настоящие речушки, устремляющиеся с нашей горы вниз, к Байкалу.

И мне в шуме дождя, когда я работал на веранде, всё чудились чьи-то отдалённые голоса или близкие шаги...

Шаги, впрочем, сегодня действительно были. Меня, несмотря на дождь, навестил поэт Владимир Скиф, поднявшись на нашу гору за грибами. И мы с ним немного посидели на раскладных стульях под навесом над крыльцом. И даже поговорили о чём-то незначительном, сиюминутном. Или, как он сказал, перед тем как уйти: «Помолчали на брудершафт, ну и ладно».

Конечно, мне хотелось бы, чтобы это были шаги той, ещё неизвестной здесь, дамы, которая, как и Володя, не испугавшись дождя, приехала ко мне на дачу в минувшую субботу. Не предупредив заранее, наудачу. Надеюсь на то, что в дождь никто не приедет, и я буду на даче один. Такая вот нечаянная радость, которую не чаяли мы встретить. И мы с ней провели здесь действительно, несмотря на дождь, два чудесных дня. Тоже посиживая иногда вот тут же под навесом на крыльце в раскладных креслах. Потеплее одевшись, мы любовались, обычно после ужина, чудесным видом на Байкал, на закат. Разговаривали, молчали. Слушали, как дождь неистово стучит по железу крыши над нами, а то вдруг стихает и как будто что-то шепчет нам двоим о своих сокровенных тайнах. И под это его славный шепоток, о чём-то ведомом только ему, но о чём дождю так хочется сказать, мне даже, хоть и не сразу, припомнилось стихотворение японского поэта Сётэцу, родившегося через год после Куликовской битвы (почему-то именно такая аналогия пришла мне на ум, когда я вспоминал его стихотворение и год его рождения), в 1381 году:

Целую ночь напролёт
Он голоса приносит.
Здесь ушло в облака
Столько людских поколений!
Дождь над старой деревней.

Я не стал читать это грустное стихотворение сидящей рядом даме, произнеся его мысленно. А когда она спросила: «О чём ты задумался? Что-то тебя печалит?» — я, повернувшись к ней, улыбнулся и, как мне показалось, непринуждённо ответил:

— Так, ни о чём. Пустяки. Не обращай внимания. Просто грустно, что тебе завтра уезжать.

— Я ещё приеду... — пообещала она, погладив мою руку, лежащую на подлокотнике кресла.

И в этом обещании была как раз иллюзия, надежда на новую встречу. И грусть от скорого расставания.

В воскресенье я проводил её на четырёхчасовой паром и совершенно мокрый, потому что на обратном пути уже, казалось, утомившийся и уставший от самого себя дождь припустил с новой силой, вернулся на дачу. И здесь в пустом и тихом доме, стоя у порога и наблюдая, как вокруг меня от стекающей с одежды воды образуется лужа, мне сделалось вдруг так грустно и одиноко. И если б не Карасик, эта живая душа, подошедший ко мне и так смешно, с

негодованием фыркнувший на лужицу возле моих ног, то было б и совсем тоскливо.

Переодевшись в сухое, потерев пол, я стал готовить ужин.

Вернее, мне надо было только разогреть еду, уже приготовленную с запахом на несколько дней (в том числе и борщом на обеды) уехавшей сегодня дамой. И разогревая в небольшой сковородке бефстроганов с гречкой (большую сковороду с этим блюдом, отделив от него достаточную для ужина порцию, я поставил в холодильник), я всё думал об этой даме, о наших с ней отношениях, о том выйдет ли что-то из всего этого... Или, может быть, всё закончится, как в прошлом году, с той, другой известной дамой?

Пока еда разогревалась на плитке, я сделал ещё салат и налил в жёлтый керамический стакан красного вина. Вчера после бани мы пили вино именно из этих стаканов.

Карасишке сварил кусочки мяса с морковкой – он это блюдо любит, по моему, даже больше минтая.

Вымыв после трапезы посуду, решил позвонить уехавшей даме. Узнать, как она добралась до дома. И добралась ли уже? Хотя по времени должна бы.

Только я подумал об этом, раздался звонок. Звонила она. Её имя и номер телефона высветились у меня на крохотном экранчике мобильного телефона.

Однако не успели мы сказать друг другу и нескольких фраз, как связь обрывалась.

Я собрался уж было, соответственно погоде экипировавшись, отправиться звонить на «Фонарь» – это такая горушка над Байкалом, на которой связь всегда устойчива, но снова раздался сигнал телефона. Пришла эсэмэска:

«Володенька, связь пропала. Сообщаю: добралась удачно (она уехала на пароме в 15.50, а эсэмэска пришла в 18.30), без происшествий. Чем дальше уезжала от тебя, тем более грустно мне становилось. Целую. Твоя Н.»

Дождь, наконец-то, перестал. Курятся близкие горы. Из-за плавных полукруглых вершин берёз и осин по их склонам они кажутся все в плавных зелёных кудрях...

24 июля 2012 года. Вторник. Порт Байкал. 10.25.

Вычитал написанное вчера. Отнёс Евгению, в подарок, срезанный утром гриб. И вот (*закончилась паста в ручке, которой начал писать этот рассказ 16 июля, взял другую*), приступаю к новым шагам по невидимой лестнице, неведомо куда ведущей – вверх или вниз. Хотелось бы, чтоб вверх.

Помнится, я обещал рассказать об ещё одной даме. В рассказе их две – известная и неизвестная дама. Однако так и не сделал этого вчера. Не успел.

Надеюсь, что мне это нетрудно будет сделать сегодня, поскольку о ней (известной даме) уже было написано в предыдущих вариантах рассказа. И я просто кое-что оттуда включу в канву уже нового рассказа. Итак, фрагменты из предыдущих вариантов рассказа:

«16 июля 2012 года, понедельник. Порт Байкал. 10 часов утра.

По железной крыше веранды, где я пишу (вернее, пытаюсь начать работать над новым рассказом), сидя за круглым столом у широкого окна слева от меня (и которое Наташа из года в год всё собиралась проолифить, а затем покрыть лаком; теперь это намереваюсь, правда, с тем же успехом, сделать я). То

устало (ибо, с небольшими перерывами, уже третьи сутки), то вдруг озорно и весело, то напористо, как сегодня ночью, не переставая тарабанит дождь.

На веранде чисто, тепло уютно.

Я затопил в доме печь, открыв настежь дверь, чтобы оттуда сюда шло тепло.

Мне слышно как ровно поёт огонь, как потрескивают поленья (жаль, что у меня нет камина, хорошо было бы ещё и видеть этот чарующий танец огня), как протяжно гудит в трубе. Тяга у меня в печи хорошая. Спасибо местному мастеру Саше Деркачу, что он так удачно сложил печь. Я помню, как это было, уже в конце октября. Пасмурно, холодно, сыро. Я был подручным: просеивал и замешивал глину, подавал Саше кирпичи. А он вёл кладку. Причём делал это всё одной рукой. Вторую он поранил дня за три до того бензопилой. К счастью, не очень сильно. Может быть, оттого что работать мастеру пришлось одной рукой, и труба у печи получилась малость кривоватая. Хотя тяги это не испортило.

Гудение в трубе и треск поленьев немного настораживают и даже пугают Карасика. Для него это новые звуки. И он, чуть ли не ползком, пробирается с веранды в открытую дверь дома. Время от времени принюхиваясь и прислушиваясь к чему-то, прекращая движение.

Однако любопытство в конце концов берёт верх и, подобравшись к печной духовке с открытой дверцей, он, примерно на расстоянии полуметра от неё, привстаёт на задних лапках и вбирает в себя, втягивая носом, тёплый воздух, исходящий из тёмного её чрева. А потом, успокоившись, и вовсе ложится на мягкую подстилку раскладного кресла, стоящего напротив неё, и блаженно засыпает в токах тёплого воздуха, исходящего от печи и открытой духовки.

На горе, где стоит моя дача, ни души.

Кругом только мокрая, прибитая дождём зелень травы и притихшая зелень листвы деревьев, не колышима даже лёгким ветерком.

Из трубы у моего ближайшего соседа по даче Женьки Серебрянникова вяловато поднимается в серое небо белый игривый дымок.

Труба с этой стороны его дома каминная. Значит, он растопил камин. И, возможно, лежит или сидит перед ним на большой, упругой и мягкой одно-временно шкуре бурого медведя, которого добыл на Камчатке, глядя на огонь и слушая свой любимый джаз. А может быть, в тиши читая книгу...

Да, именно эта мысль – о читающем человеке, читателе вообще, пусть даже гипотетическом. О том, что кто-то, возможно, и неведомый тебе, прочтёт впоследствии эти строки, которые, если, конечно, мне хорошо удастся это сделать, переживут и меня, и нашего рыжего кота Карасика, который, съев утром две своих положенных мойвы, сейчас так сладко спит, перебравшись уже на мягкую подстилку рундука. Видимо, у печи ему стало жарко.

Рундук этот – для обуви, дров и прочих некаждодневных вещей – я сделал лет пять назад по просьбе жены, у задней, скошенной, как крыша мансарды, стенки веранды, за лестницей, ведущей на второй этаж, где у нас две гостевые комнаты.

Правда, когда народу бывает много, рундук служит ещё одним дополнительным спальным местом. Но об этом чуть позже. Это будет ещё одна скрытая новелла: «О рундуке и его обитателях»...

А вчера у нас тут на горе, в отличие от сегодня, было весьма многолюдно и, пожалуй, даже весело...

Написал это и отчего-то вдруг вспомнилась Димины фраза: «Мне никогда не бывает скучно. Разве что в большой компании...»

В субботу мы собрались все трое более-менее постоянных обитателей этой части горы. Женя Серебрянников, отчаянный путешественник, объездивший весь мир, поработавший в своё время и на Камчатке, и на Командорских островах, обошедший на яхте почти все моря и океаны, с недавнего времени предпочитающий проводить зиму на Филиппинах и так объясняющий это своё предпочтение: «Надоели долгие холода. И особенно жуткие здесь – декабрь и январь». На лето же он снова возвращается сюда – на Байкал. «Тянет, как магнит железо», – говорит. Женя давнишний разведенец и давно уже убеждённый холостяк. Я – вот уже более трёх лет вдовец. И – Александр Станиславович Маджаров, также близкий наш сосед. Профессор классического университета, а не какого-нибудь там ПТУ (профессионально-технического училища), ставившегося в одночасье, в 90-е годы прошлого века, то «университетом», то даже «академией» какой-нибудь. Много сейчас таких развелось. Правда, образование там по-прежнему, как в ПТУ, а диплом университетский. А институты и вообще ныне почти не осталось. Все метят выше...

25 июля 2012 года. Среда. Порт Байкал. 9.55.

Сел сегодня за стол в 9.35. По-обыкновению вычитал написанное накануне. И понял, что я снова ничего не написал об известной даме. Ну да напишу ещё. Не доходят у меня до неё руки.

Дождя, слава богу, нет. Хотя, как это ни странно, я, по-видимому, человек дождя. Люблю его. Конечно, если он не двухнедельный. Прав был Парацельс, утверждая, что всё – яд, всё – лекарство, и мера всему цена. В том числе и мера природным явлениям: жаре, дождю, холодам, снегопадам, ненастьям...

«Отчего душе моей сродни пасмурные дни? Отчего люблю песок текучий с тёмною полоской у воды, запах торфа, грозовые тучи, в дюнах цапли тонкие следы...» – вот вспомнилось из Игоря Шкляревского, моего любимого поэта. Наверное, потому что и я всё это люблю. Осеннее ненастье, грустное серое небо, улетающих на юг печальных журавлей, бодрящую прохладу коротких осенних дней. И этот неповторимый, грустный, мокрый запах увяданья...

Сейчас на радиостанции «Маяк» прослушал десятичасовые новости. В которых не было почти, как и обычно, впрочем, ничего особо нового.

Где-то в детском саду несвежими овощами отравились дети. Об автомобильных, авиационных и прочих авариях, отравлениях недоброкачественными продуктами питания говорят каждый день...

А вот уже что-то близкое к нашим Палестинам:

«В Бодайбинском районе Иркутской области посёлки Перевоз и Кропоткино остались отрезанными от мира. Затяжными дождями там размыло дороги, а взбухшие реки сорвали мосты, ведущие к этим населённым пунктам...»

«Двухлетний малыш на юго-западе Москвы выпал из окна шестого этажа, когда нанятая родителями няня отправилась готовить обед...»

«В Ставропольском крае, у подножия горы Машук, найдено тело разыскиваемой девятилетней Ани Прокопенко. Следствием установлено, что девочка была изнасилована, а затем убита...»

«В Шотландии опрошено 77 тысяч человек. Две трети из них высказались за принятие закона о легализации однополых браков...»

«Чемпион мира по самбо Расул Мирзаев принёс в суде извинение родителям девятнадцатилетнего студента Ивана Агафонова, скончавшегося год назад от его удара, полученного им в центре Москвы возле ночного кафе...»

«Омск прислал машину гуманитарной помощи Крымску, пострадавшему от наводнения...»

«Сегодня день памяти поэта и актёра Владимира Высоцкого. Спектакль, посвящённый ему, покажет нынешний руководитель Театра на Таганке Валерий Золотухин, давнишний друг и коллега актёра по сцене этого прославленного театра...»

Мне вспомнился 1980 год. Моя первая двухнедельная туристическая поездка за границу, в Германию (тогда ещё ГДР – восточная часть страны, ставшая самостоятельным государством после второй мировой войны) и Польшу. И как я через две недели возвращался ночным поездом из Варшавы в Союз.

Утром, 25 июля, на Белорусском вокзале меня встречал мой друг, журналист, работающий тогда в журнале «Советский экран», Андрей Данилов. И первое, что он сказал, после того как мы обнялись:

– Высоцкий умер, – и после недолгой паузы. – У меня есть пропуск для прессы, можем пойти на Таганку на церемонию прощания. Марина Влади из Парижа прилетела. Да и все актёры театра там будут во главе с режиссёром Любимовым... Если хочешь, конечно, – добавил он.

– Не хочу, Андрюха. Не хочу его видеть мёртвым.

– Ну, как знаешь. Мне-то всё равно придётся идти.

Встреча наша с давнишним другом оказалась, таким образом, с горчинкой.

Но, оставшись в Москве ещё на какое-то время, чтобы хоть что-то успеть посмотреть из Олимпийских игр, начавшихся, когда я был ещё в Польше, и проходивших тогда в Москве, я эту горечь очень быстро рассеял, посещая различные соревнования и чувствуя этот бодрящий дух соперничества, дух Олимпиады. Да и не было, честно говоря, у меня особой горечи. Ведь человек умер от своего же порока.

А через несколько дней Андрюха (я жил в Москве у него) принёс машинописную толстенную рукопись стихов Владимира Высоцкого, которая называлась «Нерв». Под этим названием она потом и вышла отдельной книгой. И помню, как я изумился беспомощности большинства стихов, их несовершенству, их какой-то поспешности, что ли...

Во всяком случае, меня они почти не тронули. Хотя, наверное, с класса десятого я был знаком с магнитофонными (тогда ещё катушечными) записями песен Высоцкого. И от этого многие напечатанные в рукописи тексты знал наизусть. И помню, как они мне нравились в песнях. Точнее сказать, нравились песни. Ибо в них присутствовало некоторое неповторимое сочетание своеобразного, с хрипотцой, голоса; часто оригинальной музыки; и чувствовалось, что блестящего актёрского исполнения. Стихия напора в них была точно.

Вообще я думаю, что Высоцкий, прежде всего, прекрасный актёр. Вспомните его великолепные роли в фильмах: «Короткие встречи» Киры Муратовой, «Вертикаль» Станислава Говорухина, «Служили два товарища», «Место встречи изменить нельзя», да и «Маленькие трагедии» даже... Потом

он очень хороший бард и исполнитель своих песен. Но он, увы, всё-таки, как мне кажется, не поэт. Или так скажем, весьма средний поэт...

Обычно, прослушав новости на «Маяке», волны которого только и ловятся у меня на даче, я выключаю радиоприёмник.

Хотя прежде, в конце 60-х, 70-х годах двадцатого века я так любил эту радиостанцию. Ей, кстати, в нынешнем году 1 августа исполняется 48 лет.

Сколько раз, сидя в каком-нибудь занесённом по самую крышу снегом зимовье, посреди неохватного глазом, даже с вертолёт, зелёного моря тайги, на очередной «Промысловой практике», я слушал вечерами по транзисторному радиоприёмнику «Маяк».

Раз в полчаса передавали новости. Они, в отличие от нынешних – в основном негативных, были по большей части позитивные, даже можно сказать оптимистичные! А после новостей, до следующего их выпуска, минут двадцать пять звучала хорошая музыка.

С некоторых пор (я даже не заметил, когда это точно произошло, скорее всего, с середины восьмидесятых годов прошлого века, когда в стране разразилась, как заразная болезнь, так называемая «перестройка») «Маяк» превратился в некий клуб «говорунов-смехачей» обоего пола, обсуждающих порою придуманные ими же несущественные проблемы. Такие, например, как «своевременная эрекция», «последние разводы в шоу-бизнесе», «свобода слова и свобода Интернета»...

Причём, разговор ведут, часто перебивая друг друга, два-три ведущих, постоянно хохочущих над своими же, чаще всего пошлыми, шутками. И говорят они, в основном, на некоем сленге, а не на нормальном русском языке. И во что бы то ни стало стремятся рассмешить ещё и слушателей. Будто это и есть их основная задача, чтобы вместе с ними хохотала вся страна.

Одним словом, сборище трепачей, несущих какой-то несусветный бред, слушать который нормальному человеку просто невмоготу. «Век вывихнул сустав», – говорил о подобных вещах Шекспир. Я же от себя добавлю: «Кроме всего прочего, миновала эпоха героев. Настала эпоха лидеров...» А лидер тем и отличается от героя, что ради своей выгоды пройдет не только по трупам конкурентов, но и своих друзей.

Но я отвлёкся.

Итак, 14 июля, в субботу, Александр Станиславович Маджаров, как я уже говорил: профессор, историк, примерный семьянин, бард... Несколько песен у него написано и на мои стихи. Особенно ему удалась, на мой взгляд, та, в которой есть слова: «Никогда никуда не хочу уезжать. А всегда возвращаться хочу, приезжать...» Эти стихи, ставшие затем песней, я когда-то посвятил своей жене Наташе в книге «Памяти солнечный зайчик»...

Пожалуй, Сашу можно назвать ещё и художником. Ибо он создаёт из подобранного им на берегу Байкала (во время рыбалки) подручного материала: камешков, стекляшек, деревяшек, обточенных волнами, чудесные картинки – инсталляции. И ещё, может быть, он, в какой-то мере, литератор, поскольку пишет песни не только на чужие стихи, но и на свои собственные. Пишет и рассказы.

Кроме того, он ещё ведёт на городском радио придуманную и осуществлённую им передачу «Мелодии моей души». Очень интересно рассказывая в ней о великих певцах и композиторах. Таких, например, как Фредерик

Шопен, Исаак Дунаевский, Лидия Русланова, Александр Вертинский, Леонид Утёсов, Пётр Лещенко, Клавдия Шульженко, Марк Бернес, Муслим Магомаев, Валерий Ободзинский, Джо Дассен, Майя Кристалинская...

Список можно было бы продолжить, но и из перечисленных имён видно, что создатель и ведущий данной радиопередачи обладает незаурядным эстетическим и музыкальным вкусом. Поскольку в представленном перечне имён нет ни одного из кумиров нынешней, увы, весьма низкопробной эстрады. Да и концерты современных звёзд шоу-бизнеса (точнее было бы сказать, шоу-звездинца) могут запомниться не голосами, а разве что телом. Особенно это свойственно безголосым, в большинстве своём, нынешним певицам. И я заметил, что чем меньше у «певицы» таланта и голоса – тем больше в её представлении «обнажёнки». Хотя чем-то надо же со сцены выделиться и, если не пленить, то хотя бы ошарашить публику. Вот и удивляют – телесами да «подтанцовкой» ещё. С кривляющейся рядом с так называемыми певцами, заходящейся в каком-то неистовстве массовой подпевал и подтанцовщиков...

Очередная, более чем часовая передача, в трёх частях, записанная на радио Александром Станиславовичем, была посвящена Сергею Яковлевичу Лемешеву. Вышла она в конце июня и была посвящена 110-летию юбилею певца, родившегося 10 июля 1902 года.

Причём, автор проекта «Мелодии моей души» долго колебался, о ком сначала сделать передачу: о Лемешеве или Викторе Цое, у которого в этом году тоже юбилей. Ему исполнилось бы пятьдесят.

Пересилил всё же Лемешев.

О нём Саша и заговорил со мной, навестив меня перед обедом.

Мы сидели на ступенях крыльца, смотрели на Байкал и неспешно говорили о том, о сём. Вернее, в основном, говорил Александр, а я прилежно слушал:

– Представляешь, и центральное телевидение, и основные радиоканалы лишь вскользь упомянули о юбилее Лемешева. Зато о Цое трещат с утра до вечера. Но, согласись, не равнозначные ведь фигуры?

В знак согласия я кивал головой. Хотя согласия особого Саша от меня и не требовал, продолжая говорить:

– Цой, конечно, талантливый человек, но Лемешев-то – глыба! Давайте соберёмся сегодня и хотя бы с опозданием отметим его юбилей. Заодно можем и передачу о нём послушать. Я диск с собой из города прихватил. Как ты?

– Саша, ты же знаешь, что я по субботам топлю баню. Женька, насколько мне известно, тоже собирается баню топить. Во всяком случае, я видел, что он ходил в лес за пихтовым веником. Так что не хотелось бы эти два мероприятия совмещать. Удовольствия ведь надо не кучковать, а растягивать. Давай послушаем твою передачу завтра. Тем более что она совсем не короткая.

– Можно и завтра, – как-то спокойно согласился Саша. – К тебе на выходные никто не придет?

– Надеюсь, что нет. Вчера звонила одна знакомая, кстати, в том числе и тебе по прошлому году, дама. Спрашивала, не могу ли я приютить её с подругами на два дня? Одна из подруг балерина из Киева, а не какой-нибудь там тебе «зубной техник», как было у Остапа Бендера в «Золотом телёнке». А вообще их собиралось, вместе с ребёнком, прибыть шесть человек! Получилось бы почти по две дамы на брата. Но я отказал.

– Почему?

– Потому что невозможно, Саша, как говаривали философы, дважды войти в одну и ту же реку. Посоветовал им устроиться внизу, в гостинице «У ручья».

– Анна что ли собиралась приехать? – догадался он о ком речь.

– Ну да...

– В прошлом году мы с Женькой думали, что у вас всё сладится. Особенно когда её очередные весёлые подруги уехали, и вы остались вдвоём. Любит она, похоже, шумные компании...

Я не стал ничего отвечать, и мы ещё какое-то время посидели молча на крыльце. А потом отправились к Женьке договариваться на завтра. Тем более что компьютер, на котором мы могли бы прослушать передачу, был только у него.

Женька легко согласился с нашим предложением: устроить небольшой выпивон и обед в складчину, предупредив однако, что к нему на выходные должна приехать «знакомая тётенька», медсестра из той больницы, где он лежал по весне с какой-то болячкой.

– Скоро уж пойду к парому, встречать её. А потом в баньку свожу, да веничком пихтовым, для приятного телесного аромата, отхожу, как следует. Кстати, она наполовину тунгуска, – не без гордости добавил он. – Экзотика, мужики! – даже зажмурился Женька от своих предчувствий. – Думаю, Аюна нам не помешает. Человек она тихий, спокойный, не в свои дела не лезет. Тем более что для неё у меня вся ночь. А для вас – весь день.

– Не перетрудишься, дружище, при таком-то круглосуточном графике, – пошутил я.

– Постараюсь, – хитро улыбнулся он. И добавил. – Так что чисто мужской компании не получится, уж извиняйте, мужики.

Договорились встретиться на завтра в час дня. Предварительно купив пива, хлеба, овощей и копчёного омуля. Дабы, неспешно попивая одно и поедая другое, с ещё большим удовольствием слушать песни в исполнении Лемешева, с необходимыми комментариями Александра Станиславовича, «нарытыми» им для передачи из разных, и обычно малоизвестных, источников...

26 июля 2012 года. Четверг. Порт Байкал. 10.30.

В девятом часу, когда я готовил завтрак (батон, масло, сыр, колбаса, кофе, несколько долек чеснока, салатик: из помидор, лука, огурцов) позвонил мой шуринок Саша и сообщил, что они с его приятелем Лёшей везут мне доски – сороковку, которые я давно заказывал для прожилки забора. Ещё он известил, что на восьмичасовой паром им попасть не удалось – было слишком много машин. Так что придут одиннадцатичасовым. Не знаю, как они заберутся на гору? Всю ночь опять лил дождь. Дорога раскисла.

Узнав о приезде гостей, решил обойти участок и собрать им в подарок грибов (поскольку уезжают они сегодня же четырёхчасовым паромом), чтобы они дома их поджарили с картошечкой! Изумительная вкуснятина!

Минут за пятнадцать собрал 22! гриба. Подосиновики, подберёзовики, два белых и один маслёнок вылезшие после ночного дождя. Да всё ядрёные такие!

10.40. Начну вычитывать то, что написал, а вернее переписал, из ранее написанного, вчера. Там шесть с половиной страниц. Переписывать всегда ведь легче, чем писать.

Кстати, вчера так напахался после обеда за три с половиной часа, делая в доме черновой пол – в полусогнутом состоянии, на карачках работал под полом, уже сделанным, беловым (хорошо, что хоть люк я в нём в своё время оставил), – что уснул в половине девятого вечером чуть ли не с книгой в руках. А сегодня проснулся, и то с трудом, почти в восемь, а не в половине восьмого, как обычно. Проснав, значит, больше одиннадцати часов.

11.40. Снова позвонил Саша. Они уже переправились на нашу сторону. Пойду их встречать. Потом буду кормить. А потом будем разгружать доски. Только бы они забрались сюда...

27 июля 2012 года. Пятница. Порт Байкал. 9.25.

Заметил, что сегодняшнее число и номер страницы, на которой пишу, совпадают. Может быть, это добрая примета и писаться будет легко? А то вчера ведь так ничего почти и не сделал.

...15 июля, в воскресенье, с утра, как обычно, я пошёл в строящийся неподалёку от моего участка храм Преображения Господня.

Верхний придел, сооружаемый из брёвен, ещё строится. А нижний, сложенный из кирпича, уже готов. В нём-то и проходят субботние (вечером) и воскресные (утренние) службы.

По дороге к храму, до которого от моей калитки не более ста шагов, я вспомнил, как с молебна и закладного камня, кажется, в 2006 году, начиналось его строительство. И как мы с Наташей радовались тому, что рядом с нами будет церковь.

А какое-то время спустя мы ходили с ней на первую службу. Девятнадцатого августа, лет пять, наверное, назад, в день храмового праздника – Преображения Господня.

Тогда ещё стояли, только недостроенные до конца, кирпичные стены первого этажа, с пустыми оконными проёмами, в которых синело летнее небо. Не убраны были и строительные леса. А кое-где из утрамбованной ногами глинистой земли торчала арматура. Но день был такой чудесный, яркий, солнечный, не жаркий. И совсем старенький батюшка, отец Николай, из храма расположенного на другой стороне озера, в посёлке Листвянка, в своём светлом облачении, у импровизированного амвона, казался таким нарядным и торжественным! И народу собралось немало. В основном, писатели и художники, живущие летом здесь, в Порту Байкал, называемом с лёгкой руки журналистов, любящих всевозможные сравнения, «Иркутским Переделкино».

Были на той службе и телевизионщики из Иркутска и Слюдянки, снимающие весь процесс первой литургии.

И небо над нами было такое синее-синее, глубокое-глубокое, бесконечное. И, глядя в эту бесконечность, легко верилось в вечность. И в этом бесконечном, вечном небе надо всеми нами, не на такой уж большой высоте, плавно, неспешно, парили два коршуна. И отчего-то казалось, что оперение у этих больших птиц было белое.

На службе в храме я и встретил всех дам, намеревавшихся остановиться на выходные у меня.

Именно об этом просила меня Анна, позвонив дня за два до нынешних выходных и сообщив, что к её лучшей подруге Татьяне, «с которой мы были у тебя, помнишь, в прошлом году, приехала из Киева её свекровь».

– Бывшая балерина, между прочим, – не давая мне вставить даже слово, продолжала Анна. – И очень хороший, кстати, интересный человек. Мать мужа Татьяны Руслана. Мы хотим показать ей «Кругобайкалку» (старая железная дорога, идущая вдоль Байкала от Порты Байкал – если двигаться на восток – до Слюдянки). В субботу на электричке мы приедем из Иркутска в Слюдянку, а оттуда – в Порт. И нам там надо будет где-то переночевать одну ночь, – по-прежнему слышал я в мобильном телефоне приятный, неторопливый, но без пауз, голос Анны, когда-то так нравившейся мне. И тембр голоса её мне тоже нравился. Да и сейчас нравится.

Я сидел на верхней ступени лестницы (люк, открывающий вход в коридорчик гостевых комнат второго этажа, был откинут), где связь была более устойчива.

– А сколько вас будет? – перебил я Анну.

– Пять или шесть человек, – невинным голосом ответила она. Я, Татьяна, её сын Гриша, ты его тоже должен помнить, мы с ним тогда к тебе приезжали. Правда, он сейчас здорово вырос. Почти молодой человек... Лидия Александровна, – по-видимому, вспомнив о моём вопросе, продолжила она. – Сестра Татьяны Наталья и подруга сестры Света.

«Всё как всегда, – подумал я. – Лучшая подруга Таня, не лучшая подруга Зина или Клава, а с ними чей-то ребёнок, которого я должен помнить, потому что он гостил у меня с мамой!»

– Вино, еду, постельное бельё мы привезём с собой, так что тебе никакой мороки с нами не будет, – закончила Анна мажорно.

– Аня, – проговорил я в наконец-то образовавшуюся паузу, но в отличие от Анны, без всякого мажора и энтузиазма, – ты же знаешь, мне столько человек не разместить. У меня только пять стационарных спальных мест для гостей, учитывая и рундук на веранде.

– Ничего страшного, – оптимистично подхватила она. – У тебя же, насколько я помню, в двух комнатах на втором этаже по две кровати в каждой. Таня с Гришей на одной улягутся, он ещё не такой здоровый парень. Свекровь – в комнате с ними на второй. А мы трое, в повалочку – в соседней. Или кого-то, по жребии, отправим спать на рундук. Да я и сама могу там примоститься. Ближе к тебе буду (когда-то я серьёзно воспринимал её слова). Вернее, к твоей запертой в дом двери. Ты же в дом никого не пускаешь, – кокетливо закончила Анна распределение мест.

Хотя, конечно же, помнила, что в доме мы с ней тогда и жили, когда остались одни. В первую неделю осени. И это была осень на двоих. И баня – на двоих. И – кровать...

Когда-то мы были очень близки с этой девушкой. Несмотря даже на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте...

Тогда, в их первый приезд ко мне на дачу, я уже более года был вдовцом. И никак не мог избавиться от постоянно гнетущей меня тоски по жене, которой мне так не доставало. Наверное, так же калеке, до конца дней его, не достаёт, может быть, когда-то очень давно, отрезанной руки. И любая вещь, напоминающая мне о жене: собранные на берегу Байкала во время нашей прогулки маленькие цветные камешки, положенные потом в пустую солонку, так и оставшуюся стоять на столе; книги с её карандашными пометками; берестяной «обруч» для волос – вызывали душевную тоску. В такие минуты мне

казалось, что уже закрывшаяся было рана открывалась вновь, причиняя мне прежнюю боль.

И тут, на излёте лета, приехали Анна с Татьяной, её сыном Гришей и ещё какая-то их подруга, имени которой я не запомнил. Но зато запомнил, что у неё был просто шикарный бюст, который она старалась не очень-то и скрывать под назойливыми одеждами. Как удачливый игрок не скрывает, что у него имеется козырный туз.

Ещё помню, что последний день лета 31-е августа пришёлся тогда, кажется, на воскресенье. Точно, воскресенье, потому что накануне была баня. Сначала парились дамы, а потом мы с Гришей.

И тот воскресный день, помнится, был очень тёплый. И когда мы вышли из бани, на полянке уже стоял стол и две лавки. Над углями костра неподалёку, источая дразнящий аромат, румянились на шампурах большие кусочки мяса, перемежающиеся луком и дольками помидора. Красное вино было в тёмных бутылках, водка, пиво, зелень. Да, широко решили девушки отметить банный день! И помнится ещё, что после долгого застолья, в сумерках, когда полянка, на которой мы расположились, освещалась уже только светом из окон близкого дома и веранды, я отправился спать, оставив гостей у догорающего костерка одних. И как ещё долго потом в открытую, с сеткой от насекомых, форточку окна в доме были слышны песни, распеваемые неугомонными дамами. А иногда вдруг наступала тишина, и через какое-то время слышался их дружный и весёлый смех.

Но я отвлёкся. Итак, в последний день лета, после отнюдь не раннего завтрака, мы все отправились на Белые камни. Вершина скалы у истока Ангары. Оттуда открывается чудесный вид на Байкал, на его противоположный берег, такой близкий здесь, и быструю Ангару, и Шаман-камень, торчащий из воды на середине реки, стремящейся к Енисею, прочь от старика-Байкала. Помню, что мы все уселись на эти тёплые от солнечного света камни и любовались просторным видом, открывающимся сверху.

– Владимир, у тебя же есть стихи, посвящённые последнему летнему дню. Прочти, пожалуйста, а я запишу это всё на камеру мобильного. Только прочти с выражением, как ты можешь, как вчера нам читал, – попросила Анна.

– Аня, стихи надо читать не с выражением, а выразительно, – ответил я. Отчего-то вспомнив, как мы с ней вчера, в комнате на втором этаже, первый раз поцеловались. Оттуда ей вздумалось полюбоваться звёздами, и она попросила меня проводить её, когда я уже засобирался уходить в дом спать.

– А то ещё грохнусь где-нибудь на лестнице спяну! – смеясь, проговорила она. – Поскольку, наверное, стакана два вина я сегодня под шашлыки выпила, а для меня это очень большая доза.

И как это было неожиданно для нас обоих. И трепетно и волнующе. Этот первый, такой ещё робкий, разведывательный поцелуй.

– Ну, читай выразительно, – согласилась она, пребывая в какой-то несвойственной ей глубокой задумчивости.

И ещё я вспомнил, что стихотворение, которое Анна просила меня прочитать и которое было напечатано в книге «Сестра моя, Осень» (там, наверное, она его и углядела) было написано аж в 1972 году. Анна тогда, пожалуй, только родилась. А я, после окончания института, служил, вернее, проходил трёхмесячную военную подготовку в унылейшей степной местности – в

Оловянинском районе Читинской области, недалеко от села Безречное. Там у меня на шее соскочил чирей, и сержант, солдат-срочник, отправил меня в госпиталь, который находился километрах в двух от нашей единственной казармы, стоящей в степи возле, тоже единственной, старой берёзы, выросшей когда-то очень давно у стены казармы, с её подветренной стороны. Народу на перевязку было немало, и я вышел из тесного коридорчика, где на стульях сидели люди, не желающие выходить под дождь, во двор госпиталя, договорившись, что меня крикнут, когда подойдёт моя очередь. Помню, что я присел на корточки у дощатого забора, опираясь на него спиной, огораживающего небольшой пустырь с беседкой прилегающего к барaku госпиталя, заросший полынью. Ещё помню, что нам уже выдали шинели. Хотя, как там у поэта?

И листья ещё не истлели,
и шапка ещё не нужна,
но всё-таки
выйти в шинели
вчера приказал старшина.
Мне так она впору сегодня
под дождиком этим сквозным,
и пахнет зимой прошлогодней,
и потом,
ещё не моим.

И вот я сидел у серого сплошного забора, в серой солдатской шинели, вдыхая запах полыни и радуясь несильному, едва моросящему дождю, сбивающему с травы серую пыль, и тому ещё, что в шинели мне было тепло. И вдруг, среди этого пасмурного неласкового дня, я вспомнил, что нынче 31 августа, последний день лета. И что уже в конце сентября нам присвоят звание лейтенантов, и мы вернёмся домой... И тут же, на подобранной у забора и, как ни странно, почти сухой пачке «Беломора», разорвав её, на внутренней стороне, где не было рисунка, я написал карандашом, огрызок которого всегда лежал у меня в кармане гимнастёрки, это вот стихотворение:

Августа последний день.
Завтра лето кончится.
Ну а людям, всё равно,
Ещё лета хочется.
Ещё хочется тепла,
И любви нечаянной.
Ветер в тополях разлит
Музыкой прощальнойю...
День последний не спеши.
Дай ещё нам света.
Здравствуй, осень.
Здравствуй, грусть.
До свиданья, лето...

Это стихотворение я и прочёл там, на Белых камнях...

Вечером того же дня Татьяна уехала в город. Ей надо было завтра, 1 сентября, вести Гришу в школу, на торжественную линейку. С ней укатила и пышногрудая Зинаида (наконец-то вспомнил, как её звали), которая так и не сумела уговорить меня сделать ей после бани массаж позвоночника. «Чтоб от шеи и

аж до самого копчика, хотелось бы всё промять, а то спина порою что-то плохо слушается, – говорила она кокетливо, нараспев. – Тем более, что девки наши, знаю уж, парильщицы так себе, через полчаса выскочат из бани. А я вас там, на полочке дождусь. Вы наверняка сможете сделать хороший массаж, руки-то у вас вон какие сильные. Ну, а за труды сии тяжкие я вас уж как-нибудь сумею отблагодарить», – весело уговаривала она... Увы, ей в понедельник надо было на работу и, значит, тоже надо быть в городе. А то, глядишь, до чего-нибудь и договорились бы...

Помню, перед тем как отправиться на паром, Татьяна (наотрез отказавшаяся, чтобы мы провожали её: «Что это вы вниз с нами потащитесь, а потом опять на гору. Сами дойдём, не маленькие»), лукаво улыбаясь, напутствовала нас с Анной:

– Вы только тут себя, без нас, хорошо ведите. А вы, Владимир, Анечку не обижайте. Она у нас девушка славная и доверчивая.

– Не обижу, не волнуйтесь, – пообещал я.

Как только гости скрылись за калиткой, мы поднялись на второй этаж и начали целоваться. Причём, с такой поспешностью, таким жаром, такой неутолённостью, будто два влюблённых человека наконец-то встретились после тягостной долгой разлуки. Губы подолгу не хотели размыкаться. И руки искали рук. И мне подумалось в тот дивный миг, что, может быть, Господь сжалился надо мной, послав эту девушку, с которой мы были едва знакомы. Встречаясь до этого ежегодно, раза три, наверное, лишь на днях рождения нашей общей знакомой, очень весёлой и компанейской женщины Жанны Богдановой, диктора Иркутского городского радио.

– А знаешь, что ты меня однажды спас? – шепотом, спросила Анна, когда мы уже спустились в дом и, тоже поспешно, расположились там.

– Каким это образом? – искренне удивился я, чувствуя к этой прильнувшей ко мне всем телом девушке, превосходившей меня по росту, просыпающуюся влюблённость и нежность. Будто чувства мои вдруг очнулись от долгого лютаргического сна и стали реагировать на действительность, не утопая больше, как в трясине, в беспросветной и вязкой тоске, сосущей сердце.

Тем более что это была первая, самая приятная стадия влюблённости, когда ещё не ощущаешь себя пленником завладевшего тобою чувства. И когда предстоящее расставание совсем ещё не тягостно. Ибо после него остаются такие приятные воспоминания, а продолжение дальнейших отношений почти не мыслится.

На полу играли бледные лунные блики. Было тихо и хорошо. Наверное, оттого, что спокойно.

– Я лежала в больнице, – продолжила Анна наш неспешный ночной разговор, – и мне было так плохо. Обнаружился застарелый аппендицит, готовый в любую минуту лопнуть. Отчего исход предстоящей операции был не ясен даже врачам, а уж мне-то тем более. И тут Жанна, навестившая меня перед операцией, дала мне почитать твою книгу «Предчувствие чудес».

– Хорошая книга, – чувствуя лёгкую, приятную усталость после той бури чувственных неистовств, которая только что улеглась, вставил я. – И издатель её выпустил очень хороший – Гена Сапронов, царствие ему небесное.

– Так вот, я читала её и перед операцией и после. И чувствовала, как во мне что-то меняется к лучшему. Появляется не надежда, а твёрдая уверенность в

том, что всё будет хорошо. И мне самой от этого становилось так хорошо и спокойно, — машинально водя указательным пальцем по моей не слишком волосатой груди, говорила Анна. — Я тебе потом несколько восторженных эсэмэсок отправила, после операции, когда пошла на поправку. Мне Жанна твой номер мобильного телефона дала. Но не на одну из них, увы, ответа я так и не получила. Ты что их не читал? — приподнялась она на локте, заглядывая мне в лицо.

— Читал, — ответил я.

— А почему тогда ничего не ответил?! — с ещё большим удивлением спросила она. — Тебе же это должно было быть, по идее, приятно, что у тебя появился новый, да ещё такой восторженный читатель?

— Я не умел. Да и сейчас не умею писать и отправлять эсэмэски. Я ведь, по сравнению с вами, молодыми, просто какой-то шерстистый носорог, вытаявший из вечной мерзлоты. И для меня мобильный телефон (который мне когда-то почти насильно купила моя жена Наташа, «чтобы не был на даче оторван от нас и от внешнего мира») — это лишь приспособление, по которому я могу с кем-то поговорить, нажав при вызове известную мне кнопку. Остальные его функции мне не ведомы.

— Тундройд! — развеселилась Анна. — А я-то не на шутку обиделась. Думаю, такие хорошие рассказы! И такой чёрствый человек их пишет.

Склонившись ко мне, отчего я почувствовал упругость её небольшой, такой соблазнительной груди и бархатистость кожи, она поцеловала меня долгим нежным поцелуем. Ответить на который у меня уже просто не было сил.

— Спишь? — снова приподнявшись на локте, спросила Анна.

— Задрёмываю, — продираясь сквозь пелену сна, ответил я.

— Ну, давай будем спать.

Она снова всем телом прильнула к моему боку. И, взявшись за руки, мы уснули, не желая расставаться даже во сне.

30 июля 2012 года. Понедельник. Порт Байкал. 10.10.

Сегодня проснулся в 7 часов. Начал работать в 9.35. Вычитал предыдущий фрагмент, написанный 27-го, в пятницу. Пятница у древних римлян считалась днём Венеры, богини любви.

А сегодня, кстати, месяц, как я приехал на дачу. Это было 30 июня, в субботу. Поэтому, открыв в доме ставни, я сразу же стал топить баню, чтобы не нарушать субботнюю традицию...

А нынешние выходные, приехав ближе к вечеру в пятницу, у меня гостили Дима и Света.

И после бани, 28 июля, мы с ними справляли мои именины. Ведь это день «Равноапостального великого киевского князя Владимира — крестителя Руси».

А днём в субботу, до бани, я в тот день, неожиданно, получал ото всех подарки.

Маджаров, которого я навестил, отправившись за пихтовым веником в лес, подарил два банана и персик.

— По банану вам с Димой, а персик Свете, — сказал он, кладя дары в пакет.

Саша Деркач — местный житель, встретив меня в магазине, куда я отправился за пивом, и узнав, что у меня именины, затащил к себе домой. Благо домик его недалеко от магазина. Выдал литр козьего молока (он держит козу) и дал одного малосольного омуля.

– Да, Саша, – пошутил я, – подарочек у тебя такой, что если всё это употребить одновременно – трёхдневная свистуха точно будет обеспечена.

– Ничего, организму зато прочистишь, – улыбнулся он. – Я вот уже полгода не пью, – без плавного перехода переключился он на главную свою тему, – так он у меня теперь такой очищенный, будь здоров!

Академик Гудков, мимо старой дачи которого я проходил (она теперь принадлежит его дочери Миле) и с которым я остановился поздороваться, завёл в дом. Налил себе и мне по рюмке водки и угостил на закуску... мороженым, достав его из морозильной камеры холодильника.

А вечером приехавшие соседи по даче – Пётр, его жена Светлана, дочь Лиза и малолетняя, недавно родившаяся у них, Аня, пришедшие навестить меня и узнавшие об именинах, быстренько отправили Лизу домой, и она через какое-то время принесла довольно большой остаток брусничного пирога.

Вручив пирог и пожелав мне всего хорошего, соседи откланялись, а мы сели ужинать, радуясь тому, что наконец-то остались одни. Тем более что от большой сковороды, поставленной на стол на специальную металлическую подставку, так аппетитно пахло грибами и жареной картошкой. Грибы Света собрала днём на нашем участке.

И только мы приступили к еде, разложенной Светой по тарелкам, и принимали по несколько глотков «Каберне», как с весёлыми шутками и смехом на веранде появилась моя давнишняя приятельница Нина Максименко, тренер по стрельбе из лука, с которой мы в 1993 году принимали участие в велопробеге «Пекин–Париж». А рядом с ней нарисовалась и Людмила Адаскина, её подруга, главный бухгалтер областного спорткомитета. Они приехали на Байкал на выходные, остановились в гостинице «У ручья», но, вспомнив о моих именинах, решили подняться на гору, прихватив с собой бутылочку «Медовухи», куриные котлеты и черёмуховый торт.

– Мы пришли тебя поздравить! – хором, как пионеры на линейке, проговорили они.

– Ну, пришли, так садитесь, – ответил я. – Мы как раз приступаем к трапезе. Молодцы, что пришли.

Вечер прошёл очень хорошо и весело. Но всё-таки совсем хорошо стало, когда мы остались втроём, вернее четвером: Я, Дима, Света и Карасик, которого они зовут Рыжик...

Воскресный вечер был уже не таким весёлым, как субботний. Все разъехались. И мы с Карасишкой снова остались одни. «Ох уж эта пытка расставанья с близкими людьми»... Грустно... И это ещё в лучшем случае.

А сегодня, чувствуется, что загрустил и наш котёнок. Всё ходил, искал повсюду Диму, у которого провёл на руках или коленях почти два дня. К тому же Дмитрий его спаситель. Это он подобрал его года два назад на городской набережной совсем малюсеньким слабым котёнком, который от истощения и пищать-то уже не мог. А только разевал беспомощно розовый ротик, глядя на ноги проходящих мимо людей. Голову он от слабости тоже поднять не мог. Проходившие мимо люди смеялись, шутили, и никому не было дела до беспомощного маленького – не больше мячика для большого тенниса – бездомного рыжего котёнка, без сил лежащего у парапета набережной и, моля о помощи, беззвучно разевающего рот...

И его счастье, что Дмитрий гулял в этот день по набережной.

«Как же я мог его не подобрать, – оправдывался потом передо мною сын, – всё-таки, живая душа».

И сегодня Карасик, эта живая душа, то забирался на второй этаж, смешино перебирая лапками на ступенях лестницы, то устремлялся в дом. При этом он время от времени жалобно мяукал, принюхивался к оставленным Димой тапочкам, ложился на них. А потом, найдя оставленную на кресле в доме футболку сына, улёгся на неё и уснул...

Итак, мне осталось жить на даче ещё три недели.

19 августа, в храмовый праздник местной церкви, я уеду в город. Поскольку уже 20 августа мы с одной дамой, которая здесь для всех числится «Неизвестной дамой», отправляемся до 12 сентября в Туапсе, к её тётке. Отдохнуть, позагорать, покупаться в Чёрном море. Причём в оба конца мы едем поездом, в двухместном купе! Туда пять дней и обратно столько же. Благо, что билеты куплены в оба конца. Так что здесь на даче я смогу появиться только после 17 сентября, когда вернусь в Иркутск.

Причём уже второй раз летом я не буду присутствовать на храмовом празднике.

Года два назад меня уговорил «прервать моё дачное безвылазное сидение» «на пару дней» Андрей Григорьевич Румянцев, профессор Литературного института имени Горького, народный поэт Бурятии. И просто хороший поэт. Сообщив, что нас пригласили в Кутулик на очередной день рождения рано ушедшего из жизни драматурга Александра Вампилова, прожившего в этом посёлке все детские и юношеские годы, вплоть до поступления в Иркутский госуниверситет, где бок о бок учились, ставшие впоследствии известными всей стране писателями: Валентин Распутин, Ким Балков и другие.

– Тебя, – уточнил Андрей Григорьевич, – приглашают, поскольку ты родился в Кутулике, а меня как однокурсника Вампилова. Кстати, Кутулику в этом году 235 лет, – добавил Румянцев, – и администрация посёлка решила приурочить празднование этой даты к дню рождения Сани (напомню для читателя: Вампилов родился 19 августа 1937 года, а за два дня до своего 35-летия утонул в Байкале, в 1972 году). Машина будет, – продолжал Андрей Григорьевич завлекать меня по телефону, зная, как я не люблю летом уезжать с дачи, даже на несколько дней, особенно если пишется. У меня обычно так: раз заехал – раз выехал. И всё лето здесь, на даче. – Так что и туда привезут и обратно доставят. Даже конные бега грозятся для почётных гостей устроить! А мы с тобой там почётные гости, как заверил меня глава поселковой администрации, мой старинный приятель, кстати. Соглашайся.

Ну, я и согласился, тем более, зная бурятское гостеприимство.

И всё было именно так, как говорил Андрей Григорьевич. И бега тоже были (во второй ручке закончилась паста, взял третью). И мы с Румянцевым даже сделали ставки на лошадь по кличке «Авантюрист». Полагая, что в наше время именно авантюристы добиваются в жизни успеха и власти. Отчего же тогда и лошади с подобным именем не прийти к финишу первой.

К счастью, мы оба ошиблись, а потому и проиграли, поскольку у лошадей всё ещё было по старинке. И победы поэтому у них доставались лучшим.

Однако пора вернуться к основному сюжету рассказа.

Итак, следующий отрывок, из ранее написанного:

...Через какое-то время мы оба крепко уснули. Я чувствовал, что продолжаю глупо и счастливо улыбаться даже во сне. И с одной стороны, уже полусонным нетвёрдым сознанием я ощущал себя почти счастливым, а с другой стороны – в какой-то мере предателем по отношению к Наташе, хоть и ушедшей в мир иной. Но ведь «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы». И мы ведь с нею были венчаны. И я даже подписал ей свою книгу «Формула красоты», вышедшую незадолго до нашего венчания в Богоявленском храме, приблизительно так: «Наташе, в день нашего венчания 22 июля 2001 года, в первый год третьего тысячелетия. Ибо венчание – это когда хочется быть с любимым человеком не только при жизни, но и после оной...»

Наташа отчего-то всегда просила подписывать ей мои новые книги.

– Зачем тебе это? – как-то спросил я её.

– А я про тебя, когда буду на «пензии», мемуар напишу, – почти серьёзно ответила она.

И ещё, хоть и во сне, я всё же чувствовал, что стройные ноги Анны значительно длиннее моих. Впрочем, ни разница в росте, ни в возрасте, не казались нам в те дивные минуты чем-то существенным, способным как-то образом повлиять на наши отношения.

А потом, после первой сентябрьской недели, проведённой вдвоём, во время которой она не раз шутила: «Если не можешь жениться на мне, то хотя бы удочери, чтобы нам не надо было расставаться».

А затем она уехала, и я остался один.

Чего-чего, а одиночества у меня в последнее время всегда бывало в избытке. Были, конечно, и частые звонки и длинные эсэмэски, приходившие от неё по нескольку раз в день. Но разве всё это, даже голос, могут заменить присутствие близкого человека?

А когда в начале октября мы встретились в городе, всё было уже как-то не так. По-другому. И я вдруг понял, что та неистовая недельная гроза, закружившая нас на даче в тёплые сентябрьские дни, когда казалось, что вот она – «Осень на двоих» в чистом виде, как это прекрасно описано в очень светлой и лиричной повести ещё одного нашего не очень дальнего соседа по даче Владимира Жемчужникова, ушла куда-то. Как уходит по громоотводу в землю электрический заряд, исчезая там бесследно. И никаких больше искр между нами, ни от соприкосновения рук, ни от соприкосновения губ, не возникало. И губы и руки будто омертвели и уже не принадлежали нам.

«Что-то кончилось...» – это уже рассказ Хемингуэя, который так точно сумел описать даже не увядание, а внезапное, ничем не объяснимое порою исчезновение любви. Или пусть даже влюблённости, уходящей навсегда в никуда...

Анна всё никак не могла определиться со своей прежней привязанностью к женатому человеку, о котором я узнал, уже вернувшись в город. И когда звонила, говорила:

– Понимаешь, я не могу его выкинуть из сердца. А он не может расстаться с женой, потому что она стала калекой после автомобильной катастрофы, когда за рулём был он. И с тобой я тоже не могу и не хочу расставаться, – уже начинала она разводить очередную мокрень. И мне порою казалось, что её слёзы, так они были каждый раз неостановимы и обильны, вот-вот начнут ка-

пать из трубки моего домашнего телефона и замочат мне ухо. – Я тебе очень благодарна за ту чудесную неделю на Байкале. Я даже думала, что она окончательно излечила меня от моей ненормальной любви...

Однако быть лекарством от любви, пусть даже сильнодействующим, мне не хотелось.

К тому же во время наших нечастых встреч теперь Анна стала воспринимать себя порою по отношению ко мне неким бесценным, очень капризным и очень дорогим к тому же подарком. Но драгоценных подарков я, во-первых, ни у кого не просил. Даже у Судьбы. А во-вторых, драгоценностей я не люблю. Может быть, поэтому вскоре Анна стала для меня, как все. Вернее, как многие мои знакомые, долгие или не очень. И с трудом уже верилось в то, что была и страсть, и влюблённость, и нежность (именно в такой последовательности). Хватило всего нескольких эпизодов и нескольких встреч в этом осеннем стылом городе, чтобы всё предыдущее развеялось и улетучилось, как дым.

И теперь, разговаривая с ней по мобильному телефону, я её именно так и воспринимал. Как свою приятельницу, не более того.

– Нет, Аня, не получится, – ответил я уже окончательно на её настойчивый, несколько раз произнесённый до этого вопрос: «Смогут ли они у меня остановиться?» – Ко мне должны приехать гости, с которыми мы договорились заранее, – соврал я.

– Жаль, – обескуражено и как-то беспомощно, что так было не свойственно ей, ответила она. – У тебя там на горе так здорово. Такой вид чудесный. Придётся в гостинице в посёлке устраиваться. Где кругом: коровы, коровьи лепёхи с соответствующими запахами, собаки, грязь и люди...

Людей она поставила в конце своего перечня. После коров, собак, «лепёх» и даже грязи. Ибо только человек может так нагадить другому человеку, что никакому животному и не додуматься.

– А у меня сегодня день рождения, – не очень весело сказала Анна, когда мы после службы вышли из храма и остановились неподалёку от него, пока её подруги, задержавшись в свечной лавке, покупали там какие-то книги. – И хотя ещё очередной прожитый год это не повод для веселья, но тебя я видеть рада. Буду считать, что это мне подарок ко дню рождения. А то могли бы ведь и не встретиться вовсе.

В тоне её голоса, во взгляде, в кротком поведении проклюнулось что-то от той, прежней Анны. И я, испугавшись этого наваждения, узнавания её желанной и любимой, чуть грубовато спросил:

– И сколько же тебе стукнуло, если не секрет?

– Посчитай. Ты старше меня на двадцать три года. Когда я родилась – ты уже закончил институт. Впрочем, мне ещё «не стукнуло», как ты выразился, потому что я родилась в двенадцать часов дня.

Мысленно я подсчитал, что ей, значит, сорок лет. А вслух, стараясь быть непринуждённым и весёлым, сказал:

– О, сударыня, значит вам не менее ста лет! Ибо я уже такой древний.

– Обидеть хочешь? Или так, беззлобно, шутикуешь? – совсем не раздражённо, а скорее устало спросила Анна.

– Комплимент хотел сделать, – ответил я. – Поскольку после ста – уже вечность. А для вечности ты весьма неплохо выглядишь.

– Когда-то ты говорил, что я выгляжу очень хорошо и даже сногсшибательно.

– Ну, когда-то... Мало ли что было когда-то....

– А ты не меняешься, – внимательно взглянув на меня, сказала Анна. – Всё такой же.

– Какой?

– Загорелый. Мускулистый. Веселый. Глаза блестят и голубеют.

Не знаю, говорила ли Анна правду. Сама она, надо сказать, за то время, что мы не виделись, изменилась. И, увы, не в лучшую сторону.

В углах рта появились скорбные складки. Бездонный, как казалось прежде, омут зелёных глаз уже не был опасен и не выглядел таким уж бездонным, словно обмелел. И в эти обмелевшие глаза теперь не страшно было заглянуть. И ещё, чувствовалась в ней некая преждевременная усталость, словно мы с ней обменялись возрастом.

– А ты, Аня, что-то не важно выглядишь, – с искренним сочувствием сказал я. – Работы много?

– Много. Причём часто бестолковой, совсем ненужной, – с каким-то безразличием ответила она. – Но, впрочем, наверное, дело не в этом. А в том, что радости жизни не стало. Вот в чём беда... Послушай! – вдруг оживилась она, – сегодня ведь макушка лета, его середина, некий, так сказать, Рубикон. А «лето – эта маленькая жизнь», как поётся в песне Олега Митяева. У нас есть вкусная еда, вино. Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы отметим мой день рождения у тебя? Не хочется, понимаешь, устраивать праздничный обед в гостинице с видом из окна на неказистые деревенские сараи и общественный туалет. Тем более что ты сказал, что к тебе никто не приехал. Посуду мы потом всю перемоем и всё приберём, не беспокойся, – поспешно проговорила Анна, по-видимому, уловив в моём лице недовольство.

– А я и не беспокоюсь. Я вообще в последнее время стараюсь ничем особо не озадачиваться, – ответил я. – Но, увы, при всём моём желании, собраться у меня не получится. Потому что в час дня мы собираемся у моего соседа Евгения Яковлевича Серебрянникова отметить 110-летний юбилей Сергея Яковлевича Лемешева. Если ты с ним договоришься о своей компании – присоединяйтесь. Думаю, он возражать не будет.

– А ты не смог бы с ним поговорить?

– Нет. Это ведь не моя территория...

31 июля 2012 года. Вторник. Порт Байкал. 10.50.

– ...Ты как будто сердиться на меня за что-то, – задумчиво проговорила Анна. Раздражённо махнув рукой своим спутницам, уже вышедшим из храма и какое-то время стоящим в некотором отдалении от нас на зелёной заросшей душистой аптечной ромашкой дорожке, ведущей в деревню, и всем своим видом словно показывающим, как им надоело ждать Анну. И взмах её руки, в данном случае, мог означать только одно: «Идите. Я догоню». – Я вроде бы этого не заслужила, – увидев, как её подруги побрели вниз, вновь обернувшись ко мне она.

– Аня, ты очень славная девушка. И поверь, я к тебе совсем неплохо отношусь. Но я больше не люблю тебя, вот в чём дело. Впрочем, как и ты меня, наверное. Следовательно, – я старался говорить искренне, – не стоит больше

блуждать в саду былых сновидений, в котором нам обоим было когда-то хорошо. Всё в прошлом, в мире иллюзий. Причём, надеюсь, что утраченных.

– А я сегодня с утра творчеством занималась, – словно не слушая меня и глядя теперь на синюю ширь Байкала, снова невесело проговорила Анна, достав из кармана лёгонькой куртки и передавая мне сложенный вчетверо традиционный листок бумаги. – Пообещай только, что прочтёшь, что там написано, когда мы уедем?

– Обещаю. И даже, как юный пионер, торжественно клянусь! – попробовал я хоть немного разрядить обстановку. – Ну, я пошёл. Мне ещё надо до визита к Женьке успеть супчик какой-никакой сварганить.

– Пойдём вместе. Попробую переговорить с твоим соседом.

У крыльца моего дома мы расстались. Анна пошла дальше, а я вошёл в дом.

Готовя на веранде супчик на завтра и послезавтра и... в общем, на сколько хватит, я увидел в своё «телеокно», как через короткое время, возвращаясь от Женьки, Анна перешла с его участка на мой (между нами нет забора), собрала на небольшой полянке крохотный букетик ромашек и, подойдя к веранде, постучала сухой веткой в высокое окно, до которого рукой было не достать.

Я вышел на крыльцо.

– С Евгением Яковлевичем мы обо всём договорились. Так что наша компания присоединяется к вам, – доложила Анна.

– Хорошо. Значит, ещё увидимся, – бодро ответил я.

– Это тебе, – протянула она букетик из нескольких ромашек.

– Почему мне? – удивился я. – День рождения ведь не у меня.

– Да ты посмотри, какие они красивые! – проговорила Анна.

«Вот именно. И не стоило их рвать. Пусть бы себе росли», – подумал я.

– На них, кстати, можно погадать, – продолжила она.

– Положи вон там, – показал я на две доски, служащие мне верстаком. – У меня сейчас руки грязные. Только что картошку мыл, а она вся в присохшей глине, – объяснил я Анне.

Она положила ромашки на край доски и, опустив голову, побрела по тропинке к калитке.

После весёлого, более чем трёхчасового застолья у Евгения Анна, её спутницы и Женина «тётя», оказавшаяся очень славной, спокойной женщиной, отправились на паром. Женька изъявил желание их проводить, попросив нас с Сашей дожидаться его «для продолжения банкета».

– Тем более, у меня для вас есть сюрприз, – сказал он, заговорщицки улынувшись.

После отбытия всей компании мы с Сашей уселись в раскладные кресла на большой открытой веранде (благо, что дождь в очередной раз прекратился) и, лениво переговариваясь о том о сём, стали любоваться чудесным видом на Байкал, его ближайшими и дальними мысами, сейчас курящимися, будто печи в ненастье в деревне, когда из труб почти всех домов поднимается белый дым.

– А я сегодня перед обедом по областному радио в рубрике «Минуты поэзии» стихи твои слышал. Хорошие стихи, – неспешно, с паузами, проговорил Саша, всё так же неотрывно глядя на Байкал. – И стих об Анне – я сразу понял о ком.

– О ком? – с ленцой спросил я.

– Ну, ясно дело, о сегодняшней Анне, Снегирёвой. Я же помню, как у вас тут два года назад всё захороводилось. Светились оба, как свежеиспечённые блины. Это потом уже, позже между вами какая-то чёрная кошка, похоже, пробежала.

– Нет, Саша, ты ошибся. Этот стих был написан очень давно. Ещё в прошлом веке, в Германии. И когда я писал его, я думал не об Анне Снегирёвой, а об Анне Невзоровой, моей давнишней доброй приятельнице, работающей тогда на областном радио. И с которой у меня никогда и ничего в амурном плане не было. Да ты и сам её знаешь. Ты ведь у неё в программе на радио тоже записывался, как мне помнится.

– Да, – ответил Саша, – было дело. И, немного помолчав, добавил. – А наизусть это стихотворение не помнишь? Прочти, если помнишь.

– Попробую, – не стал я ломаться. Тем более что многие свои стихи я действительно знаю наизусть:

Дни поздней осени туманны...
(И смуглы, аж до черноты).
И у моей подруги Анны
Сквозят осенние черты.

И в сумерках – из фиолета –
Я с грустью припомню вновь,
Как ярко полыхнуло лето,
Мгновенна как была любовь.

Осенняя моя подруга...
На кухне с Анной пьем чай.
Она мне – про любовь, про друга...
Я ей – про беды про свои...

И вдруг, галантно распрощавшись,
Я в темь шагну. Исчезнув вновь.
Шепча под нос себе сонеты,
Про нереальную любовь.

Но, сам себе противореча, –
Я буду ночью вспоминать:
Как светел локон. Смуглы плечи.
Как широка её кровать!

– Да, – снова проговорил Саша, будто нехотя, когда я, не торопясь, с некоторой даже ленцой и хрипотцой в голосе, прочёл этот стих. – Наверное, неосуществлённая любовь – самая лучшая, – сделал он неожиданный вывод. И мы оба в очередной раз надолго замолчали.

Однако вскоре наше затянувшееся, но не тягостное, впрочем, молчание, когда каждый думает о чём-то своём, может быть, сокровенном, прервал, вернувшийся примерно через час после его ухода со всей компанией, разбурьяненный от быстрой ходьбы и подъёма на нашу горку Женька. Весело улыбаясь и потирая руки, он предложил:

– Ну что, мужики, на троих?!

Он быстро прошёл в дом, и мы последовали за ним. Во-первых, потому что немного продрогли от почти часового сидения на открытой всем ветрам веранде, а во-вторых, потому что стал снова накрапывать дождь.

Откуда-то из шкафа за печкой Женька извлёк наполовину недопитую бутылку рома.

Мы, не торопясь, за разговорами, выпили по несколько рюмок действительно очень хорошего, привезённого с Филиппин нашим радушным хозяином, рома. Почти доели оставшиеся салаты и картошку. Посудачили всласть и об уехавших дамах, каждая из которых была по-своему, хоть чем-то, хороша...

Расстались мы уже под вечер. И когда я вернулся к себе, вспомнил про записку Анны. Достал из кармана рубашки сложенный вчетверо листок бумаги и, сидя у окна на веранде, прочёл:

«Иркутская область. Порт Байкал, жара, июль...

Какой красивый и дивный уголок природы! И здесь из-под пера писателя Владимира Максимова выходят в жизнь его рассказы и стихи! *(После прочтения этих строк мне сделалось как-то неловко, будто мне льстили прямо в глаза. Но потом я подумал что, может быть, она тоже успела услышать передачу «Минуты поэзии» и решила, что стих про Анну написан о ней. И это раззадорило её на написание подобной записки).* В них всё: и боль, и радость, и вечная любовь. *(Какое заблуждение! Не бывает никакой вечной любви. И никогда не было. И если женщина – или мужчина – говорит вам, что будет любить вечно – это означает только то, что он – она – будут любить вас, пока будут любить).* Любовь к человеку, к травинке, к собаке. *(Это явно об украденной нынешней зимой, пока он был на Филиппинах, Женькиной собаке Асе, «хозяйке горы», которая присутствует во многих моих рассказах).* И как у него хватает её на всех?! А очень просто: любить только себя – грех. Свет и доброта нашего поэта – залог настоящего таланта и успеха!

15 июля 2012 года. Воскресенье. Анна С».

Дочитывал я записку уже с таким чувством, будто она была написана не обо мне, а о ком-то постороннем, незнакомом и, в общем-то, не очень симпатичном стереотипном человеке.

«Ну, что ж. Излишне восторженно, на мой взгляд. Во многом, пожалуй, неточно. Но, может быть, искренне. Тогда это извиняет автора», – подумал я, положив записку на стопку бумаг, предназначенных для будущих, ещё не начатых литературных произведений. Тем более что нынешний рассказ, подходящий уже к логическому завершению, я надеялся закончить к концу недели. Чтобы с понедельника приняться за новую вещь, надеясь написать за дачный сезон хотя бы три рассказа.

Один, с условным названием «Экзамен по научному коммунизму», я здесь уже написал. А этот – «Живая душа» – с самого начала пробуксовывал и двинулся только с третьего раза. Измотав меня. И я отчего-то вспомнил, как сын, когда я уже приехал сюда, дождавшись в городе, пока они с женой вернутся с острова Ольхон на Байкале, куда они отправились с друзьями дня через два после Диминой свадьбы, позвонил и сказал, что они со Светой привезут мне Рыжика. Карся Каземирыча, потому что теперь уже они отправляются в Таиланд, в свадебное путешествие, тоже на какой-то остров, но совсем безлюдный и крохотный.

Вспоминая это, я вспомнил вдруг и про ромашки Анны. Вышел на улицу и увидел, что они за прошедшие два дня совсем завяли...

Фрагмент из написанного ранее, который можно было назвать: «Новелла о рундуке».

Я пишу за круглым столом на веранде, а Карасик спит себе безмятежно на мягкой подстилке на рундуке метрах в двух от меня...

На этом рундуке в своё время (это было ещё при Наташе), наверное, лет семь назад, спала хорошая знакомая моих друзей, славист и переводчик из Швейцарии, приехавшая к нам с ними. И сразу же облюбовавшая именно это спальное место.

— Он широкий и твёрдый. Как раз то, что нужно для моей спины, — объяснила она свой выбор.

И когда я по утрам заваривал на веранде кофе, мы обычно вели с Шан, а именно так звали нашу гостью, литературные беседы. Она просыпалась раньше меня. И выходя на веранду, я видел, что занавеска, отделяющая рундук, уже откинута и Шан, умытая и причёсанная, сидит за столом с книжкой Льва Николаевича Толстого.

Кажется, это были «Севастопольские рассказы».

Шан вообще считала, и это было её твёрдое убеждение, что в России существовало, и доныне существует, только два писателя — Лев Толстой и Фёдор Достоевский. Все другие — просто лишние. Ведь всё, что требовалось сказать о жизни, да и о смерти тоже (вспомните «Смерть Ивана Ильича» Толстого) эти двое уже сказали. А большего ничего для познания мира и себя в нём человеку и не надо.

Может быть, поэтому, отгостив на Байкале неделю (наши общие друзья только привезли Шан к нам, вернувшись в тот же день в Иркутск; теперь они пообещали встретить её у причала парома на той стороне), она перед самым отъездом деликатно, но всё же с плохо скрываемой брезгливостью попросила меня подарить ей какую-нибудь мою книгу.

— Возможно, я что-то смогу перевести, — словно извиняясь за свою брезгливую гримасу, скрыть которую ей не удалось, примирительно сказала она. — Но не обещаю, наверное, быстро, — поспешно добавила Шан, поймав мой ироничный взгляд.

Я подарил ей «В то лето...». Подзаголовок книги был: «Повествования прошлого века», речь в ней шла о веке двадцатом. И уверен, что книга эта, скорее всего, даже не доехала до Швейцарии. А если и доехала, то стоит или лежит где-нибудь на полке в кухне, между банками с какой-нибудь диковинной снедью. И не потому, что книга плоха, а потому что это Максимов, а не Толстой или Достоевский.

Хотя книга не просто не плоха, она получилась, на мой взгляд, даже очень хорошей. Может быть, поэтому её тираж в тысячу экземпляров, в наше-то не читающее время, всё-таки разошёлся за три месяца. И в ней есть несколько очень достойных, дорогих мне рассказов. Да и повесть «Мы никогда уже не будем молодыми» хороша.

Впрочем, я на свой счёт особых иллюзий не питаю. И, возможно, именно поэтому в один из вечеров, когда мы ужинали с Шан на веранде вдвоём, запивая еду (яичницу поджаренную с сосисками) красным вином, перелитым

мной из тетрапака в графин, на её вопрос, являюсь ли я известным в России писателем, я искренне, с долей горькой иронии, впрочем, (ибо люди почти перестали, увы, читать книги) ответил, что я «широко известен в узких кругах моих единичных читателей».

Шан наморщила лоб, поскольку даже для неё, прекрасно владеющей русским языком, этот каламбур был, пожалуй, всё же, сложноват. И чтобы объяснить ей сказанное попроще, мне пришлось продолжить:

– Мир, как известно, мал, а Россия велика. Поэтому при нынешних небольших тиражах книг и очень немногочисленных читателях о всероссийской известности речи быть не может почти ни у кого из пишущей братии. Особенно если литератор живёт в провинции. Именно поэтому я более-менее известен здесь у нас, в Сибири. И, судя по всему, совершенно неизвестен за её пределами.

Но, по-видимому, и это объяснение было для неё не совсем простым. Особенно: «Мир мал – Россия велика». Потому что она выслушала меня как-то отстранённо, не улыбаясь, сдвинув брови к переносице. И я не уверен, что она до конца поняла меня.

Молча запив мои разглагольствования несколькими хорошими глотками вина, она только и сказала «угу», а поставив бокал на стол, добавила. – Вино хорошее. Испанское? Чилийское?

– Российское. Краснодарский край...

А года два назад (Наташи уже не было) на этом рундуке снова спала дама, только теперь не из Швейцарии, а из Питера. И снова знакомая наших знакомых. Правда, на сей раз рундук был облюбован ею не из-за проблем с позвоночником, а из-за проблем с избыточным весом. И нежеланием в связи с этим подниматься по лестнице в гостевые комнаты. Хотя во время её приезда одна из них была свободна.

1 августа 2012 года. Среда, Порт Байкал. 9.40.

Наступило моё любимое время. Месяц Цезаря – август, как сказал о нём, кажется, Мандельштам.

За окном веранды туман. Из шести моих нижних (поскольку рама веранды разделена ещё и одной горизонтальной перегородкой, посередине) «телевизионных» каналов (на шести верхних, симметричных нижним, всегда только небо и вершины зелёных летом и таких разноцветных осенью гор) показывает поэтому только один. Первый. Виден бок Женькиного дома, отстоящий от моего шагов на пятьдесят, и – сарай, гараж, баня – всё под одной крышей, но с разными высотами.

И сегодня ночью, когда я по малой надобности выходил из дома на крыльцо, было тоже туманно и тепло. Туман полноводной рекой, или вылезшим из горшка великана тестом, медленно и плавно плыл по дороге и над ней, заполняя всё пространство этого нашего маленького каньона. И с другого берега этой белой реки высвечивали в ночи размытым светом три янтарных квадрата окон ближней ко мне дачи Галины Алексеевны Николаевой. Да ещё на нашей полянке у дома светил в непричёсанных космах тумана, будто живой светлячок, фонарь на солнечных батареях, привезённый в своё время на дачу Наташей.

И потом, когда я вернулся в дом и снова уснул, мне приснилась Наташа. И мы что-то делали с ней вместе. Кажется, читали. Как это частенько бывало при нашей неторопливой жизни здесь, на даче.

Если погода позволяла, мы после ужина выходили на открытую веранду перед крыльцом и, сидя на раскладных стульях, читали там. А если дни были уже не такие длинные или моросил дождь, мы читали и обсуждали прочитанное за круглым столом на веранде. Боже, какие это были счастливые, как я сейчас понимаю, минуты...

Однако пора вернуться к нашей гостье из Петербурга.

— Мне туда, наверх лезть не с руки при моих-то габаритах, — пояснила она своё решение устроиться на рундуке. — Да и вряд ли я смогу протиснуться в ваш люк, — добавила она, критически взглянув наверх и поставив свои дорожные сумки рядом с рундуком, под лестницей, ведущей на второй этаж. А меня её слова о протискивании в люк натолкнули на воспоминание о том, как, действительно, однажды художник Лев Борисович Гимов, тоже летом живущий на своей даче в Порту, решил написать мой портрет «за работой» (а писал я тогда до обеда, уж не помню почему, в свободной комнате на втором этаже), даже не попытался протиснуть в этот люк приготовленный им и натянутый на раму внушительных размеров холст. Пришлось его на второй этаж транспортировать через окно, с улицы, подставив лестницу. — А здесь, на веранде, хорошо. Просторно, прохладно... — продолжила дама из Питера обосновывать выбор ею данного места отдыха. — Дайте мне только что-нибудь свое новенькое, если есть, почитать. Мне Софья Михайловна (Соня Ефремова — для близких друзей. Софья Михайловна — для студентов ЛГУ и всех остальных. Ныне уже, впрочем, не Ленинградского, а Санкт-Петербургского государственного университета, доктор биологических наук. Моя добрая приятельница аж с 70-х годов прошлого века, когда я тоже занимался наукой и учился в аспирантуре Зоологического института в Ленинграде) давала в Питере некоторые ваши произведения почитать. Мне они понравились. Есть в них и искренность, и доброта, и чистота. Редкие для нынешней литературы качества. Я даже в гимназии у нас, которую основал, кстати, не кто-нибудь, а сам Жорес Алфёров (крупный учёный, физик, лауреат Нобелевской премии), некоторые ваши рассказы с ребятами разбираю. И похоже, они им тоже нравятся. Особенно вот эти две вещи: «За шторой с этой стороны...» и «Морозный поцелуй». Может быть, оттого, что герои в этих рассказах очень молодые, их ровесники по существу.

Я дал ей свою крайнюю на тот момент и очень горькую для меня книгу «Куда всё это исчезает?...», выпущенную к 18 апреля 2010 года, к первой годовщине ухода в мир иной жены моей Наташи.

В книгу были включены повести и рассказы, как-то связанные с нашей семьёй, из уже вышедших ранее книг. Например, повесть «Пристань души», в которой рассказывалось, как мы с двадцатимесячным сыном Димой предприняли поездку по осеннему Байкалу на моторной лодке нашего приятеля Вити Егорова... Были и новые рассказы, написанные ещё при Наташе и, в какой-то мере, о ней. Такие как «Фонарь на солнечных батареях»... Было там и эссе «Прости, прощай...», написанное уже после жизни Наташи здесь на Земле. (Я верю, что она живёт и ждёт меня где-то там, на небесах, в неведомых нам

сферах. Ибо человек всегда получает именно то, во что он свято верит. А она в бессмертие души верила).

На этом, написанные прежде, варианты рассказа заканчивались следующей записью о начале работы над рассказом:

«16 июля. 12.30. За два с половиной часа я написал более трёх рукописных страниц! Невиданные для меня темпы.

Дождь уже почти перестал. И лишь редкие, кажется, большие и твёрдые, как горошины, капли изредка ударяют по железу крыши. К дымку, поднимающемуся из трубы Женькиного камина, присоединился клочками витающий белый туман закурившихся близких зелёных гор, лениво отделяющийся от мокрых, изумрудного цвета, полукруглых вершин деревьев.

Ну, что ж, продолжу завтра ткать повествования нить с неведомым доселе мне сюжетом».

Ну вот, а сейчас я пишу уже на 53-й странице. И тоже, до сих пор, не знаю точно, что же у меня, в конце концов, получится.

А потом, после написания вещи, будет первая вычитка. Потом переписывание вычитанного текста набело. Введение чистового и ещё раз вычитанного текста в компьютер (прежде компьютер заменяла печатная машинка «Унис де люкс» или попросту «моя Унис», купленная в Москве на первый приличный гонорар). Вычитка и правка введенного текста, уже в компьютере. Распечатка вычитанного текста на бумаге. Вычитка распечатки, правка. И тогда, может быть, если удастся вложить в слова то, что я чувствую, получится рассказ. То есть, что-то вечное. Или хотя бы достаточно долговечное, интересное не только мне и моим знакомым, но и совершенно незнакомым людям. Поскольку в этом рассказе будет тогда отражено живое время, уже исчезнувшего в никуда високосного года, третьего тысячелетия, с его сиюминутностями и размышлениями о темах вечных: душе, жизни, смерти, любви, утрате или не утрате иллюзий и поисках утраченного времени...

А потом надо будет у неведомых и часто почти недостижимых гипотетических спонсоров изловчиться добыть денег, убедив их в том, что литература ещё кому-то нужна. И если повезёт, то можно будет издать книгу, состоящую из новых, никому ещё неведомых рассказов. На написание которых, впрочем, уйдёт ещё года два-три. После чего и этот рассказ, и другие, доселе пока ненаписанные, а только вызревающие где-то в глубине души, возможно, прочтёшь и ты, мой неведомый читатель...

Продолжу завтра. Надо идти в магазин. У Карасишки закончился минтай. Да и время уже 11.30. Пишу почти два часа. Устал.

2 августа 2012 года. Четверг. Порт Байкал. 10 часов утра. Туманное утро. Или как там у Ивана Сергеевича Тургенева: «Утро туманное, утро седое...»

Да, как и вчера, туман как будто поглотил не только окрестности, но и звуки.

Не слышно птиц, кузнечиков. Всё словно спряталось и замерло в ожидании чего-то.

Из тумана шагах в десяти от веранды выглядывает, с крупными бриллиантовыми каплями на иглах, вершинка невысокой пушистой сосёнки. И от этой игольчатой зелёной пушистости, унизированной сверкающими чистыми каплями, на душе становится как-то тепло и спокойно, и даже радостно, несмотря на то, что сегодня день рождения мамы, которой уже девять лет нет на этом свете. И я помню, как здесь на даче, готовя сборник стихов «Памяти солнечный зайчик», написал второго августа первые строки будущего стихотворения: «Мамин день рождения, без мамы, я уже второй встречаю раз. Попросив у Господа покоя для души её. И памяти – для нас...»

Мама умерла 11 апреля 2003 года. Ей было 77 лет, а мне 55. Но, как горько, помню, плакалось. И каким виноватым, из-за того, что бывал порою с ней небрежен, груб, невнимателен, чувствовал я себя. И эти обильные слёзы, конечно, очищающие душу, помочь уже, увы, ничем не могли...

А вот молилось сегодня за усопших с утра очень хорошо. Не формально, как бывает иногда. И как-то очень светло. Ведь души их нуждаются в наших молитвах.

А ещё сегодня 82-я годовщина воздушно-десантных войск (это я из новостей по радио сведения почерпнул). И день Ильи или Илии – пророка. Значит, почти обязательно будет дождь. Ну и пусть!

И ещё отчего-то (из-за тумана, наверное) с утра вспоминается Беломорье.

Так же вот, помнится, как моя сосёнка, выглядывала вершина тёмно-зелёной ели, растущей среди огромных валунов недалеко от домика, где я тогда жил летом на Беломорской биологической станции Зоологического института.

И ещё отчего-то припомнилось, как я играл на этой биостанции в бильярд... с вороной. Её там никто не гонял, кроме собак сторожа финна, которые, впрочем, обычно сидели на привязи у его домика, стоящего недалеко от причала. И поэтому ворона почти перестала бояться людей.

Большой бильярдный стол с выцветшим от солнца зелёным сукном стоял под навесом, на открытой просторной веранде, в нескольких десятках шагов за столовой, почти на краю биостанции. И на этой веранде отчего-то было всегда пустынно. И мне это нравилось – отсутствие людей. Я приходил туда в свободное от опытов время поразмышлять в тиши. А заодно и погонять большие желтоватые (тоже ставшие таковыми от солнца) бильярдные шары, оттачивая меткость удара и глазомер. И как только раздавались первые удары кия по шару, неведь откуда прилетала ворона. Кося недоверчивой чёрной бусинкой глаза в сторону кия, она сначала садилась на доходящий до пояса бортик веранды. А через какое-то время перебиралась на бортик стола, крепко держась за него своими лапами с длинными когтями и время от времени прохаживаясь по нему как-то боком туда-сюда.

Она всегда с нескрываемым интересом наблюдала за движением шара по выцветшему сукну стола. А когда шар падал в лузу, неуклюже переступая лапами, добиралась до сетки, в которую он свалился, и с недовольным видом, будто даже побряхтывая, очень стараясь, тянула клювом сетку вверх до тех пор, пока шар снова не выкатывался на стол. В этот момент она довольно крикала, вытягивая шею, и продолжала внимательно следить за игрой.

И всё начиналось сначала. Поэтому выиграть у этой вороны было невозможно.

И там, за бортиком веранды, ели тоже стояли в белых юбочках из тумана.

И ещё вспомнилась биостанция Ленинградского университета, которая была значительно бедней нашей и размещалась в бараках бывшего рыболовецкого колхоза на одном из ближайших к нашему мысу Картеш островов. Помню, что у университетской биостанции тогда не было даже электричества. И, приезжая туда, ты как будто бы попадал из века двадцатого в век девятнадцатый. Поэтому вечерами в одной из комнат на втором этаже огромного барака из почерневших брёвен с длинным гулким коридором мы (я, аспирант Зоологического института; Соня Ефремова, тогда ещё молодой, подающий надежды, кандидат наук, и её весёлая студентка Наташа) собирались на общей кухне, в которую выходили двери двух комнат, занимаемых в этом бараке нами. В одной жили Соня с Наташей, в другой – я.

Нажарив, с картошечкой, белых грибов, собранных недалеко от дома, мы садились ужинать при свете керосиновой лампы. Соня доставала из шкафчика пузатенькую, из прозрачного стекла, колбочку с разведённым спиртом, настоящим, кажется, на можжевельнике. Отчего цвет у этого крепкого напитка был зеленоватый. Металлические рюмочки у нас были очень маленькие. И за время ужина мы могли выпить по две-три рюмки в прямом смысле этого слова зелёного зелья.

А после ужина, будто находясь внутри большого тёплого жёлтого шара света от керосиновой лампы, Соня читала нам вслух, медленно переводя с французского, какую-нибудь новую повесть Франсуазы Саган или Анри Труайя, ещё не переведённую на русский язык даже журналом «Иностранная литература».

Помню, что Франсуаза мне нравилась гораздо больше. А Соня с Наташей нравились вообще. Тем более что на острове нас было только трое. Да ещё штук пять закрытых на всякие замки бараков. И как говорил поэт, да ещё при моей-то ветрености, «я мог бы запросто влюбиться, но...» Но я уже был нешуточно влюблён. И не далее как несколько дней назад, в «почтовый день», перед тем, как отправиться на университетскую биостанцию на вёсельной лодке, для заранее согласованных с шефом совместных работ, получил от любимой девушки очень нежное письмо, заканчивающееся словами: «Где ты пропадаешь? И зачем?» И если на вопрос «где?» я мог ответить достаточно точно, то на вопрос «зачем?» – вряд ли. Потому что это уже философский вопрос. А на философские вопросы отвечать всегда не просто. Слишком много в них разных нюансов.

Воспоминания цепляются одно за другое, как звенья цепи. И эту цепь из воспоминаний о ранее прожитом можно вытягивать, кажется, до бесконечности. Поэтому вернёмся всё же к нашей гостье из Питера.

Когда я утром, попытался тихонечко выйти на веранду, дверные петли дома противно и протяжно заскрипели, и я в очередной раз вспомнил о том, что собирался их смазать ещё несколько дней назад. Осторожно прикрыв второй раз проскрипевшую дверь, я уловил за шторой, отделяющей рундук, какое-то шевеление.

– Извините, я вас, кажется, разбудил? – проговорил я в сторону шторы. – Всё забываю смазать в доме дверные петли. Вот они и скрипят, как ненастроенная скрипка.

– Вы меня не разбудили, Владимир Павлович. Я не спала. Я почти всю ночь читала вашу книгу. Правда, дочитать всё же не успела.

Через минуту из-за шторы, с всклокоченными волосами и в каком-то цветистом халате, появилась наша гостья. Не помню, как её звали. Летом у нас на даче, особенно при Наташе, всегда бывало много гостей отовсюду. Да и без Наташи какое-то время было так же. Инерция приездов знакомых, малознакомых, совсем незнакомых, но знакомых наших друзей сохранялась ещё долго. Поэтому для простоты повествования назовём гостью Елена Ивановна.

– Я сейчас умоюсь, приведу себя в порядок и буду с вами разговоры говорить за чашкой кофе, – решительно произнесла она. – Вы ведь кофе собирались пить?

– И завтракать, – ответил я.

– Вот и хорошо. Вместе позавтракаем. У меня есть отличный, намолотый из зёрен, кофе и сыр.

Вернувшись на веранду (поскольку умывальник летом, а прочие удобства – круглогодично у нас на улице), розовощёкая, причёсанная, пышущая здоровьем и оптимизмом Елена Ивановна, положив на стол сыр и кофе, от которого по веранде распространялся дурманящее приятный аромат, решительно заявила:

– Владимир Павлович, я сегодня уезжаю. Книгу дочитать не успею, поскольку мне хочется ещё и окрестности осмотреть. Поэтому вы мне должны её подарить.

Меня особенно резануло слово «должны», поскольку не далее как вчера, побывав в посёлке, я дважды услышал почти то же самое. Сначала в магазине «У Жанны», где одна из её продавщиц, очень молоденькая симпатичная девушка с белозубой улыбкой и постоянным круглогодичным байкальским загаром, тоже попросила, вернее, как-то загадочно потребовала подарить ей книжку, «в которой есть рассказы про портовских».

– Мне наша билиотекарша, Оксана, об этом сказала, вы ведь им книжку подарили, что там много есть чего о наших жителях. Вот и мне стало интересно, вдруг там и про меня что-то написано, – кокетливо улыбнулась она, продолжая глядеть на меня доверчиво и просто своими синими глазами.

Я понял, что речь шла о книге «Предчувствие чудес», вышедшей в 2008 году у очень хорошего издателя Геннадия Сапронова. Именно эту книгу я и подарил некоторым своим здешним знакомым, прототипам героев повестей и рассказов. А также отдал по одному экземпляру в школьную и поселковую библиотеки. Тем более что большинство из этих рассказов и маленькая повесть «Такое вот Хироо...» были написаны в прежние годы (ещё при Наташе) здесь, в Порту. И многие местные жители в книжке действительно узнаваемы.

– Вера, подари мне батон колбасы и булку хлеба, – в тон весёлой продавщице ответил я.

Она искренне удивилась такому моему наглому предложению, даже не поняв, по-моему, почему я его сделал. Перестав улыбаться, она растерянно ответила:

– Я не могу. Это не моя колбаса, а Жаннина.

Чтобы не обижать славную, наивную девушку я примирительно сказал:

– Вот и я, Вера, тоже не могу подарить тебе книжку, хотя она и моя. Просто, во-первых, бесплатный труд безнравственен, а во-вторых, у меня её

здесь, на даче, нет. Если будешь в Иркутске, сможешь купить её в любом книжном магазине «Продалита». («Продалить» – сеть магазинов по всей области по продаже литературы). Они у меня несколько пачек брали. И, кажется, она вся ещё не разошлась. Тем более что стоит книга, которую я писал пять лет, не дороже килограмма колбасы.

– У! Так дорого! – изумилась Вера.

Ну что я мог ей на это ответить?

Приблизительно такой же диалог, правда, с благоприятным для меня исходом, состоялся у меня с едва знакомым, и уже (с утра!) «изрядно датым», местным рыбаком, когда я вышел из магазина и направился в фельдшерский пункт, вспомнив, что у меня на даче не обнаружилось лейкопластыря, который здесь всегда необходим.

– Ты слышь, Палыч, – тормознул меня рыбак недалеко от магазина. Сам он, по всей видимости, направлялся именно туда. – Книжку-то мне свою чё не даришь? Про наших коренных жителей (да, быстро по деревне разносятся вести). Да и про нас, рыбаков, чё-нибудь напиши! У нас ведь доля, ой, какая опасная. Можно сказать, каждый день по краю жизни ходим.

– Может быть, по краю бездны? – уточнил я. Ибо Байкал – это, несомненно, бездна, почти такая же, как Космос.

– Ну, бездны, один хрен, – легко согласился рыбак Коля, бывший моторист судна «Комсомолец Бурятии», ржавеющего теперь уже несколько лет у одной из причальных стенок Порты. – Ты же писатель? – уточнил он на всякий случай. – Я ведь книжку у тебя не просто так прошу. Я ведь её прочитай, – нараспев, по слогам, проговорил он последнее слово. А тебе за это рыбки дам. Омулька там, хариуса... Бартер, так сказать, – без запинки произнеся иностранное слово, закончил рыбак очень заманчивым для меня предложением.

Кстати, одну свою книгу в этом году я здесь, в Порту, уже сумел обменять на литр сухого красного, качественного, краснодарского вина «Каберне». Обмен произошёл с хозяйкой магазина «Ручеёк», расположенного по пади Баранчик, чуть выше его впадения в Байкал. Я ей книгу – она мне литр вина в тетрапаке.

Вдохновлённый предложением Коли, даже двумя заманчивыми (в самом деле, заманчивыми) предложениями, во-первых, о прочтении книги, а во-вторых, о том, что я смогу её обменять на несколько «хвостов» свежей байкальской рыбы, пообещав ему книгу выдать, я отправился в фельдшерский пункт.

Продав мне пачечку сантиметровой ширины лейкопластыря, фельдшерница, дама средних лет с усталым лицом, как и продавщица Вера, попросила меня подарить ей книжку «Предчувствие чудес». Причём, без какого либо бартера и оговорок.

Может быть, вспомнив эти два вчерашних предложения, я и ответил своей гостье не очень вежливо:

– Елена Ивановна, вот, если бы вы пришли, скажем, к художнику в мастерскую и попросили подарить вам понравившуюся картину, как вы думаете, чтобы он вам ответил?

И тут же, спохватившись и вспомнив наш уговор с сыном именно об этой книге «Куда всё это исчезает?..», я примирительно добавил. – Впрочем, я вам

её, конечно, подарю. Мы договорились с сыном о том, что кто не может эту книгу купить, но хочет её прочесть, в память о Наташе мы её дарим.

Кстати, Вере с фельдшерницей я, возвратившись на дачу, тоже решил в ближайшее время книги подарить. Просто их, действительно, в потребном количестве у меня сейчас не было.

– Я куплю, – поспешно отреагировала Елена Ивановна на мои слова о художнике и картине. – Сколько она стоит?

Мне почему-то всегда совестно называть цену книги, даже по её себестоимости. И чувствую я себя в этот момент каким-то крохобором. Но что же делать, если последние годы наш авторский гонорар издательства выдают писателям, как правило, их же произведениями.

– Двести рублей, – сказал я смущённо.

– Вот, – протянула она мне две тысячи, двумя бумажками...

3 августа 2012 года. Порт Байкал. Пятница. 9.50.

Ура, завтра баня! Конец трудной недели.

Третий день с утра и посёлок, и Байкал внизу скрыты туманом. А с обеда обычно солнечно. Мне нравится такая погода. Может быть, оттого, что пишется... Но вернёмся во вчера, к нашим товарно-денежным отношениям с питерской гостьей.

– Елена Ивановна, – ответил я. – Вы меня не поняли. Я сказал двести рублей, а не две тысячи.

– Берите, берите. Поверьте мне, книга того стоит, – по-прежнему протягивая деньги, проговорила она.

Спустившийся несколько минут назад, на запах кофе, со второго этажа мой шурин Саша, староста уже действующего, но всё ещё продолжающего строиться в Иркутске Петропавловского храма, гостивший в это время у нас с внуком Димой, с явным удовольствием попивая кофе, с весёлым любопытством наблюдал за нашим диалогом, превратившимся в затянувшуюся паузу.

– Но я не могу взять за книгу такие деньги. Это как-то неприлично, по моему, – не очень, впрочем, решительно сказал я.

– Тогда сделаем так, – опустила Елена Ивановна протянутую через стол белую пухлую руку с деньгами. – Брат вашей усопшей жены, которой и посвящена эта книга, кажется, старостой в каком-то храме служит? Вот ему мы деньги и отдадим, если вы не против? Как пожертвование от вас с сыном. И пусть он за упокой души вашей Натальи молится какое-то время. Сколько сам сочтёт нужным..

Она протянула деньги Саше. И он, чуть помедлив, и взглянув на меня, взял их. И отчего-то, не то крикнув, не то покряхтев немного, положил деньги в карман тёплой байковой в клеточку рубашки, поблагодарив Елену Ивановну словами: «Спаси Бог».

В тот же день после обеда Елена Ивановна отбыла.

А я, встретив днём Машу Николаеву, которая разрабатывала дизайн обложки этой книги, рассказал ей о невиданном «гонораре», полученном за нашу книгу от заезжей гостьи из Питера.

– Но ни тебе, Маша, ни себе я не могу из этого гонорара взять и десятки. Ибо весь он пошёл на пожертвование для строящегося храма, – объяснил я ей суть дела.

– Ну, что ж, хорошо, что на храм. И значит, хотя бы по одной песчинке добрых дел нам с вами, Владимир Павлович, прибавится, – улыбнулась Маша своей доброй, слегка застенчивой улыбкой.

И мне от её улыбки стало как-то очень легко и хорошо!

Ну вот, пожалуй, уже все неясные, как нынешний туман, новеллы, разграничить которые чётко невозможно, поскольку они сквозные, написаны. И нередко часть одной можно встретить в другой. Это как закрученная спираль ДНК, несущая всю информацию о человеке. Или, как крепкий канат, сотканный из отдельных нитей и жгутов.

Однако, на мой взгляд, в этом повествовании, тем не менее, ясно прослеживается несколько новелл, вошедших в него. О котёнке, неизвестной даме, известной даме, о Беломорье, о рундуке и его обитателях, о моей жене Наташе, о местном «телевидении», о последнем дне лета... И все они, хотя события многих из них отстоят от нынешних на годы, а порою и десятки лет, вправлены в раму современности. С её ежеминутными, часто на завтра забываемыми, событиями.

Не знаю, удалось ли мне сплести достаточно прочный канат, при помощи которого, как якорь из морских глубин, можно вытянуть утраченное время, судить уже не мне, а тебе, мой дорогой, и пока ещё, по-прежнему, гипотетический, читатель.

И ещё одно несущественное, а так к слову, добавление. Чтобы написать это повествование в новеллах, в 62 рукописных страницы, не считая черновых набросков и всевозможных вставок, порою составляющих по несколько отдельных страниц, мне понадобилось три шариковых ручки и полмесяца работы. И даже с учётом ещё предстоящей и, конечно, не быстрой работы над этим текстом, вроде бы не так уж много всего затрачено на эту вещь. Но к этому надо прибавить ещё и всю мою до сей минуты прожитую жизнь. Потому что без личного и подчас очень горького опыта и предельной искренности ни один хороший рассказ написан быть не может. А если и возможно это сделать (технически), то это будет рассказ человека, в лучшем случае, с душой, вычитанной из книг. А в худшем – с душой, высмотренной из телевизора или компьютера. То есть, это будет холодный, мёртвый текст, не трогающий никого. Поскольку живую душу будет в нём не отыскать.

А именно о живой душе мне и хотелось вам поведать, неведомые мои будущие читатели.

16 июля – 8 августа 2012 года, Порт Байкал.

Март – апрель 2013 года, Иркутск.

**Светлана
Волкова**

**ФЛИГЕЛЁК
С ЗОЛОТЫМИ ШАРАМИ**

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

За чугунной решеткой двора – флигелек. Под снежной шапкой крыши – горит огонек. Там бабушка Серафима с Никиткой Рождественский вертеп мастерят. Спит в яслях на соломе спеленутый младенец Христос. Его греют дыханием вол и осел. Горит над входом в пещеру, сияет звезда Вифлиемская. И три волхва – из дальних стран мудрецы – преклонили перед Младенцем колени.

Один Бальтазар, седобородый старик в колпаке звездочета. В алом тюрбане и вышитых золотом туфлях – Каспар. А третий, совсем молодой – Мельхиор, он в шапке и русском тулупчике. Так их Никитка нарисовал, а теперь вырезал из картона.

Светит во флигельке огонек, рыщет вокруг злая Вьюга, гнет сирень под окошком, рвет в клочья дым над трубой. Вдруг хлопнула форточкой, ворвалась и унесла в белесую мглу еще неукрепленные фигурки волхвов. Никитка следом, да где там! Не разглядеть ничего в снежной кутерьме.

– Никитка, вернись, – кричит ему бабушка, – оденься, да посмотри, нет ли почтальона, да в почтовый ящик загляни.

Никитка знает: бабушка ждет Приглашения. Каждый год оно к ней приходит, в красивом конверте. Приглашение на рождественский бал. А самое первое, уже пожелтевшее, хранится в бархатном альбоме, на конверте адрес – куда: улица Набережная, флигелек с золотыми шарами, кому: Каретовой Симочке. А на конверте и на билете самолетик в синем небе. Потому что бал в авиационном клубе устраивают.

Бабушка и парашютную вышку Никитке показывала, деревянную, потемневшую. Она высилась в парке среди черемух и яблонь.

– И ты прыгала с нее?

– Прыгала.

– А парашют, – с замиранием сердца спрашивал внук. – Где он?

– Из него, мы, девчонки, платьев нашили, шелковых.

Набросив шубейку, Никитка скатился по лестнице. Вьюга сразу набросилась на него. Он показал ей кулак, высунул нос за ограду, чтоб заглянуть в прибитый к калитке почтовый ящик. И замер, увидев идущих к нему трех незнакомцев.

– Вы... Вы почтальоны? – спросил оробевший Никитка, не разглядев сразу, что незнакомцы выглядят точь в точь, как им нарисованные Волхвы. В алом тюрбане, в колпаке звездочета и в белом тулупчике ... Все трое переглянулись:

– И так можно сказать. Мы шли за Звездой и несли людям весть, что родился Спаситель.

– Бабушка, – влетел мальчик в дом, – там почтальоны!

– Зови их пить чай, – откликнулась бабушка.

Теперь впятером они сидели за круглым столом и пили чай с малиной. Никитка сбегал за бархатным альбомом. Гости долго рассматривали пожелтевший конверт с самолетиком, вглядывались в адрес и указанный на Приглашении год.

– Полвека прошло, не так уж и много, – сказал седобородый.

– Это очень много! – заспорил молодой.

– И Вы все еще Приглашения ждете? – спросил тот, что был в колпаке звездочета.

– Да, – отвечала бабушка Серафима, – ведь оно приходило ко мне каждый год.

Вдруг, спохватясь, что в почтовый ящик он так и не заглянул, Никитка бросился к двери.

– Подожди, – становил его Седобородый, – там пусто.

И он был прав. Почтальон, что разносил рождественскую почту, еще не добрался до флигеля на Набережной.

...Ругая вьюгу, светя карманным фонариком на фасады домов и ворота, тащился по городу почтальон Полторысумки. Он прошел переулки Осенний и Зимний, проехал по ледяной дорожке Скворечники, скатился по обледенелым ступенькам с Горной на Подгорную, пробежал, подгоняемый ветром, Преображенскую и оказался на Набережной. Все письма, сколько их было, и Рождественские открытки с ангелами, и извещения на посылки с подарками, давно лежали в своих почтовых ящиках. И только один конверт был не пристроен. «Улица Набережная, флигелек с золотыми шарами», – в который раз пробежал по конверту глазами Полторысумки.

– Золотые шары, – бормотал он, – это такие цветы – золотые шары.

Цветов нигде не было. Все флигельки, как им и полагается зимой, прятались в закуржавевших черемухах и тополях. До Никиткиного дома было еще далеко. И хорошо, не то Полторысумки прошел бы мимо. Потому, что помешал бы волхвам.

Они, простиившись с хозяевами, уже вышли во двор. Тот, что был в белом тулупчике – Мельхиор, направился к сараю, отпер его и, взяв лопату, стал отбрасывать снег с клумбы перед дверями флигеля. Он работал упорно, но Вьюга наметала и наметала снег на клумбу.

– Мельхиор хочет отблагодарить этих добрых людей, мальчика и его бабушку, – шепнул Бальтазар Каспару, – но, как ты думаешь, осталось ли у него, что-нибудь от того золота, что он принес в дар Младенцу? Ведь весь слиток, я видел, он положил к Его колыбели.

– Дар любви не скудеет и с веками, – так ответил Каспар, – но все же, я думаю, без нас Мельхиору не обойтись.

Бальтазар кивнул и, сняв звезду с колпака, отправил ее в темное небо. Рваные тучи отпрянули, съживившись от ее света, небо расчистилось, снег перестал сыпать, и Вьюга, укусив в злобе свой хвост, убралась восвояси.

Мельхиор теперь работал споро. Закончив, он порывлся в карманах тулупчика, и золотое зернышко, блеснув в синих сумерках, упало на клумбу. Чуть

помедлив, поднялось оно высоким зеленым стеблем, и расцвел на нем золотой цветок – шар. Рядом поднялся другой цветок и третий, четвертый, пятый...

Полюбовались.

– Теперь моя очередь, – промолвил Каспар.

И достал что-то из складок плаща. Это была кисточка.

– Ее волоски я подобрал около яслей в Вифлеемской пещере. Они упали со шкуры вола. Как они сверкали тогда под звездой-вестницей! Я связал волоски в кисточку. Пусть мальчик владеет ей, и все, что он нарисует, да будет освящено божественным светом!

С этими словами Каспар положил кисточку на крыльцо флигелька, Мельхиор поставил лопату в сарай, Бальтазар поправил на голове свой колпак, и все трое зашагали к калитке.

Вовремя! Почтальон Полторысумки, довольный, что ветер больше не дует, решил заглянуть еще в один двор. Этот двор был Никиткин.

– Ага! Вот так почтарь Полторысумки! – обрадовался он, увидя на клумбе золотые шары. – Чтоб я, да не нашел то, что искал!

И он направился к почтовому ящику. Заслыша скрип его шагов, выбежала, накинув шаль, бабушка Серафима.

И теперь уже новый гость сидел за столом и пил чай.

– И какие же разини и недотепы так пишут адрес! – пыхтел и отдувался над своей чашкой оттаявший почтарь. – Номер где?

– Вы уж нас простите, – краснела бабушка Серафима, – тот, кто посылал Приглашение, всегда сам опускал его в почтовый ящик. Сейчас он далеко, а написал так по привычке.

– Он, что ли, писал? – спросил ничего не понявший Полторысумки и кивнул на свернувшегося на диване Никитку.

Ему ничего не ответили. Никитка спал, и снилась ему вся в огнях бальная зала. И танцевала там в белом платье бабушка Серафима. Она кружилась, кружилась – и вот уже взмыла вверх, к самой люстре. И Никитка этому нисколько не удивился, ведь бальное платье бабушки было из парашютного шелка.

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Происходило все здесь изложенное в пятидесятых годах минувшего века, в литературном объединении при молодежной газете, в возвышенной атмосфере всеобщей гениальности, когда уже пройдены самые первые шаги к сверкающей вершине, до пика, сдается, рукой подать, и все у тебя впереди: и творческие муки, и сияющие глаза поклонниц, и верность друзей, и зависть недругов, и книги, и лавры, и аплодисменты.

Как я теперь понимаю, то была характерная атмосфера типового литературного инкубатора – с нормально завышенными температурой и влажностью. Так что не стоит, наверное, описывать общеизвестное. Кто не кропал гениальные вирши ради восторженного взгляда однокурсницы, и кто не приносил их потом на суд себе подобных?!

Скажу лишь, что руководил нами молодой поэт, красавец, энтузиаст и краснобай, кумир окололитературных старых дев, пылко и громогласно влюбленный в себя и свои стихи. К тому же был он малость хвастлив и больше всего обожал как бы невзначай проговориться о контактах с людьми значительными. Однако при всем том был он парень неплохой, добряк, эрудит, воспитанием «смены» искренне увлекся, и мы полюбили его. Каждый вторник в обшарпанном кабинете редактора на третьем этаже пропахшего типографской краской здания читал он нам собственного изготовления вирши, перемежая их стихами тогда еще мало известных Ярослава Смелякова, Степана Щипачева, Вадима Шефнера – и мы млели в восторге, и все это, такое разное, сливалось в наших одурманенных головах в единую и неделимую Поэзию.

Бывало, мы препарировали друг друга, однако делали это весьма бережно, ибо отчетливо сознавали себя чуть ли не законченными классиками, и если еще позволяли себе обнаружить у коллеги одну-другую неважнецкую рифму, как, впрочем, и у Пушкина, то уж поставить вдруг под сомнение весь творческий путь товарища – нет, такого мы даже вообразить не могли! Нас было в объединении человек двадцать пять студентов, военнослужащих, молодых рабочих – и половина ходила в неоспоримых гениях, высоко держа увенчанную голову, вторая же половина только претендовала, гуляла покуда в рядовых талантах и выглядела чуть поскромнее.

Но и те, и другие, являясь в особнячок Союза писателей, держались кучно, сплоченно и независимо, полагая центром литературной жизни города все-таки редакцию, а не Союз. На толстопузых и лысоватых настоящих писателей поглядывали мы чуть свысока: чего уж там, пусть повоображают, покрасуются – все равно будущее за нами! Они держат нас в черном теле, не признают, вынуждают сидеть на последних рядах зальчика, но истинные поэты – мы, и прозаики – тоже мы, дайте срок!

Так мы блаженствовали два года, варясь в собственном сладком соку, и от стихов уже перешли к поэмам и венкам сонетов, от рассказов – к романам и драмам, выдавали экспромты, каламбурили, пародировали друг друга, начали уже «пробивать» первые книги и обмывать первые гонорары, – словом, были вполне удовлетворены жизнью и полагали себя, свой замкнутый круг едва ли не целой литературой.

И вдруг однажды за председательским столом в нашем святилище вместо сладкоголосого кумира возник человек неопределенной наружности с белобрысыми мальчишечьими вихрами, в жеваном пиджачишке и синей сатиновой рубаше с распахнутым воротом – слишком несолидный и простоватый для писателя. Мы не могли взять в толк: почему он здесь, если еще вчера сидел в кабинете ответственного секретаря? А главное, куда же подевался наш пиит и как нам жить без него? Уже позднее мы провели: Трофим Николаевич прощтрафился по семейной линии, променяв старую супругу на молодую, – и вот брошен на литобъединение. Да он и выглядел сомнительно, смущенным и помятым, – только его водянистые голубоватые глазки все еще озорно посмеивались. Правда, каким-то неуверенным, остаточным смехом.

– Ну-с, отцы, будем сотрудничать, – начал он задиристо. – Так распорядилось провидение, а с ним не спорят. Полагаю, мой высокочтимый предшественник, будучи поэтом, продемонстрировал вам всю поэтическую сторону литературного призвания. Я же, до мозга костей прозаик, хотел бы указать вам на существование и другой стороны – прозаической. Ибо литература, отцы мои, как и любое явление в этом лучшем из миров, имеет два лика: орел и решка...

Мы знали его как жесткого руководителя Союза и не чрезмерно талантливую автора толстых исторических романов. Теперь многие из нас схватились читать его – и разочаровались: конечно, не из последних, что-то есть в нем притягательное, но уж больно простоват, ни ошарашивающе-народных словечек, верного признака самобытности, ни сногшибательно-смелых метафор, выдающих гениальность. Так себе... середнячок.

И вот этот тускловатый и занудноватый Трофим Николаевич задался странной целью осадить нас, огорошить, десятком ушатов ледяной воды пригасить наш пыл, наш энтузиазм, наш священный огонь. Помню, на первом же занятии он раздал нам листочки с отпечатанным на машинке текстом.

– Как вам известно, отцы, – с каким-то плохо скрываемым подвохом пояснил он, – язык есть первооснова литературы. Так вот, в ваших руках отрывок из опуса одного писателя, который сам признался, что пишет, мягко говоря, ниже своих возможностей. Даю вам десять минут – приведите отрывок в божеский вид. Отредактируйте. Если надо, сократите. Придайте экспрессии, коли сумеете. Потом сравним, кто лучше с этим делом управился. Итак, засекаю – начали!

Мы набросились на отпечатанный текст с карандашами наперевес. А там, помнится, было на двадцать строк едва ли не пятнадцать «был, было, были». Не мог же я допустить столь вызывающе-безграмотного обращения с русским языком! И я смело выкорчевывал эти неуклюжие «были», решительными точками пресекал заумно-длинные периоды, освобождал текст от лишних, необязательных деталей. Я был доволен своей работой. И лишь когда сдавал листок Трофиму Николаевичу, как еще пару лет назад сдавал сочинение школьному учителю, – кольнуло меня смутное подозрение: не читал ли я где этот отрывочек?

Собрав исчерканные листки, Трофим Николаевич расплылся в счастливой улыбке:

– Ну, вот вы и приобщились к большой литературе, отцы, – подняли руку на самого Льва Николаевича! Могу гарантировать: от скромности вы не умрете. От невежества – да, вполне возможно. А теперь прочтем вместе эту страницу из величайшей книги всех времен и народов – из романа «Война и мир». И попытаемся услышать музыку Прозы...

Мы были сбиты с толку, обескуражены, шокированы, и никакой музыки, разумеется, не слышали. Однако со временем лучшие из нас все же усвоили, что Трофим Николаевич – настоящий писатель, прониклись выразительной простотой его прозы и сильно заподозрили, что в нашем отношении к литературе не все ладно. Мы еще не понимали, куда толкает нас новый наш наставник, но уже почувствовали правоту его доводов, исполнились безотчетным доверием к нему. Именно тогда утвердилось за ним почтительно-фамильярное «мэтр». И тогда же состоялось очередное, не совсем обычное занятие литобъединения, разом перевернувшее все наши представления о профессии литератора.

Помнится, уже зима вломилась в город и метели гуляли по улицам, когда с изрядным опозданием появился в кабинете редактора Трофим Николаевич, весь в снегу – шапка, пальтецо, ботики «прощай, молодость», – и объявил не раздеваясь:

– Ну, вот что, отцы, вы уже не дети. На своих ногах стоите, намерены и дальше в литературу переть, так что не вдруг собьешь вас с панталыку. А потому – одевайтесь-ка, сажу на экскурсию. Чтобы знали, что вам светит, ежели выпадет решка.

Шумной гурьбой вывалились мы в снежную заваруху. Снег сыпал сплошным, не снежинками, не хлопьями, а как бы пригоршнями или даже охапками. Он моментально укутал каждого в белый балахон, медлительным роем вился вокруг фонарей, замаскировал выбоины и кочки мостовой. Город изменился неузнаваемо. Мэтр вел нас каким-то замысловатым путем, глухими переулками, которых никогда не было в этой части города, и у меня до сих пор сохранилось неизживаемое впечатление нереальности этого пути, этого слишком театрального снега и этого гротескно-иллюзорного вечера.

Он привел нас в уродливый, с обилием пристроек кирпичный дом. По лабиринту темных лестниц и лестничек поднялись мы на третий или четвертый этаж, а потом снова спустились – и вдруг очутились в мрачной длинной комнате без окон, напоминающей захудалую контору. Одна стена ее была сплошь уставлена стеллажами с какими-то папками, а вдоль другой притулились казенный продавленный диван и два канцелярских стола. В скудно освещенном

этом пространстве смущало отсутствие потолка – если он и был, то терялся где-то высоко в густом и вязком мраке, и это придавливало, вжимало в пол. Мои сотоварищи сбились в кучку, затихли.

И тут откуда-то сбоку вынырнул солидный круглолицый человечек в смешной пропыленной толстовке, в тяжелых соевых очках, с сивым бобриком на голове, – незаметный, но явно и подчеркнуто значительный. Мэтр решительно вшагнул в настораживающую пустоту между ним и нами:

– Вот, знакомься, Гриша, мои воспитанники-литобъединенцы, надежда нашей литературы. А это, отцы, Григорий Иванович Сосницкий, интереснейший человек, в прошлом исследователь Арктики, а ныне писатель.

Да мы же знали его! Точнее, видели много раз – и никогда ничего о нем не слышали. Это он, невзрачный и значительный, незаметный и незаменимый, сидел в уголке зальчика Союза писателей на всех сборищах, что-то рассеянно записывая в блокнот, – и никто не замечал его, принимая то ли за добровольного цензора, то ли за некое подобие мебели.

Сосницкий, одаривая нас пытливо-приветливым взглядом крупных сквозь очки глаз, каждому от души стиснул руку, а пройдя ритуал в двадцать энергичных рукопожатий, растерянно залопотал:

– Боже, чай-то... совсем забыл... прошу прощения, не позаботился... даже без сахара... по безответственности моей...

Он водрузил на стол два мятых жестяных чайника, а затем в несколько заходов вынес из боковой то ли комнатки, то ли кухоньки два десятка не очень чистых стаканов, кружек, поллитровых банок и чуть ли не стаканчиков для бритья. Когда чай был разлит, Трофим Николаевич вытряхнул на стол из своего пузатого портфеля внушительную горку дешевых карамелек. Сосницкий просиял:

– Ах, Трофим, Трофим, узнаю твой стиль! Если б не ты, не знаю, что уж от меня осталось бы. Да это же пир, настоящий пир! Девчонки, выходите, Трофим Николаевич угощает конфетами!

Из бокового помещения выпорхнули две миловидные девчушки лет четырнадцати, бедно, однако опрятно одетые, – белокурая и чернявенькая. Обе смущенно поздоровались, взяли по конфетке и попятились назад, причем брюнеточка одарила нас полным презрения взглядом пылких цыганских глаз.

– Сядем, – сказал мэтр. – Сядем на пол, здесь так принято. – И первым устроился со стаканом у стеллажа. – Григорий Иванович, уважь, расскажи ребятам про север – про зимовки, Шпицберген, Карские Ворота...

– Что ж, коли есть охота слушать, – согласился Сосницкий и шумно отхлебнул из банки. – Вы знаете, север – это не просто особый мир, это особенное состояние души...

Честное слово, никогда не встречал столь косноязыкого рассказчика – и столь проникновенного рассказа. Уже через десять минут все мы замороженно слушали, впитывали, внимали – почти реально ощущая себя в тонких стенах фактории среди ледяной стихии враждебно-жестокоего мира. Цепочка колоритнейших типов с умопомрачительными биографиями проследовала перед нашими взорами. Серия прелестных, прямо-таки блестящих новелл. Полтора часа промелькнули незаметно. И лишь когда Григорий Иванович умолк, один из нас невольно воскликнул, выразив общее мнение:

– Да тут сюжетов – на десяток книг!

– У Григория Ивановича сюжетов на сотню книг, – жестко поправил мэтр. И встал. Мы тоже поднялись. – И эти книги написаны. Вот они! – Он повел рукой по стеллажам, туго набитым папками. – Дозволь, Гриша!

Сосницкий смущенно, будто его незаслуженно похвалили, развел руками.

Мы ринулись к стеллажам, каждый выхватил папку. Два десятка удивленных возгласов взвились к невидимому потолку. Это были не папки, это были... самодельные книги. Густо, через один интервал отпечатанные на плохой машинке, любовно переплетенные в коленкор и ледерин, украшенные виньетки и наклеенными картинками.

На той, что досталась мне, увесистой, в солидном сером переплете, на титульном листе значилось: «Григорий Сосницкий. ПОЛЯРНЫЕ ЗОРИ. Роман. Книга четвертая». И далее: «Часть тринадцатая. Глава 47». Мать моя мамочка! Вот это да...

Мой сосед рассматривал изящный томик, переплет которого небесталанно был оформлен аппликациями, а обрез раскрашен под золото. Я заглянул в титул: «Григорий Сосницкий. Назидательные новеллы о женщинах севера, их простительных грехах и непростительных шалостях. В трех частях. Часть первая». За спиной кто-то прочел вслух: «Поварихи в моей жизни. Мемуары и воспоминания. Часть восьмая». И еще кто-то: «Избранные критическо-литературные статьи. В 12 томах. Том 9. Анти-Шолохов». Я сунулся на полку в другом месте. «Григорий Сосницкий. Сказки про дядю Гришу и Белого Мишу. Вам, детки, нужны как конфетки».

Кошмар! Он тоже, как мы в прошлом, наше объединение, мнил себя целой литературой! «Но это еще ничего не значит, – без особого успеха убеждал я себя. – Прежде чем судить, надо же прочесть... хоть несколько страниц!»

Среди хаоса ходящих по рукам книг кое-как отыскал я «Назидательные новеллы о женщинах севера...» и отошел в уголок. Три или четыре раза раскрыл книгу наугад и пробежал по несколько страничек. Меня ждало разочарование: ни о «простительных грехах», ни о «непростительных шалостях» северных женщин в книге не было ни слова. Речь в ней шла о том, как автор ехал куда-то по железной дороге, и подробнее описывалось, что такое рельсы, шпалы, вагоны, паровоз, дым, семафор, шлагбаум и т.д. без конца. Я надеялся, хоть на одной страничке, в одной фразе скажется талант рассказчика, не может не сказаться! Но ошибся: все было одинаково серо, тускло и безбожно длинно. А друзья мои хватали с полок все новые и новые книги и уже с восторгом, с азартом оглашали названия: «Новая стратегия Славного Советского Воинства, или Как бы я лично наказал япошек», «Бесы и балбесы. Роман-диспут с самим собой»...

У меня уже охолодело нутро. Все ведь это не просто написано – аккуратнейшим образом отпечатано в трех экземплярах, мастерски переплетено, составлено по разделам, по жанрам, перебирается, охраняется от пыли, плесени и мышей! Только тут начал для меня приоткрываться весь вселенский гигантизм этой поистине вдохновенной работы, все идиотическое подвижничество безумно и бесконтрольно влюбленного в литературу человека. И ведь там было не сто «книг» – много больше!

Мэтр, тоже несколько сконфуженный, взял какую-то книгу, раскрыл наугад.

– Так что, отцы, Григорий Иванович писатель особой судьбы. Трудной судьбы. Но, как видите, не падает духом, продолжает работать, и трудолюбию

его можно позавидовать. Однако, сдается мне, частенько он спешит, не доводит рукопись до нужных кондиций, я ему уже говорил об этом. Не всегда добивается точности фразы, точности передачи мысли. Ну вот вам... «Ангела остервенело срывала чулки с обнаженных ног и один за другим швыряла их в угол». Видите, формально все правильно: один за другим, о третьем и речи нет. Но литература – не знаю уж, к сожалению или к счастью, – не то, что написано пером, а то, что осталось между строк. А между строк Ангела – со-роконожка...

– Да и срывать чулки с обнаженных ног... уже несколько поздновато, – робко заметил один из нас.

Трофим Николаевич хохотнул.

– Пожалуй. М-да... А как вам нравится рифма: «Ангела – остервенело»? Что, не согласен с нашей критикой, Гриша?

– Н-нет, почему же... – он робко, а вместе с тем взбешенно улыбнулся. – В любой критике есть зерно... Однако... Сколько авторов, столько и стилей. В этих «один за другим» – экспрессия, напряженность, характер. Неужели не чувствуете? Конечно, есть люди, от рождения глухие к слову, но вы-то, вы-то... Просто – это мой стиль. А вы пишете с олимпийской невозмутимостью, Трофим Николаевич, у вас хоть пожар, хоть человека убивают – спокойная, ровная фраза, никакой аритмии. Что же, хаять вас за это? Да нет, и у вас иногда неплохо получается. Просто мы разные писатели...

Прозвучали его слова весьма здраво. Мэтр как-то странно скособочился, увял и усох перед этими доводами. И сразу заторопился.

– Да, да, конечно, мы слишком разные. Этого нельзя отрицать. А вот, отцы мои, с чего Григорий Иванович начинал...

Он подвел нас к полке разноцветных книг одинакового формата, на сей раз настоящих, типографского производства. На каждой по корешку полз-ли одинаковые, со следами обвалившейся позолоты буквы: «Г. Сосницкий. Зимовщики».

Мы разом ухватили по книге, но еще столько же осталось в ряду. На титульном листе я нашел объяснение необъяснимому казалось бы факту – перевоплощению одной из самоделок в настоящую книгу: «Зимовщики. Записки полярника. Литературная обработка...» Далее следовала фамилия мэтра в родительном падеже. И год издания – 1939.

Так вот оно что! Значит, еще до войны сошлись их дорожки. Уж не тогда ли, не с этой ли единственной книги завязалась болезнь Сосницкого? А что это тяжелое психическое заболевание, сомневаться не приходилось. И милейший Трофим Николаевич собственной рукой толкнул его в пропасть...

Мы начали прощаться. Двадцать крепких мужских рукопожатий. Двадцать прямых, честных, чуточку смущенных взглядов из-под очков. Двадцать вымученных улыбок. Один из наших, самый дотошный, замешкался в дверях, поинтересовался:

– Вы, конечно, отдадите себе отчет, Григорий Иванович, что все это никогда не будет напечатано?

– Как знать, как знать, – загадочно усмехнулся хозяин. – Я ведь ничего не прошу при жизни. Ни у бога, ни у людей. Но кто есть кто в литературе, рас-судит лишь Время. Тому тьма примеров. А рукописи, как вам, может быть, известно, не горят...

Мы еще ничего не слышали о романе «Мастер и Маргарита», опубликованном много позднее. Но трагические эти слова каким-то горьким ветром уже принесло в наши края.

Мы высыпали во тьму зимней ночи – и с жадностью, как угоревшие, принялись хватать ртами свежий морозный воздух. Снег перестал, но на небе не было ни звездочки. В настроении скверны и подавленности кто-то первым подал идею:

– Запить бы это дело!

– Домой я вас пригласить не могу, – минуту помолчав, отозвался мэтр. – По очень простой причине: нет у меня никакого дома. Угол снял, с молодой-то женой. А вот на вокзал приглашаю, ресторанчик там еще работает.

Когда на застиранной железнодорожной скатерти образовался террикон хлеба, а перед каждым из нас – полстакана водки и тарелка с заливным, мэтр оглядел всех линиялыми голубыми глазками и виновато улыбнулся:

– Вот так. Взял когда-то грех на душу, обнадежил человека. С тех пор все пишет, сутки напролет пишет, никак не может остановиться. А ведь какой рассказчик, какие за ним глыбищи жизненного материала, какая адская энергия – все прахом! Жену, ангельское существо, в гроб вогнал – день и ночь на его блажь спину ломала. На что теперь живет – одному богу известно, не на подачки же Союза... А какой мужик был! Философ, мудрец, жизнелюб! Сгубила, проклятая. То есть не она, конечно, не водка. Литература! Ну, вздрогнули?

Мы «вздрогнули» и закусили.

– А лечить его не пробовали? – спросил я.

– Лечить? От чего лечить?! – возмутился метр. – Да он здоровее нас с вами. Разве это болезнь – писать? Это благо. Призвание. На худой конец – увлечение. Беда лишь в том, что многие из нас обращают увлечение в профессию. Что я и втолковываю вам уже полгода. Ну, хоть теперь-то дошло?

– Дошло, – дружно, однако без малейшего энтузиазма ответили мы, двадцать когда-то восторженных душ.

Трофим Николаевич раскурил беломорину и откинулся на спинку стула.

– Писатель, отцы мои, – это ведь и вообще не человек. Наблюдатель и самонаблюдатель. Экспериментатор на себе и ближних. Несноснейшее творение! И вступая на стезю, каждый из нас кровью подписывает издательский договор с дьяволом. Душу бессмертную закладывает за одно лишь право входа в этот сомнительный рай. А взамен... Взамен принимает пять условий адской закладной... – Он вскинул над головой растопыренную пятерню и начал отсчет. – Что вечное безденежье – еще не самый высокий гонорар за редкие визиты музы. Что голод – совсем не та тетка, которую следует бояться. Что страшнейшее для тебя испытание судьбы – успех на первых десяти годах карьеры. Что под старость тебе, возможно, предстоит расстаться даже с единственно верными друзьями – с книгами. Что, наконец, в любой момент тебя готово настичь прозрение: ты не писатель, ты всего лишь любитель писать, по-ученому, графоман. – Мэтр потряс над головой судорожно сжатым костистым кулаком. – Если ты готов принять на себя все эти удары, иди в литературу. Служи ей, не помышляя о взаимности. И вот тогда, только тогда, – если у тебя обнаружится железный зад, умноженный на упорство помешанного, если ты почувствуешь в себе божий дар и не растеряешь его, пройдя огонь, водку

и медные трубы, – только тогда, может быть, получится из тебя писатель. А может, Григорий Иванович Сосницкий. Ибо судьба еще не произнесла последнего слова. Монетка брошена, звенит, но не упала, не указала: орел или решка! Вот вам, отцы, инструкция по технике безопасности для входящих в литературу. Ну что, есть нужда повторить?

– Еще бы! – ответили мы.

И когда «повторили», мэтр закруглил свою мысль:

– Он жалок, смешон, Сосницкий, не так ли? Но взгляните шире! Рядом со Львом Толстым все мы – такие же любители писать, не более. Вот, собственно, и все, что намеревался я вам доложить. Передать из рук в руки... Сколько с нас, сестренка?

Мы выкинули рубли – у кого что было. Мэтр рассчитался. Часы на вокзальной башне показывали полночь.

* * *

К весне нас осталось в литобъединении человек шесть-семь. Все, кто ходил в неоспоримых гениях, как-то незаметно, один за другим, испарились. А те скромные и молчаливые ребята, которые все-таки остались, года через два-три были приняты в Союз («с треском приняты», как выразился мэтр) – и литобъединение приказало долго жить. Следующее возникло лишь через несколько лет, когда народилась новая генерация гениев. Но этим повезло меньше: мэтр уже перебрался в столицу.

С того памятного вечера минуло три десятилетия. Однажды обстоятельства столкнули меня с молчаливой черноглазой женщиной, еще сохранившей на увядшем лице следы былой задумчивой красоты. Выяснив, что земляки, мы припомнили времена молодости, общих знакомых, общих кумиров, в том числе Трофима Николаевича. И вдруг она спросила:

– А меня вы, конечно, не узнали? – Я был убежден, что вижу ее впервые. – Вот и ошибаетесь! Вспомните: вечер, метель, и в несуразную комнату, заставленную стеллажами, вваливается толпа самоуверенных молодых балбесов...

И я вспомнил снег, комнату без потолка, портфель мэтра и сыплющиеся из него карамельки.

– Вы дочь Григория Ивановича Сосницкого?

Она грустно покачала головой.

– Я не дочь. Но он для меня больше чем отец. Это был удивительный человек, редкой доброты. Я училась с его дочерью, когда моя мать умерла. Они взяли меня в свою семью. Тогда еще жива была Любовь Дмитриевна. И за десять лет... десять труднейших для них лет... я не услышала ни единого попрека. Я была для него такой же «дочурой», как Инна. Он поровну делил между нами скупую отцовскую ласку и редкие лакомства. Я помогала перепечатывать собрания его сочинений... на старенькой машинке... и плакала. От жалости к нему. А он думал... бог знает, что он думал. Но я была единственная его читательница...

Она судорожно распахнула сумочку и постаралась удержать подступившие к горлу рыдания.

– На что же вы жили? – спросил я погоду.

– Именно тогда – ни на что. Были кой-какие «полярные» сбережения, драгоценности покойной Любви Дмитриевны – к тому времени все утекло.

Григорий Иванович сплавлял куда-то последние, самые дорогие ему книги. Потом стало легче – мы с Инной начали работать, помогали по мере сил. Он ведь до семьдесят шестого... не смею сказать: жил... продолжал писать. И когда мы с Инной приехали на похороны, в доме не было сухой корки. Ничего! Только эти... книги. Мы решили не сдавать их в макулатуру, чтобы не трепать почем зря имя отца. Наняли грузовик, свезли все «творческое наследие» за город и там сожгли. Боже, какая это была пытка! Какая поистине адская работа! Мы промучились до темноты, вымотались, издергались и прокоптились. Действительно, рукописи горят... очень неохотно.

Татьяна Ковальская**ДОБРЫЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ
АЛЕКСЕЙ ЛУКИЧ ЕРШОВ**

«Судьба играет человеком», – пела когда-то моя бабушка. Как часто припоминалась мне эта незатейливая песенка! Только взялась за очерк о замечательном, добром и жизнерадостном человеке Ершове для журнала «Иркутский писатель» по просьбе редакции, уже собирала эпизоды биографии в стихах Алексея Лукича, в его книгах – и вот телефонный звонок, и уже я пишу в газеты некролог и собираюсь на последнюю встречу с героем моего очерка...

Этому человеку шла его седина, его могучий облик, даже трость, на которую он опирался в последнее время при ходьбе. Алексей Лукич Ершов – личность былинно-романтическая, поэтическая и гармонично разносторонняя в делах профессиональных и творческих. При всех благоприобретённых недугах-немоцах он до последних дней был полон внутренней силы в новых изысканиях, он создавал всё новые книги, и каждая своеобразна, интересна, прекрасно оформлена и издана. Среди множества талантов он был наделён трезвым и смелым дерзновением и умел рассчитать и найти средства на издание своих книг. Вот о каком человецище хочу сегодня говорить читателю.

А вот что написал о себе Алексей Ершов в стихотворении «Бархатово»:

Родина милая, славная,
Рядом с рекой Ангарой.
Церковь была православная –
Сломана глупой рукой.

И далее:

Не помню жилище убогое.
Было мне годик всего,
Детство моё босоное
В Макарьеве славном прошло.

Алёша Ершов родился в селе Бархатово на берегу красавицы Ангары 27 декабря 1933 года. Затем родители с сыном переехали в посёлок Макарьево, где прошли детские и юношеские годы Алексея Лукича. В тридцатых годах из города Черемхово проложили железнодорожную ветку в Макарьево, построили станцию и повезли оборудование для строительства большого завода электрохимического производства на берегу Ангары. Село Свирское застраивалось бараками и домами, ехало много завербованных в западных областях людей. Образовался рабочий посёлок Свирск. В Свирской средней школе № 21 Алексей получил аттестат зрелости и поступил в Иркутский горно-

металлургический институт. Он всю жизнь дружил с нынешним городом Свирском. Мне довелось побывать там на одном из юбилейных праздников, в августе, на стадионе. Было много зрителей, много гостей из Черемхова и Иркутска. И Алексей Лукич подарил городу поэму-легенду о рождении Свирска в давние века, читал её, называл своих учителей. Учителю Макарьевской средней школы Иннокентию Лаврентьевичу Климову он посвятил стихи «Письмо учителя с фронта». И самые душевные, тёплые, пронизанные светлой печалью строки у поэта Алексея Ершова обращены к своим истокам, в пору детства на ангарском берегу:

...Взглянул отец из-под руки
На правый берег Ангары.
Глядел внимательно и долго,
Как будто что-то там искал.
Ангарский ветер гладил землю,
Седые ковыли сгибал.

.....
К воде нас вывела дорожка.
Я сбросил драные штаны,
И крикнув: «Папа, я рыбёшка!» –
Нырнул в объятья Ангары!

Поэтическая зарисовка встаёт перед глазами сочно выписанным этюдом художника. Ершов – натура художественно одарённая, эмоциональная, яркая и увлекающаяся. В студенческие годы он играл в духовом оркестре, активно занимался спортом, играл в футбол, волейбол, настольный теннис.

Его стремительность и напористость проявлялись в командных видах. Смотрю на фотоснимки 1956 года: А. Ершов, третий слева, в сборной команде «Шахтёр» (г. Черемхово) по волейболу. На следующем чёрно-белом фото – фрагмент игры в футбол в 1957 году. В короткой справке о себе Алексей Лукич пишет:

«Преддипломную практику проходил на шахте №10/16 (пос. Касьяновка) у Степана Васильевича Карнаухова и Павла Петровича Шабалова (трест «Черемховуголь»). С 1956 года работал на шахтах №3 (Гришево), на шахте имени С.М. Кирова подземным электрослесарем. В 1958 году работал бригадиром электриков на монтаже Свирского рудоремонтного завода. Запуск первой очереди завода награждён Почётной грамотой».

Все эти факты его биографии помещены в книге А.Л. Ершова «Родные черемховские пенаты», изданной в 2012 году. В этой же книге трогательные стихи в память о детстве – «Рубцы на сердце»:

Стоял мой дом у речки.
Но с горестного дня
Одни рубцы на сердце
Остались у меня.
Чем дальше, тем туманнее
Ангары прибой.
А в памяти Макарьево,
Смытое водой!

.....

А на сосне поныне,
С юных тех годов,
Вырезано имя
«Алексей Ершов».
Детство и Макарьево,
Дом родной и мать...
Ни дома нет, ни матери.
Чего от жизни ждать?!

Перелистываю книги Алексея Лукича. С каждым годом они становились всё объёмнее, вмещали в себя его личную философию жизни, личности его друзей, кому он посвящал стихи и целые поэмы. «Лукич», как его часто называли меж собой знакомые писатели и художники, любил создавать книжки-калейдоскопы, включая наряду с собственными также стихи своих друзей. Так в сборник «Судьбы узоры» Ершов включил стихи Т. Ковальской, подборку, посвящённую городу Черемхово, ветеранам-горнякам, бульдозеристам и взрывникам, сочувствию земле, с которой «отъяты и сброшены земной покров» и видно «жилы тела её старого». Эти сугубо горняцкие строки только в книге Ершова и можно отыскать. И вновь посвящение малой родине, песня «Уголок мой родной» – Алексей Лукич имел хороший голос, музыкальный слух, играл на баяне и умело слагал песни, распевая их своим друзьям и родным. Как не запеть вместе с автором:

Любимая окраина
И запах луговой,
И тусклых звёзд окалина
Летит над головой.

Припев: Почему-то как рана мне,
Уголок, что родней,
С ним дороже свидание,
С ним разлука больней.

Пешеходы сутулятся,
Ветер дует в лицо –
Вот Подгорная улица,
Вот родное крыльцо.

Ангара морем выглядит,
А вокруг – тишина.
Только мать уж не выглянет
На мой зов из окна...

Алексей Лукич создавал книги ко Дню Победы, сборник «Популярные песни», который открывается его песней на музыку Г. Свиридова «Ангарский острог». В этом большом, 361 страница, издании, наряду с известными песнями включены песни самого составителя и фотоснимки с баяном, с гитарой, с хором черемховских друзей и ансамблем солистов оперного театра из города Улан-Удэ, исполняющего песню «Степь моя» на стихи А. Ершова.

А поскольку был он большой оптимист и весёлый человек, то однажды составил сборник юморесок «Улыбнитесь!». Когда мне тяжело, уныло, всё валится из рук, я открываю оранжевую узкую книжицу со смеющимися лицами

на обложке и читаю всё подряд, пока не рассмеюсь над анекдотами от взрослых и детей. Спасибо доброму человеку Алексею Ершову!

У меня дома целая полка книг Ершова, с фотоиллюстрациями его сына Вадима, ведущего инженера Ленинградской АЭС, его собственными снимками и его друзей. Издавать свои книги Ершов начал, по его словам, с 1981 года, но писал стихи с молодых лет. Всех книг у него более пятидесяти. Вот в моих ладонях тоненькая книжечка «Фрегат» на Байкале – остров Ольхон», 2001 год. На каждой странице – фотоиллюстрация. Меня здесь привлекла картина художника Карла Шулунова, друга Алексея Лукича: стан Чингисхана в долине между скалистых гор, шатры, стяги. И стихи Ершова «Здесь проходил Великий Чингисхан», в которых я впервые прочитала монгольское имя озера Байкал: «Арига-Ус» – так называли море в ожерелье скал». Короткие, но такие наполненные искренним восторгом, вдохновением строки:

Сидят камни-старики,
Серы от лунной пыли.
И ноги в темноту реки
Беззвучно опустили!

Восхищение нашей бесценной сокровищницей, мировой жемчужиной плещет с каждой страницы:

С каких бы дальних странствий ни явился,
От радости иль от беды –
Как хочется вдосталь напиться
Царской Байкала воды!

Пять книг стихов Алексей Ершов посвятил Байкалу, очень любил священное море. Это и «Поэма о Байкале», «К Байкалу вечная любовь», и «Прибайкальские красоты». Сибирь стала главной темой поэта и писателя, как и главным предметом его профессионального труда. Мне захотелось собрать ожерелье из ярких бусин-строчек о Сибири, рождённых вдохновением Алексея Лукича:

Моё здесь детство начиналось...
Здесь колыбель дедов качалась,
Веками здесь наш дом родной.
.....
В жизни мера есть любви и веры,
Но нет к Байкалу меры нашей веры.
.....
Беседу завязал со старым рыбаком,
Что в тишине стоял над поплавком:
– Да, были времена, – он говорит, –
Ловил я и метровых рыб.
Теперь вот мелкота одна,
Да и Байкал не тот, и Ангара не та!
.....
Это наши прожитые дни
Листопадом на траву ложатся.
Листья – юности сгоревшие огни,
Ими та присыпана дорога,

По которой мы по жизни шли,
Смолоду от отчего порога.

.....

В байкальские цветные дали
Изюбр ещё не открывал,
Но предчувствие печали –
Не сама ещё печаль.

.....

Что в ней, в этой милой Родине?
– Дом родительский в три окна,
Санный путь и денёчки морозные,
Да покрытая льдом Ангара.
Что в ней, в этой горькой Родине?
– Куст рябины и лук-черемша,
Тайга, неподвластная моде,
И берёзка, родная душа...

.....

Через хребет Хамар-Дабана
Тропа проходит Чингисхана,
Через тайгу, через увалы
Выходит к берегу Байкала.
От прошлого слезятся очи:
Тропинкой шли и жизнь, и смерть...

Вселенная его друзей – не охватить ни разумом, ни взглядом. Это обширная география Приангарья, Байкала, Забайкалья. Это Политехнический институт, где он входил в разные комиссии, слушал защиту дипломов, участвовал в юбилейных торжествах своего факультета и кафедры. Это художники и писатели городов Иркутской области и Забайкалья, артисты театров Иркутска и Улан-Удэ. И на каждое событие Алексей Лукич Ершов откликался сердечными стихами, песнями, всем дарил свои сборники и книги. Его ждали в Черемхово, в Свирске, в Бурятии.

Алексей Лукич всегда отзывался новой книгой на большие юбилейные даты в жизни России или замечательных людей, или дорогих ему коллективов. Вот несколько названий его книг: «Друзьям и гениям», «Бурятия – священная земля», «Путь тернистый декабристов», «Владимир Высоцкий», «65 лет Победы», «Иркутск юбилейный», «Долгожитель Конёк-горбунок».

В стихах последних лет всё чаще сквозят мысли о конце пути. Появляется слово «смерть». Но Ершов-философ отмечает уныние и страх, он утверждает радостное восприятие круговорота природы, жизнь во всём разнообразии и великолепии. Вот, например, строки из стихотворения «Весеннее-оптимистическое!»

...Кто-то на Земле опять родился,
Все гуляют, позабыв про сон.
С зимней шубой сброшены печали,
Надо веселей вперёд смотреть.
В звёздный мир не торопясь отчалить,
Не спеши безропотно стареть!

Вот так он и жил, стареть не спешил.

К своему восьмидесятилетию Алексей Лукич задумал и создал последнюю большую книгу, ставшую его лебединой песней: «Долгожитель Конёк-Горбунок». Вышла в свет эта уникальная книга в 2014 году к 180-летию со дня публикации сказки Петра Павловича Ершова, тобольского писателя.

Наш Ершов пристально изучил биографии знаменитого тёзки, побывал в его родном городе Тобольске, собрал под одной живописной обложкой весь интересный и соответствующий теме материал, цветные иллюстрации и свои стихи, и сказки «Двенадцать месяцев» по Сладкову. Здесь читатель найдёт и текст сказки «Конёк-Горбунок», которую благословил сам Александр Сергеевич Пушкин, и биографию П.П. Ершова, составленную из нескольких публикаций разных авторов, и стихи Петра Ершова, и стихи Алексея Ершова. Автор-составитель книги «Долгожитель Конёк-Горбунок» на титульный лист вынес в качестве эпиграфа строки Абая Кунанбаева, в которых, очевидно, выражено и его личностное понимание поэзии:

Поэзия – властитель языка:
Из камня чудо высекает гений,
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

Считаю очень своевременным и важным в Год литературы цитировать высказанные Алексеем Лукичем Ершовым мысли о роли и значении поэзии: «...Без стихов наступает кислородное голодание... Поэзия, помимо эмоционального, несёт в себе и нравственный заряд, она способна воспитывать чувства добрые и формировать духовные начала».

А.Л. Ершов часто бывал на встречах со студентами Иркутска, приезжал в Черемхово, в Свирск, встречался с учащимися Горнотехнического колледжа, с читателями городской библиотеки, в Свирске выступал на городских юбилейных торжествах. Его хорошо знают, любят и никогда не забудут люди, хоть однажды с ним общавшиеся, его слышавшие, с ним беседовавшие.

Как говорится, пусть земля ему будет пухом. Вечная память в сердцах его вдовы Аллы Ивановны, сына Вадима, дочери Натальи, внуков и правнуков, всех друзей и коллег.

**Виктор
Бронштейн**

СПАСИТЕЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ ЕДВА НЕ УГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ ДАШИ НАМДАКОВА

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ЛОНДОНСКАЯ ВСТРЕЧА С ОТСРОЧКОЙ В 17 ЛЕТ

Итогом предпринимательской деятельности, по моему убеждению, должны быть не бесконечные в своём однообразии деньги, а добрые дела, но не любые, а выстраданные каждым конкретным предпринимателем. Так Билл Гейтс, например, опираясь на свои несметные богатства, лично и с большим азартом участвует в борьбе с малярией в Африке. Один мой товарищ, Алексей Дорошенко, вкладывает деньги, а главное, душу в реконструкцию уже третьего храма, в службу в церкви в качестве пономаря и в превращение некогда развесёлого центрального парка, построенного на территории бывшего кладбища, в «Иркутский исторический некрополь».

Я, в свою очередь, наряду с помощью храмам и с просветительством, уже добрый десяток лет занимаюсь собиранием внушительной коллекции картин и скульптур, а теперь, уже с женой на пару, создаю на основе моей коллекции музей-галерею современного искусства для своей души, для любимых людей и всех жителей родного города.

Наличие своей внушительной галереи открывает и немалый простор для эффективного международного общения и налаживания отношений, в том числе, думаю, в интересах и детей, и бизнеса. Иркутская школа ослабевшей ныне в Европе реалистической живописи может вызвать огромный интерес и у нас, и за рубежом.

Неслучайно за картинами наших художников сегодня буквально охотятся жители поднебесной, создающие галереи в каждом административном округе и гордящиеся ими, как мы когда-то футбольными и хоккейными клубами. Недавно они, минуя галереи, даже издали весьма внушительный каталог, который является «путеводителем» по иркутским художникам. Но! В нашей галерее собрано более 1000 полотен как ушедших в мир иной, так и ныне здравствующих художников, причём наследие нескольких крупных художников (В. Бочанцева, Н. Вершинина) куплено нами почти целиком. Ни в одной мастерской сегодняшних художников не представлено так цельно их собственное творчество в разные периоды жизни, как у нас, нет у них и соизмеримого с нашим фонда для выставок и продаж.

Наряду с живописью сокровищем моей коллекции является бронзовая скульптура, хотя имеется и деревянная. Собственно, по дереву в Иркутске по настоящему работает лишь один уникальный для нашего города мастер в ранге заслуженного художника России – Лев Сериков.

Бронзовым литьём на высочайшем, но уже не иркутском, а мировом уровне традиционно занимаются наши соседи в Бурятии. Благодаря Дашиниме Намдакову бурятская скульптура получила широкую международную известность. Сам Даши живёт теперь, в основном, в Лондоне. В 2012 году он украсил главный выставочный центр британской столицы в Гайд-парке своей уличной скульптурой «Чингисхан», а в мае 2015-го на тот же постамент водрузили одиннадцатиметровую «Хранительницу».

Интересно, что идея этой гениальной скульптуры родилась совершенно неожиданно из невинного подарка. Друзья из родного бурятского села Укурик, что расположено в Читинской области, преподнесли идеальную, по мнению Даши, скульптуру, изваянную самим Господом Богом, а именно череп рыси. Дело стало за небольшим – мысленно, а затем и в модели одеть череп плотью, прилепить к нему преобразённое древними мифами народа и собственной провидческой фантазией тело и выбрать подходящую позу. Ну разве что ещё – вдохнуть в новорождённую бронзовую плоть энергию самостоятельной жизни. Эта часть работы была проделана уже в другом черепе. Не трудно догадаться, в чьём. Вот так вдвоём рысь и художник создавали пока ещё небольшую, но интереснейшую скульптуру.

Вскоре у двоих «соавторов» появился, как издавна повелось на Руси, и третий. Не знаю, сопровождалось ли включение в компанию нового игрока нашим традиционным соображением «на троих». Наверное, вряд ли. Рысь, в отличие от булгаковского кота, всё же полную свободу от мастера не получила. Хотя иногда, глядя на скульптуры мастера, кажется, что они величественно оживают и взирают на суетящихся людей из далей будущих веков и тысячелетий. Добротно изготовленные в лучших мастерских мира бронзовые скульптуры будут жить вечно и поприветствуют из нашего времени множество поколений. Правда, произойдёт это, считает Даши, если человечество скорректирует экологический и моральный вектор своего развития в сторону сохранения традиций.

Когда-то наши предки, чтобы не беспокоить плоть кормилицы-матери родной земли носили только мягкую обувь, да ещё и с закруглёнными носками. Когда Даши был ребёнком, бурятским детям запрещали играть «в ножики», втыкать их в землю, потому что нельзя бессмысленно её, бедную, беспокоить подобным образом. Мы, дети более ранних годов соседней области, никогда о подобных ограничениях и не слышали, а услышали бы – посмеялись. Поэтому, наверное, у нас лес и вырубается, и горит, мелеют и реки, и сам Байкал. Зато мы очень активно и варварски уничтожаем сейчас импортное продовольствие, очевидно, забыв про детские дома, интернаты, дома престарелых и просто про полуголодных беженцев. Неслучайно августовский «Московский комсомолец» в Бурятии с иронией и горечью восклицает заголовком статьи на первой полосе: «Россия жжёт, Россия давит». Комментарии о том, кто виноват в варварстве, как говорится, излишни.

Собственно, на возвращение нас к чистым, незамутнённым цивилизацией истокам по большому счёту и работает творческий гений скульптора. Он признаётся, что постоянно чувствует в душе тектонический гул минувших веков и поддержку своих предков, которые, наверняка, ужасаются экологическому беспределу сегодняшних дней. Но вернёмся к «Хранительнице». С лёгкой руки многолетнего экс-президента Татарстана Минтимера Шаймиева, повстре-

чавшегося с новорождённой скульптурой на выставке в Кремле и загоревшегося обязательно водрузить огромную «Хранительницу» в родной республике, зародилась идея мегапроекта, который, как водится у расточительных россиян, осуществился, но за тридевять земель в Британском королевстве. Сейчас неугомонный экс-президент Татарстана прилагает энергичные усилия, чтобы преодолеть заскорузлость местных религиозных консерваторов. А пока в столице Татарстана запускается огромный мемориальный комплекс, потрясающий своим совершенством. Проект не меньших масштабов уже осуществлён в Туве. На очереди Москва и Алма-Ата. И хотя работы у Даши неспорно, пора бы уж и малой прибайкальской родине (Улан-Удэ, Иркутску, Чите) воспользоваться услугами сына своей земли.

У всех свои заботы, своё творчество, правда, увы, масштабы разнятся. Не были исключением и мы в судьбоносной для галереи, да, наверное, и для нас, поездке в Лондон.

Перед запуском нашей мечты – галереи-музея современного искусства я решил сделать себе и Ольге подарок. Сказано – сделано, и мы вылетели на мой день рождения в столицу Англии. На этот раз не только для того, чтобы провести мою дорогую доченьку – студентку столичного университета, но и побродить по выставочным залам. И надо же, больше всего нас поразила в самом центре Лондона выставка, где были представлены последние крупные работы в основном итальянского периода нашего земляка Даши Намдакова. Особенно восхитительны были его работы из камня и бронзы: величественная, но, увы, слишком объёмная для нашей галереи «Нефертити»; уникальный, произведённый на свет Божий в одном экземпляре «Тигр и птица», олицетворяющий, по моим представлениям, содружество России и Китая; идеально пластичная, буквально парящая над головой льва охотница «Виктория», похожая на воинственную амазонку; мальчик, трепетно и вдохновенно прижавшийся к шее летящего в голубом небе Пегаса; красавица восточных кровей, грустно везущая в неизвестность новой жизни на своей преданной лошадке небольшое приданое, любимую собачку и сладостные воспоминания детства. Противоположные чувства вызвал жуткий в своей правдивой жестокости, облитый многодневной грязью и облепленный талантливо воплощённой в бронзе пылью степного похода, убивающий из лука невидимого противника – восточный воин минувших веков.

В сравнении с мальчиком на крылатом Пегасе (скульптура «Вдохновение») или девушкой на лошадке («Приданое»), олицетворяющей своей изящной красотой мечту и музу, особенно ужасает воин («Цель»), напоминающий о самых разрушительных чертах человечества, несущих смерть и чужие гены. Мастер как бы предупреждает нас: «Не дай Бог, если эта жуткая сила, которая, увы, в гомо сапиенсе никуда не делась, вырвется наружу. Тогда не поздоровится никому. Стрела страшного воина поразит каждого». При взгляде на скульптуру «Цель» невольно вспоминается стихотворение Николая Зиновьева:

ЛЕГЕНДА

А свои голубые глаза
Потерял я в двенадцатом веке,
При внезапном степнячком набеге
Они с кровью скатились с лица.

И тогда, чтоб за гибель семьи
Печенег не ушёл от ответа,
Я их поднял с горелой земли,
И с тех пор они чёрного цвета.

В Лондоне я по-настоящему пожалел, что лет пятнадцать назад не послушал своего друга и вожатого по мастерским художников, поэта и просветителя Геннадия Гайду и ни разу не заехал к Даши в мастерскую в своём родном городе, а ограничил своё пристрастие только деревянными скульптурами. С тех пор цены и ценность работ бурятского гения выросли в десятки раз, и этот процесс продолжается, невзирая на все кризисы и потрясения. А между тем, скульптуры в лондонской галерее излучали на нас такую физически осязаемую энергию, тепло, а порой и ужас, что мы с Ольгой и с Полиной, не стовариваясь, поняли, что нашего музея без них просто не может быть.

Оказалось, что Даши, наученный тяжелейшим опытом взаимоотношений и «разводов» с «галерейщиками-поводырями» в России, стремящимися вести его по жизни на коротком финансовом поводке, на этот раз заключил равноправный контракт. Область совместных интересов с ведущей галереей

Англии ограничена взаимовыгодным, весьма эффективным сотрудничеством, но не по всему миру и даже не по всей Европе, а только по Англии, хотя рекламные волны из Лондона невольно транслируются на весь мир, долетая до наших закоулков.

Просто поразительно, как Даши удалось отстоять свободу действий по всем остальным странам, включая Россию. Но всё же английская галерея высказала и нам, и автору немалое неудовольствие, так как с указанными скульптурами итальянского периода мастера мы встретились в великолепных стенах их обители, где смотрелись они, конечно же, по-особому, но как будто с мольбой взывали забрать их на родину мастера.

Кстати, взаимоотношения большого художника или артиста с продюсерами очень непросты. Здесь от любви до финансовой ненависти всего один шаг. Например, по главной версии следствия, из-за этих противоречий в хитро спровоцированной потасовке был убит известный певец Игорь Тальков. Дыма без огня, как известно, не бывает. Но, слава Богу, у Даши всё обошлось. У художника остался огромный опыт борьбы за независимость с желающими возглавить его творчество и финансы. Благо, теперь вырос собственный родной и, конечно же, самый преданный менеджер – сын Чингис, сделавший к тому же своего отца счастливым дедом, а его обожаемую молодую жену и маму шестилетней Дашеньки – бабушкой. Хотя это звание пока никак не вяжется с обликом очаровательной элегантной девушки – мамы троих детей, один из которых уже взрослый помощник и менеджер семейного бизнеса, а старшая дочь Софья – старшеклассница.

Говоря об опасностях, подстерегающих знаменитостей, нельзя не вспомнить, как на полном пределе сил сражался, чтобы поспеть к сроку и сохранить финансовую независимость от издателя Фёдор Михайлович Достоевский, сумевший с помощью будущей жены, юной стенографистки Анны, одержать верх.

До сих пор вызывают много споров подробности ухода из жизни великих поэтов Серебряного века, нередко с немалой валютой посещающих заграни-

цу: Сергея Есенина, прокатившегося по миру с Айседорой Дункан, а также Владимира Маяковского. Может быть, и их финансовые дела кто-то хотел вести? Как знать.

Но вернёмся от глобальных проблем и исторических подозрений к нашим, маленьким для мира, но огромным для нас, делам и проблемам.

Меня мучила мысль: как всё же выйти на земляка в столице мира? И вновь появились сожаления, что в Иркутске 17 лет назад была упущена совершенно реальная возможность познакомиться и подружиться.

Всё же неясно, почему мой «вожатый» по первым шагам в области иркутского искусства Геннадий Гайда не настоял заехать к молодому и талантливому, по его же мнению, скульптору из Бурятии. Даже когда в ту пору он выбирал с отцом для меня подарок на далёкий уже мой юбилей, опять заехал не к Даши, про которого часто вспоминал, а ко Льву Ивановичу за деревянной скульптурой. В этом, безусловно, есть какая-то тайна! Остался я в стороне и когда мои друзья той поры Юра Якубовский и Олег Геевский поехали с кем-то в мастерскую и приобрели чуть ли не по десятку работ мастера, начавшего набирать известность и силу.

Ответа на этот мучительный вопрос нет. Хотя, наверное, судьбе было угодно, чтобы в моей душе накапливался какой-то нерастроченный потенциал, подобный нарастающему заряду электричества на земле и на небе, который копится перед грозой. В отношениях же может произойти эмоциональный взрыв, в результате которого моя духовная орбита изменит курс и основательно пересечётся с обжигающим сиянием планеты большого мастера.

Забегая вперёд, скажу, что это предположение оказалось верным.

А пока в Лондоне я, как и положено предпринимателю, всеми силами старался узнать телефон бывшего земляка, тщательно взвешивая, к кому можно обратиться. Искать встречу через знакомых арт-менеджеров или других очень деловых людей крайне нежелательно. Они сразу же постараются «возглавить» процесс переговоров и не упустят свои жирные посреднические от меня или, скорей всего, от автора, что одно и то же. Но, видимо, Господь благоволит к тем, кто старается не только для себя, и «ларчик открылся» максимально просто. Не зря уже много лет я дружу с далёкими от бизнеса и особенно от корысти людьми искусства. Так, молодая искусствовед Алёна Кабунова перешла к нам из художественного музея. Она, по закономерной случайности, – ученица маститого искусствоведа Надежды Петровны Комаровой, которая много лет работает непосредственно с самим Даши, а значит, может передать не только телефон, но и заочно представить нас в объективно выгодном свете. Это она, по-видимому, от всей души и сделала. Во всяком случае, мы удостоились встречи не «на ходу», как бывает в случаях со знаменитостями, а были первыми и пока единственными приглашёнными в святая святых – новую мастерскую мастера, километрах в 70-ти от центра Лондона. Там мы с удивлением обнаружили, что человеком мира, получив огромную известность, Даши не стал. Земляки, малая родина, где по бурятскому обычаю под отчим домом закопан послед, в котором мать вынашивала ребёнка, дарящий при свидании с этим мистическим местом спокойствие, уверенность и огромный творческий заряд, – его творчество произрастает от этих крепких бурятских корней и по-прежнему питается соками родной прибайкальской земли. В незабываемый вечер знакомства и посещения мастерской подружались мы и с сыном мастера

Чингисом. После переговоров о приобретении шести крупных (с человеческий рост) скульптур по сибирской традиции хозяева пригласили нас на дружеский ужин, где пока ещё устный договор мы скрепили бокалами вина и пива. Жаль, что из намеченных скульптур в наличии оказалась только «Тигр и птица», но и она пока ещё отбывала гостить на выставку в Америку. Остальные скульптуры предстояло отлить в старинных итальянских мастерских, где трудятся ремесленники в третьем-четвёртом поколении, сочетающие опыт дедов и современные технологии.

Неожиданно нам повезло ещё и в том, что у Даши в этом же месяце была запланирована поездка на свою малую родину с заездом на один день в Иркутск. Теперь уже он с удовольствием принял наше приглашение на обед. Но самое главное, что Даши посетил реконструируемые помещения галереи-музея, а также не пожалел несколько часов времени и проехал за город к нам в коттедж, чтобы познакомиться хотя бы с частью будущей экспозиции живописи и скульптуры. И будущая галерея, и коллекция заслужили его высочайшую оценку. Такого размаха и высокого качества экспонатов он никак не ожидал. А искусствовед Надежда Петровна искренне удивилась, что коллекция собрана лет за пятнадцать, а не несколькими поколениями. Меня же, в свою очередь, поразило, что взгляд маэстро чаще всего сходу отмечал действительно самую лучшую живопись таких корифеев как А.Л. Вычугжанин, В.И. Бочанцев, А.Ф. Рубцов, В.И. Лапин, В.В. Тетенькин, Н.Н. Вершинин, Б.В. Десяткин. Но по работам нескольких уважаемых мной современников он отметил, что в них пока не чувствуется уровня личности старых мастеров. По его мнению, они мало читали, а возможно, даже прошли мимо Чехова и Толстого. Поправимо ли это, когда молодость и период становления личности миновали? Большой вопрос.

Кроме культурно-эстетической ценности, приобретение скульптуры – это ещё и способ вложения средств поистине на века, и привет из нашего времени будущим поколениям – продолжателям рода. На каждую бронзовую скульптуру из числа не музейных мы выписываем правдивую, хоть и шутивную гарантию на... тысячу лет, то есть на сорок поколений вперёд.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ШОК

Вскоре после Лондона, уже на Родине, в следующие приезды мастера углубившееся знакомство с ним, переросшее в приятельство, да, пожалуй, и в дружбу, неожиданно изменило некоторые мои, казалось бы, уже давно устоявшиеся взгляды на жизнь, а именно укрепило веру в Бога, в ангелов-хранителей в лице предков, и в результате, что особенно важно, существенно прибавило оптимизма и отодвинуло возможные депрессии. По-моему, судьба Даши и его рода заслуживает не меньшего внимания, чем вершины творчества. Его опыт помог мне переосмыслить основные вехи собственной жизни.

На все мои беды: на страшное несчастье с сынишкой Андрюшей, на неприятности со здоровьем и в семейной жизни – я стал смотреть не как на бессмысленные наказания судьбы, непонятно зачем обрушившиеся на мою бедную голову, а как на суровые испытания, ниспосланные Богом, после которых обязательно открывается какая-то абсолютно новая и светлая страница или даже глава в моей, в целом, всё же довольно успешной жизни. Много раз слышанная, а потому и затёртая фраза о том, что Господь специально посылает испытания, чтобы сделать нас крепче духом, вызывала во мне такое же

чувство, как и нравоучения родителей в подростковом возрасте. Преодолеть скептическое отношение к этому постулату мне помогла история, пережитая глубоко верующим юношей-буддистом. Залогом её правдивости является то обстоятельство, что человеку с огромными достижениями в жизни совершенно не нужно выдумывать захватывающие приключения. Такие люди не нуждаются в привлечении к себе дополнительного внимания, скорей, наоборот. О нём как о замечательном художнике-скульпторе уже давно знают не только в России, но и во всём мире. Кроме этого, рассказ во всех деталях подтверждают и мать, и сёстры художника.

Оказалось, что Даши не всегда был жизнерадостным и счастливым, как это кажется на первый взгляд. Уже через несколько месяцев после рождения младенца его маму потрясло страшное пророчество. Когда ламы присваивали имя её младшему сыну, они предрекли либо его гибель в пятнадцать лет, либо, если выживет, всемирную известность. Никакой известности ценой такого риска матери, конечно, было не нужно. О пророчестве Даши узнал, когда все напасти были позади.

И действительно, именно в пятнадцать лет у юноши совершенно неожиданно произошёл страшный болевой приступ в области желудка и спины, закончившийся прободной язвой. Несмотря на вовремя сделанную первую операцию и две последующих, в конце школы и в институтской юности он ночи напролёт страшно мучился необычно стойкой язвенной болезнью, которая не проходила, несмотря на усилия и врачей, и лам, и даже, что уж греха таить, опытного шамана, предсказавшего ему семилетние страдания с неясным концом, но не сумевшего помочь беде. Дальнейший опыт лечения подтвердил, что и этим, то ли ремеслом, то ли искусством разные шаманы владеют неодинаково. Как и в любой профессии, здесь тоже, по-видимому, есть и «троечники», и «отличники». Дело доходило до того, что из-за страшных болей Даши не мог принимать и переваривать пищу. Как следствие – на него обрушилась опасная худоба и полная потеря сил.

Как-то на охоте, недалеко от дома, он в изнеможении упал, не в силах ни встать, ни даже ползти к мотоциклу, где ждал его школьный друг Норбо. С морозом и снегом не пошутишь, и молодой человек уже начал ощущать предсмертную лёгкость, а может быть, и радость избавления от ежедневных страданий. Но ласково обнимавшую его лукавую смерть победила другая могучая сила, которая невидимыми нитями властно удерживала остатки жизни и заставила из последних сил на самом краешке бытия нечеловеческим напряжением воли два раза нажать спасительный курок ружья. Этой могучей силой была любовь к матери и отцу, к дорогим сердцу сёстрам и братьям, к друзьям из родной деревни, с которыми в интернате прошли незабываемые школьные годы, с кем спина к спине не раз отбивали жестокие нападения сельской шпаны, старающейся наказать ребят из единственной в их районе бурятской деревни за «неправильный» разрез глаз, за нескрываемое почитание родного языка и непонятных для юных варваров традиций.

По выстрелам Норбо отыскал замерзающего друга и буквально на руках вытащил из лап Владыки Холода, цепко хватающего коченеющую добычу. Ему, по-видимому, так же, как и нам, нужны художники, которые работают зимы напролёт, разрисовывая деревья, реки и окна домов, изображая на стекле порой и собственные портреты.

Приглядишь, что рисует мороз
 На оконном стекле? Нет, не розы,
 И не белые ветви берёз,
 А обозы, обозы, обозы...

И не сказочный рой облаков
 На оконном стекле серебрится –
 То замёрзших в степи мужиков
 Бородатые белые лица.

Николай Зиновьев

Одним из таких рисовальщиков и скульпторов ледяных узоров и стал бы Даши, если б не увенчавшиеся успехом упорные поиски другого места выстрелов.

Неизвестно, чем бы закончилось дело – выжил бы он или нет, если бы после уже трёх перенесённых операций, на его пути не встретился очередной шаман – женщина, к слову сказать, сама изрядно больная, несмотря на тридцатичетырёхлетний молодой возраст. Поразительно, с каким мужеством она как будто бы выполняла своё высокое предназначение, буквально рискуя собственной жизнью. Увидев молодого человека в больничном коридоре, куда его привела мать, шаман с первого взгляда поняла, что, если срочно не вмешаться, то юноша неотвратимо умрёт, и не смогла удержаться, чтобы буквально не воскликнуть об этом. Когда она взялась за лечение, то, наверное, не знала, сколь трудным оно будет. Через неделю во спасение Даши ей, больной, предстоял четырнадцатикилометровый поход вместе с его родителями к дереву их рода. Рискованная «прогулка» проходила по зимнему лесу с глубоким, почти по пояс, снегом. При этом сама она только что выписалась из больницы, и значительные физические нагрузки ей с острым сахарным диабетом были категорически запрещены. Но перед началом столь решительных и рискованных действий шаман в присутствии многочисленных родственников Даши испросила разрешения у духов предков, увидев в металлической сфере, которая побывала на теле больного юноши, хозяина их рода – бурятского князя. Шаман точно описала его портрет и определила, что он при жизни совершал паломничества в Тибет. Семейное предание подтверждало и его черты, и этот факт. Увидела она и молодую хозяйку рода. А главное, что духи поведали ей причину бед. Они решили забрать младшего в роду сына, так как в последнее время, а были это антирелигиозные советские годы, семья проявила слабость и стала недостаточно почитать предков. Позабросили они родовое древо, где следовало исполнять обряды и ритуалы-жертвоприношения, имеющие, как я сам недавно убедился, немалую мистическую силу.

Недавно мне посчастливилось почти случайно побывать на таком семейном обряде. Но примерно за неделю до этого мы познакомились в Улан-Удэ ещё с одной гранью дарования мастера, почему-то до поры до времени скрываемой от широкой публики. Дело в том, что Даши в детстве рос не только с братьями, но и в плотном окружении любящих, нежных и, конечно же, заботливых сестёр. Они иногда наряжали красивенького малыша в платица и ласково называли Дашенькой. Может быть, поэтому он вырос равнодушным не только к мужественным и коварным изображаемым в бронзе воинам, но и – рас-

крою секрет – к обворожительным, богато одетым красавицам с благородным взглядом задумчивых глаз, к очаровательным... куклам! Уже давно всех своих сестёр, талантливых рукодельниц, брата-ювелира и даже родителей он пристрастил к тончайшей ручной работе по изготовлению и украшению созданных им образов королей, мадонн с младенцами, всадниц, задумчивых тургеневских барышень и т.д. Но эти произведения видели только его друзья, которые сразу же стремились приобрести уникальные и совсем не тиражируемые творения. В результате они неспешно разбрелись по Москве и по миру. Среди счастливых обладателей известные певцы, например, Анита Цой, телеведущие и другие собиратели прекрасного, в основном из столицы. Не оказались исключением и мы с Ольгой, решив немедленно приобрести несколько рукотворных шедевров для галереи и сделать журналистский фотоотчёт об этом неожиданном открытии. Назавтра уже в шесть утра поездом Иркутск–Улан-Удэ прибыли фотохудожник Мария Маркова и журналист из нашей галереи Екатерина Иванова. Вскоре закипела восторженная работа. Но предвляло её, как и положено по законам бурятского гостеприимства, душевное чаепитие, а для желающих – непременный спутник бурятских застолий – душистые позы. После плотной работы вечером у нас был запланирован отъезд в Иркутск. У Даши громоздились свои планы. Разъехались мы с чувством, что не наобщались и не договорили чего-то очень важного и нужного. Поэтому не прошло и трёх дней, как непонятная сила вновь потянула меня в места, связанные с неожиданно открывшейся мне удивительно талантливой и дружной семьёй, как будто бы таинственно перешагнувшей из прошлых веков, где нередко несколько поколений работали под одной крышей, дружно и весело вели натуральное хозяйство. Каждый был в ту пору «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Без определённых планов я позвонил Даши уточнить, стоит ли как-нибудь съездить в их родную деревню, чтобы с помощью очевидцев разобраться, как могло сформироваться и сохраниться такое чудо и, извиняюсь, анахронизм нашего бестолкового времени как традиционная бурятская семья, да ещё и не простая, а принадлежащая к самому высокому бурятскому роду – роду настоящих «огненных» кузнецов, которые считались равновеликими и шаманам, и ламам. Представители этой, если можно так выразиться, касты всегда отмечались особыми знаками, они обычно талантливы в любом рукоделии, отличались умом и волей. Не исключением был и отец Даши – Бальжин, умеющий и мельницу возвести, и собрать электрогенератор и косилку. А в самые трудные времена хрущёвского самодурства с сельским хозяйством, он освоил сам и научил всю деревню изготавливать национальную обувь. Этот труд и интернат для детей спасали его земляков в годы уничтожения личных подсобных хозяйств и позволил сохраниться уникальной деревне, где до сих пор нет не только решёток на окнах и воровства, но и двери не замыкаются. Отец Даши также не был чужд, на первый взгляд, женского ремесла. Он умел ткать редкостной красоты ковры. Так что Даши есть в кого «заболеть» куклами. Кстати, отец также был младшим сыном в весьма многочисленном семействе.

Телефонный разговор с Даши закончился радостной вестью. Оказывается, у него неожиданно изменились планы, и они с сёстрами как раз сейчас выезжают в своё родовое гнездо, а это примерно 450 километров не лучших дорог по Бурятии и Читинской области, а завтра у них состоится очень редкое торжественное событие – родовой молебен. Неожиданно я был удостоен большой

чести – приглашения принять участие фактически в семейно-интимном ритуале, где не было, как оказалось, никого из деревенских друзей. Наверно, с далёкой юности я не загорался так ни одной поездкой. Но как же быть? До события меньше суток, а дорога – более тысячи километров. На машине уже не успеть. И опять везение. Оказалось, что несколько раз в неделю можно долететь самолётом. И сегодня в пять утра как раз будет рейс на Читу, а там 140 километров – уже не проблема – и меня встретит Чингис на внедорожном джипе.

Сказано – сделано; что нам, молодым духом, какая-то тысяча километров воздухом и более ста по земле. И вот ни свет ни заря я в аэропорту. Но авиация есть авиация. Из-за пожаров и дыма вылет переносят и раз, и два, и три на мучительных несколько часов. Но на священный ритуал в качестве зрителя я всё же успел, и моя бессонная ночь, и дорожная тряска были компенсированы с лихвой.

И духовно, и эстетически я был потрясён. Такого проникновенного пения и звучания инструментов мне не доводилось слышать. Казалось, что умелый лама, кстати, родом из этой же деревни, извлекал и доносил до нас волшебные звуки одновременно и потустороннего, и нашего мира, привлекая в помощники несметный полк музыкальных предков, поддерживающих его из далёких кочевых времён. Только в этот момент мне стало понятно мучившее меня много лет непонятное ощущение от рассказа Валентина Распутина «Что передать вороне?», где, по его словам, птица летала между нашим и ушедшим миром. Более того, в течение обряда я и сам чувствовал, что как будто пролетаю между двумя мирами и вижу собственных родственников, не одно поколение которых жило в мире и согласии с местным населением на берегу Байкала. Мои баргузинские предки по отцу знали в совершенстве кроме русского и еврейского ещё и бурятский язык. Наверняка, они также почитали местную культуру и не раз наслаждались высоко духовными обрядами одной из основных религий человечества.

Как же я был поражён, когда по завершению обряда все его участники вдруг увидели в небе двух величественно парящих орлов, как будто бы бережно несущих на своих распростёртых в неподвижности крыльях души наших прародителей, заботливо взирающих с небесной выси на своих благодарных потомков. Все участники и зрители обряда смотрели как зачарованные, и я видел, что не у одного меня на глаза наворачиваются слёзы. Каково же было потрясение присутствующих, когда и на нас упало буквально по несколько «слезинок» с неба. Показалось, что трогательную слезу обронули из орлиных глаз давно ушедшие в иной мир дорогие сердцу родственники. Единичные облака, плывущие в это время по синему небу, были явно не дождевые. Но если они и помогли в честь нас творимому на небесах встречному обряду, то совершенно не случайно.

ВРАЧЕБНЫЙ ПОДВИГ ЖЕНЩИНЫ-ШАМАНА

Но до этого праздника двух миров больному когда-то юноше, которому было суждено в будущем прославить свой род, нужно было ещё дожить, вырвавшись из цепко схватившей его беды.

В ту далёкую, ставшую уже историей пору его болезни в качестве знака, разрешающего диалог с предками и дающему шанс на исцеление, была выбрана, как это ни банально для скептиков, конкретная игральная карта, которую

шаман назвала, когда её уже предстояло вытянуть из колоды. С волнением, подобным тому, что пережил Герман в «Пиковой даме», эту мистическую карту следовало вытянуть с первого раза кому-нибудь из молящихся за столом родственников. Только ставкой здесь был не выигрыш денег, погубивший в драме Пушкина старуху, а жизнь юного Даши. Шаман к новой колоде не прикасалась, тасовали её по кругу все сидящие за столом. И вот в страшный момент все замерли – с вероятностью меньше, чем три процента из колоды новых карт следовало вытянуть бубнового туза, и только его... Чудо свершилось! Все выдохнули с облегчением. Приобретший судьбоносное значение спасительный туз нужной масти был вытянут! Но шаман знала, что это была ещё не окончательная победа, а только шанс. Впереди ждали тяжелейшие походы в зимний лес, предпринятые на пределе сил и родителями, и старшим братом Будажапом, бывшим охотником. Первый раз, пока шаман ещё лежала в больнице, с семьёй ходил вымаливать прощение «главный виновник», во второй раз, через неделю, семья двинулась с шаманом, но уже без ослабевшего после первого похода больного.

По описанию родителей, шаман, как и юноша в первый раз, пробиралась по глубокому снегу и молилась даже не на пределе, а за пределами человеческих сил. У неё судорогой сводило ноги, ей не раз растирали их, не раз она падала без сил, но поднималась вновь и вновь и упорно шла к цели. Добравшись до дерева, в конце страстной мольбы она уже не могла стоять и молилась лёжа в снегу, пока вдруг, успокоившись, не просветлела лицом. Все явственно слышали посреди леса звук проезжающей мимо телеги. Может быть, это был уехавший ни с чем мистический катафалк, а может быть, поехал, как раньше, в святые места Тибета князь-хозяин рода. Измождённая шаман радостно объявила, что духи простили род и не требуют неподъёмную жертву.

В тот же вечер мать Даши, не дожидаясь результата, потрясённая мужеством больной женщины, отдала ей все золотые украшения, которые были в доме, хотя та не оговаривала и не требовала никакой платы. Впервые за многие месяцы предельно ослабевший юноша проспал всю ночь без малейшего беспокойства, а на завтра встал к обеду практически здоровым к неопишуемой радости большой и дружной семьи, отстоявшей невосполнимую для близких и, как оказалось, для всего человечества, утрату.

Как хотелось бы поклониться в ноги этой шаману-подвижнице, к которой как нельзя лучше подходят слова Николая Заболоцкого, адресованные в стихотворении к умирающему врачу, который из последних сил напрягся, чтобы спасти получившего тяжелейший солнечный удар полевого бригадира.

СМЕРТЬ ВРАЧА

(отрывок)

...И ресницы в томленье
Поднял доктор больной.
И под каплями пота,
Через сумрак и бред,
В нём разумное что-то
Задрожало в ответ.
И к машине несмело
Он пошёл, темнолиц,

И в безгласное тело
Ввёл спасительный шприц.
И в степи, на закате,
Окружённый толпой,
Рухнул в белом халате
Этот старый герой.
Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел.

Был момент, когда Даши, буквально воскрешённый, подобно святому Илье Муромцу, потеряв на больничной «печи» хоть и не тридцать, но всё же тогда ещё примерно пять безвозвратно улетевших, как ему казалось, непродуктивных лет, высказал свою печаль. Шаман утешила его, во-первых, тем, что раньше не смогла бы помочь и она, долгие страдания были предначертаны судьбой, а во-вторых, что он, едва поправившийся молодой человек, вынесший это тяжелейшее испытание, с лихвой всё нагонит. И действительно, у Даши вдруг открылись уникальные способности, но, правда, пока не художника, а скорей всего, провидца. Он стал видеть биополя людей и мог узнать о любом самом сокровенном, в том числе и всё зло, которое человек совершил в жизни. Особенно страшно было видеть ему людей, чья жизнь запятнана чужой кровью. А таких в 90-е годы было немало. Но не судьбы Вольфа Мессинга, Джуны, а может быть, даже и Нострадамуса жаждал для себя мужественный юноша, ни разу не паниковавший по поводу возможной смерти, но давно чувствовавший непреодолимую тягу к рисованию и к резьбе. Болея, он упорно занимался самообразованием, и помогала ему в этом ближайшая по возрасту старшая сестра Доржима, чуть не ежедневно славшая из Москвы письма, в которых пересказывала всё, что проходила в художественном училище. Поэтому Даши начал упрашивать шамана перенаправить это тяготившее его предначертание судьбы в русло художественного творчества. На счастье, шаману удалось справиться и с этой весьма непростой задачей. В девятнадцать лет теперь уже не мать, а сам, никому не известный молодой человек Даши Намдаков, в подтверждение давнего пророчества лам, которые до поры до времени от него хранились в секрете, получил поразившее его предначертание о том, что он добьётся на своём поприще мировой известности. Как видим, шаман не ошиблась, хотя, совершив этот подвиг во благо человечества, вскоре сама ушла из жизни, не дотянув даже до сорока лет. Может быть, в спасении для людей гения и было главное предопределение её очень нелёгкой судьбы.

Эту захватывающую историю из своей жизни поведал мне Дашинима, когда мы пробивались по трактам сквозь дымные завесы бесхозной российской тайги из его родного Укурика Забайкальского края в Улан-Удэ.

БЕДЫ И ВЕРШИНЫ СТРЕМИТЕЛЬНЫХ ЛЕТ

Как будто иронизируя над ситуацией, по радио в это дымное время по бедно рапортовали, сколько уничтожено тонн импортного продовольствия, а наши походные бутерброды были завернуты в августовский «Московский

комсомолец» в Бурятии», с огромным заголовком «Россия жжёт, Россия давит». Несмотря на всё, наше восьмичасовое путешествие оказалось удивительно душевным. В очередной раз я убедился, что если кому-либо безудловно нравятся стихи, которые прочно поселились в моей памяти, то с таким человеком у меня совпадает и мироощущение, и совместимость оказывается такой, что можно хоть в космос, хоть в разведку. Даши открыл для себя Николая Зиновьева, Александра Вертинского. Понравились ему, извиняюсь за нескромность, и мои стихи.

В ходе неспешной беседы я с удивлением осознал, что, пожалуй, не встречал человека, с кем бы в такой полной мере совпадали мои взгляды на Божественную природу мироздания, на исключительную роль предков в жизни и в судьбе людей, на катастрофически узкую и слишком прямолинейную дорогу человечества, вытаптывающего традиционную мораль, экологию, рвущегося к сверхпотреблению на основе безальтернативных видов используемой энергии и полезных ископаемых.

Даши согласился, что до сих пор человечество не попыталось выяснить Божественный замысел своего существования. Не для того Творец наделил нас душой и интеллектом, чтобы мы взорвали или другим образом уничтожили планету и себя самих, не умея создать ничего живого.

* * *

Мы гиганты разрушенья,
Что нам стоит мир взорвать,
Дикой силушки брожение
Тянет нас озоровать.

В небесах Господь дивится:
Как не может тварь понять,
Прах вселенский да водица,
А туда же – бунтовать!

Да и вправду, чем гордиться?
Хоть бы муху воссоздать...
А мы рвёмся в тарарах,
Снова в воду и во прах.

Нам обоим близка гипотеза о том, что космическое предназначение интеллекта в сохранении главного Божественного творения – «живой клетки», которая несёт в себе уникальную программу развития всех видов жизни на нашей и на других планетах. Клетки – это не люди и не собаки, для них не нужны огромные космические корабли. Для их перемещения в космосе, наверно, достаточно каких-либо лазерных лучей, а может быть, нужно просто обуздать имеющийся в природе «солнечный ветер» (не было же ведь когда-то и ветряных мельниц) или пролетающий по галактике «бесплатный и беспилотный транспорт» – метеориты и т.д. Бросали же наши предки когда-то бутылки в океан, почему бы и нам с помощью пролетающих мимо небесных тел не посылать весточки о себе и не спасать прародителей живой материи – вирусы, бактерии и выросшие из них живые клетки?

Для решения этих космических задач следует развивать и развивать человеческий мозг, его левое и правое полушария. А значит, нужна и математика и искусство, и сохранение на долгие тысячелетия среды обитания. Следовательно, и общая межгосударственная демографическая политика и обуздание потребления природных благ. Причём необходимо развивать у людей оба полушария. Кажется, по-настоящему этой проблемой озабочен сегодня только Китай. Там на правительственном уровне серьёзно поддерживают развитие живописи и других искусств. «Охотятся» они и за картинами прибайкальских художников. Если тормозить развитие одного полушария, то получим «хромоту» разума, и бег к вершинам знаний и любви будет невозможен, человечество, как хромо́й путешественник без компаса, побредёт по кругу. Похоже, что так оно и происходит в настоящее время. «Кнопочная» цивилизация и антикультура отупляют человечество. Накопление информации в мегакомпьютерах и в научных книгах – это далеко не то же самое, что развитие разума. Без эвристических открытий галилеев, коперников, архимедов, пифагоров и ломоносовых никогда не изобрести энергии, альтернативной электричеству или жутко опасному атому. На основе имеющейся копилки знаний мы не сможем разгадать, как древние строители поднимали каменные глыбы весом десятки, а то и сотни тысяч тонн. Есть гипотеза, что использовался звук множества голосов и музыкальных инструментов определённой частоты, перекрывающий силы гравитации. Мощными источниками непонятной энергии являются и египетские пирамиды.

После нашего многочасового диалога, в ходе которого мы передавали друг другу руль, на главные события своей жизни я посмотрел по-другому. Если у юного Даши был один жестокий и затяжной кризис, то у меня их было три, зато не таких долгих. Время между кризисами мне представляется отдельной, не похожей на другие, жизнью, каждая из которых позволяла взобраться на определённую вершину, правда, не мирового, а местного масштаба. Так что тянется за мной целый архипелаг...

* * *

Качает жизнь меня как будто на волнах:
То всё теряет смысл, то обретает снова,
То страшен птичий крик в горящих небесах,
То в душу льёт заря спасительное слово.

Воздвигну из стихов я памятник себе,
Пушай не до небес, пушай масштабов местных.
Потомки разглядят в мятущейся судьбе
Стремительный полёт на крыльях дней чудесных.

У Даши же всего одна вершина, но зато до самых небес. Интересно, что с детства, может быть, со знакомства с героем замечательной трилогии Драйзера Каупервудом, мне всегда представлялись мои достижения в масштабах города. Звание Почётного гражданина г. Иркутска, которое имеют всего человек 35, собственно, и подтверждает достижение этой цели. Но, может быть, теперь и настало время осуществления новых мечтаний, связанных с моей прозой и галереей? Почему бы и нет.

МЕЧТА О МЕЧТЕ

Давно ль желанья и мечты
 Шептал я ёлочке, волнуясь,
 В них было чудо простоты —
 Велосипед, игру, часы
 Нёс Дед Мороз мне, повинуюсь.

Как страшно оказаться вдруг
 Без грёз привычных новогодних.
 В тумане скрылся лучший друг,
 С любимой разомкнулся круг...
 Зажгись, мечта, в ветвях холодных!

Но вернёмся к моему открытию. Первая жизнь — жизнь студента-механика-машиностроителя закончилась сразу же после института с его Ленинской стипендией и напряжённой инженерной работой весь последний год обучения и во время диплома. Далее, работая руководителем, я опирался только на экономику и организацию труда. И никогда не возвращался непосредственно к инженерному делу. Этот этап оборвался вместе с получением красного диплома и последовавшей за этим депрессией со страхами болезни и смерти, приведшими и к скачкам давления, и к острому гастриту, и к сердечным болям, едва не закончившимся инфарктом.

После каждого кризиса у меня рождалась любовь, резко в гору шли и дела, и творчество. После первого кризиса я стал самым молодым начальником цеха, захватывающие полёты были у меня тогда даже во сне. Я поразил успехами огромное девятидесятилетнее оборонное предприятие, называвшееся для конспирации «Иркутский завод радиоприёмников им. 50-летия СССР». В это же время, когда мне было 24 года, родился и сынишка Андрей.

После жуткого второго кризиса, с гибелью сынишки и последовавшим за этим через несколько лет опасным желудочным кровотечением, родился Стасик, а позже образовалась новая семья с появлением в этом мире Полины и Даниила, расцвела также и фирма «СибАтом», а со временем вызрели и поэтические успехи.

И наконец, на новом сегодняшнем этапе — любовь с Ольгой, ставшей моей молодой женой, и создание с ней совершенно уникальной для нестоличного города «Галереи современного искусства», а также первое прозаическое произведение из двух книг о бизнесе и о судьбе.

Каждому этапу жизни соответствует и немало стихов. Вот некоторые из них:

ВСТРЕЧА

Сыну Андрюше

1

Я обветшалой даче поклонился,
 Ровеснице заснеженной, седой.
 След прошлого снежком запорошился,
 Все разошлись, гонимые судьбой,
 Никто не видел бездну пред тобой.

Сад поредел, порушилась ограда,
Бреду один вдоль прошлого с мольбой.
Вдруг, будто сон (о, мука и отрада!),
Твой светлый взор из дымки голубой
Обжёг мне душу детскою тоской.
И молний давних вспыхнули разряды,
Рыдало небо ливнем на лугу,
Наивные, с тобой мы были рады,
Что спрятались от вечности в стогу.
Тот запах счастья в сердце берегу.

2

Я обветшалой даче поклонился,
Себя сквозь вёрсты трудные нашёл.
Вдруг с дедушкой ты на снегу явился
И за руку по насыпи пошёл.
Пронзая плоть тяжёлого заката,
Несётся поезд бешено во мглу,
Посторонись... Но вечной стала дата,
Ни выдохнуть, ни вскрикнуть не могу.
Угасло солнце в розовом снегу.

* * *

Кровь, как река в землетрясенье,
Рвалась из русла, не спросясь,
Вдоль лиц родных, давно ушедших,
Я проплывал не торопясь.

Сгорая в муках расставанья,
Гордыни сбросив плащ земной,
Я не успел на покаянье,
Господь послал уже за мной...

Где вихрь поэзии взметнулся,
Там жизнь сгорает в ранний срок,
Но я с судьбою разминулся
У «лукоморья» дивных строк.

На небе каждый вздох мой знали,
Суд неподкупен был и строг:
Меня поэтом не признали
И не послали чёрных дроздов.

* * *

Закат кровит слабей, слабей
И тихо тает в тьме грядущей;
Для всех череда обычных дней,
Ко мне ж нагрянул юбилей,
Как ни моли, ни дня не ждущий.

Я сроду не был за чертой.
Там мать с отцом и бабка жили,
А я всегда был молодой!
Кто ж подшутил так надо мной,
Зачем морщины налепили?

Я в этой роли новичок,
Она мне, братцы, не подходит!
Закрою двери на крючок
И смою грим. А вы – молчок!
Но время занавес разводит...

* * *

Ольге

Ты цветы наших чувств окропила
Откровенности тихой слезой,
И полночи душа говорила
Со второй бесприютной душой.

И чем глубже слова обнажали
Всех предательств жестокую суть,
Васильки твоих глаз расцветали,
Нас маня в неизведанный путь.

А на завтра мы «солнце сажали»
Как любовь, был безумным закат.
В краски ангелы страсть намешали,
Чтобы мы не глядели назад.

Собственно, знаковым событием сегодняшнего этапа стало и знакомство с совершенно незаурядной личностью – Даши Намдаковым, чьи произведения буквально вдохнули душу в новую галерею, а его мысли и судьба всколыхнули мои новые чувства и укрепили веру, причём не на несколько минут, после которых «снова веру сомненья сомнут», как писал Николай Зиновьев, а думаю, что теперь уже навсегда.

У Даши одна вершина не только в творчестве, но, что особенно здорово и нечасто бывает в наше суетное время, и в семейных отношениях, и в любви.

И сегодня, как я убедился, побывав в Укурике у «лондонца», тысячами нитей связанного со своей малой родиной, самые тёплые отношения со старинным другом и со всем его семейством. Кстати, трепетно относится к своей деревушке не только Даши, но и большинство жителей, хотя многие вместе с детьми живут в поджидающих их добротных домах теперь наездами. Многие сёла могли бы позавидовать их красочному, с душой сделанному дацану, и в ближайшее время будут завидовать новенькому клубу, который, так же как и дацан, возводится всем миром без бюджетной поддержки. Особенно мне понравилась подготовка к деревенскому сходу уважающих и, более того, любящих друг друга односельчан. А состояла подготовка в том, что солнечным воскресным утром все желающие подкрепиться перед деловым разговором запросто заходили на двор к Нарбо, где на дощатом деревянном столе испускали призывный парок свежие позы из домашней свининки и радовали глаз сияющей разноцветностью овощи и салаты.

В ходе застолья было весьма интересно узнать по секрету от одной словоохотливой соседки историю любви Даши и его дорогой Татьяны, которую она в деталях знает, очевидно, не только из своих впечатлений, но и со слов кого-то из сестёр мастера. Она красочно поведала, как почти тридцать лет назад юные Даши и Татьяна приметили друг друга, будучи как-то в одной общей компании, где им не удалось познакомиться и даже обмолвиться хотя бы одним словечком. Всё решила следующая случайная встреча на улице, когда робкий юноша подошёл и неожиданно для самого себя, не очень красноречиво сказал: «Пойдём в кино!» – и Таня сказала: «Да!» Как вскоре выяснилось, «да» прозвучало не только в кино, но и в дальнюю дорогу по всей очень непростой жизни.

Судьбоносное знакомство произошло, когда с помощью шамана зарубцевались мигом все язвы и Даши был какой-то период времени абсолютно здоров. Но надо же было случиться новой беде. Через какое-то время после чудесного излечения множество грубых рубцов, годами охотившихся за жизнью, взбунтовались, и их грубая ткань почти уничтожила эластичную подвижность желудка, то есть перистальтику. И опять надолго обрушились новые страдания и жуткие неудобства совместной жизни. Но Татьяна без малейшего ропота вынесла всё. Юная, слегка избалованная студентка, на долгие месяцы стала и домашней медсестрой, и санитаркой и сиделкой, пока Даши и врачи не решались на ещё одну, уже четвёртую операцию на израненной плоти. Но после долгих мучений на этой непростой операции окончательно завершился отсчёт семилетней болезни.

А тогда в океан любви чистой и полноводной рекой влилось на всю жизнь трепетно-терпеливое чувство жены-студентки, безгранично преданной больному в ту пору автору плакатов из простой, хотя и очень мастеровой семьи. Но от «трудов праведных», как повелось, к сожалению, у нас, не воздвигнешь «палат каменных». Татьяна же вошла в жизнь юноши совсем из других «палат». Она дочь партийного работника. А это при социализме была особая номенклатурная каста, которой, правда, не было в традиционном бурятском «табеле о рангах», где самым достойным считался род кузнецов – укротителей огня и металла. Таню ничто не могло остановить, и она упорно следовала голосу своего сердца. Думаю, к ней в полной мере относится одно из моих стихотворений о чистой и бурной любви.

* * *

В тебе любви и радости –
Как в свежести озёрной,
Чистейших вод накоплено
Среди прохлады горной.

Но солнце лаской жаркою
Под шубкой снеговой
Живой, журчащей музыкой
Нарушило покой.

Прорвало плен свой озеро.
И бурно понеслась
Вода повеселевшая,
Сияя и искрясь.

Вмиг русло пересохшее
Наполнилось водой...
А мы не так ли бросились
В объятия с тобой?

Бурлила нежность радостной
Рекою без конца,
Где камешки – веснушки
Любимого лица.

В трудный период болезни поддерживали Даши и его одноклассники. Благо, группа художников в красноярском институте была всего человек семь. Повезло Даши и с настоящим Учителем, что в нашей жизни бывает не так уж часто. Им стал сильный педагог, а главное, настоящий Человек и скульптор, академик-секретарь Сибирско-Дальневосточного отделения Академии художеств СССР, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии Лев Николаевич Головинский (1929-1994 гг.). Уже по вступительному рисунку он отметил для себя огромный талант Даши и, несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, остался преподавать, хотя в планах у него было другое.

Лев Николаевич восхищался необычной скоростью, с какой Даши усваивал материал и обгонял студентов и даже аспирантов по уровню мастерства. Уже за два года до окончания института академику было ясно – юный скульптор превзошёл всех, и дальнейшая его учёба бессмысленна. Тогда он утрясает вопрос в Москве, выделяет гениальному студенту отдельную мастерскую и забирает его досрочно готовить дипломную работу. При этом удовольствие от работы получали оба участника. Даши перенимал опыт, а не очень здоровый мэтр радовался, что может через своего подшефного с гениальной точностью выразить в произведении свои замыслы, которые, как стало ясно через два года, были последними. Полюбила юное дарование из Бурятии и даже нередко готовила ему диетические блюда жена мэтра, немка по национальности, замечательная душевная женщина, как вспоминал сам Даши, Энрика Эмильевна Эгерт.

Повезло Даши и в юную улан-удэнскую пору. Его привечал у себя в мастерской и позволял следить за своей виртуозной работой другой замечательный скульптор, заслуженный художник РСФСР, народный художник Бурятии академик Геннадий Георгиевич Васильев (1940-2012 гг.). А ещё раньше, когда Даши был школьником и пропускал из-за болезни месяц за месяцем, с ним подружился простой, без регалий, но очень чуткий и отзывчивый человек, преподаватель литературы в интернате Николай Фасович Кряжев. Он привил пытливому школьнику любовь к русской и бурятской классической прозе и к стихам, но, что не менее важно, он буквально сражался с педагогическим советом интерната, чтоб они не травмировали больного подростка и не оставляли на второй год. Только благодаря его заступничеству, несмотря на огромное количество пропусков, Даши всё же вовремя закончил школу. Но аттестат – аттестатом, юноше предстояло после окончания школы решить ещё одну немаловажную задачу – ни много ни мало остаться в живых. С помощью не только лекаря шамана, родных, а на финишном этапе и Татьяны, нестигаемый потомок рода кузнецов успешно решил эту главную задачу.

Николай Зиновьев

НОЧНОЙ ДНЕВНИК

Николай Александрович Зиновьев – член Союза писателей России, автор 24 поэтических сборников, лауреат многих международных, всероссийских и региональных литературных премий. Стихи переведены на белорусский, армянский, чешский, сербский, вьетнамский и черногорский языки.

Новая книга Николая Зиновьева «Ночной дневник» вышла в Иркутске, как и книга «Над смыслом бытия» (2009 г.), при финансовой поддержке поэта и предпринимателя, члена Союза писателей России, Виктора Владимировича Бронштейна. Подготовил «Ночной дневник» к печати, включая оформление и верстку, ещё один иркутский поэт – Сергей Корбут. Так что книга, стихи из которой мы сегодня представляем, явилась результатом и поэтического содружества, и человеческой дружбы и взаимоподдержки.

*В этом мире сна и иллюзий
лишь душа человека несёт
в себе явь.*

Св. Николай Сербский

* * *

Хоть ветер в дом и не проник,
Но бросил листьев стаю
В стекло. Веду ночной дневник.
Куда веду? Не знаю.
А может, он ведёт меня
Невидимой рукою,
Как дед когда-то вёл коня
За повод к водопою?
«Духовной жаждою томим»,
Пишу в изнеможении.
Веду ль дневник? Иду ль за ним?
Неважно. Суть – в движении.

УКРАИНЕ

Пусть кулаки от злости сжаты,
Пусть грязи на меня ушаты
Ты льёшь, но не из добрых чувств,
Пойми, тебя, сестрёнка, Штаты
Так нежно глядят по плечу.
И чтобы там ни голосили,
Поймёт когда-то и дурак:
На самом деле у России
И Украины – общий враг.

* * *

А если гибнут женщины и дети –
В огне войны в угоду подлецам,
То всё ли Промыслительно на свете?
Вопрос не нов, но он приходит сам.
Хоть сомневаться в Промысле негоже
Читающему истово Завет,
Но, как Твардовский, через много лет
Твержу опять: «Но всё же, всё же, всё же...»

* * *

Талант от Бога славен духом,
Не жаждет славы он земной,
Не распускает грязных слухов,
Не носит камня за спиной,
Честь не меняет на монеты,
Терпеть не может лстивых фраз.
Мои приятели-поэты,
Увы, всё это не про нас.

* * *

Не на гвоздь ли повесить мне лиру?
Ведь зачем – я уже не пойму –
Петь о чём-то безумному миру,
Подражая в безумье ему?
Скажет кто-то, что мир наш прекрасен
И разумен – в ответ промолчу.
Философски я с ним не согласен,
Но восторг погасить не хочу.

ПОПЫТКА ПЕЙЗАЖА

Плывёт по небу птичья стая,
Осенний воздух сух и чист,
Мой жалкий разум потрясая,
Слетает с ветки жёлтый лист.
Вокруг меня танцуют тени,
И в довершение ко всему
Я опускаюсь на колени,
Не понимая почему.
Хотя, конечно, есть догадка,
Но объяснить её словами
Нельзя ни длинно и ни кратко.
А на душе так скорбно-сладко...
Такого не случалось с вами?

ИЗ ДЕТСТВА

Утро. Солнце. Блеск росы.
Ни вина ещё, ни девок.
На руке моей часы,
Ни стекла на них, ни стрелок.
Мне сосед их подарил
Без малейшего подвоха.
Я, как чудо, их носил.
Как завидовал мне Лёха!
Из одежды лишь трусы,
И – бегом в объятья мая!
И носил я те часы,
Даже на ночь не снимая...
Всё прошло давным-давно,
А тогда – судите сами –
Вечность с нами шла в кино,
Мяч гоняла вместе с нами.

* * *

Я, может быть, и не злодей,
Но и в безгрешные не вышел.
Я знаю множество людей
Душою чище, духом выше.
И пусть они не пишут книг,
Но дом их выстроен на камне.
А как меня спасёт мой стих,
Не представляется пока мне.

* * *

Текут года. Всё ближе к устью.
Тем слаще каждая верста.
Я по годам плыву не с грустью,
Я взял в спутники Христа.
О чудеса метаморфозы!
И даль ясна, а не туманна,
И на лице моём не слёзы
Блестят, а брызги океана...

ГЛАС НАРОДА

Вновь стучится война у ворот,
Что-то страшное с нами случится!
Но меня успокоил народ:
«Да она к нам с рожденья стучится.

Ты в минувшее наше взгляни:
И отцы воевали, и деды,
Потому что, увы, без войны
Никогда не бывает Победы».
И с тех пор не грущу я, не кисну,
Даже лепту добавил свою:
«Без погибших в боях за Отчизну
Кто бы смог поселиться в раю?»

ДРУЗЬЯМ

Не понимая жизни сути,
Зачем пишу я про неё?
Полно не радости, но жути
Моё в кавычках бытиё.
В мельканье дней пустом и сером
Пусть послужу я вам, друзья,
Живым классическим примером
Того, как жить уже нельзя!

СОБРАТУ ПО ПЕРУ

Хочешь знать, где я был?
В этом нету секрета.
Я в себя уходил:
Не на миг – на всё лето.
Исхудавший, как пёс,
Я вернулся обратно.
Что оттуда принёс,
Записал аккуратно:
«О душе не пиши
Так темно и убого,
Знай, от русской души
Ключ хранится у Бога».

* * *

Какой-то пошлой декорацией
Стал облик милой мне страны.
Не жизнью, нет, но имитацией
Её мы все угнетены.
В тисках душевного разлада
Покая ищем мы основу,
Забыв, что всё идёт, как надо –
По Иоанну Богослову.

* * *

Я гляжу в окошко на зиму,
Грустно сердцу моему,
И тоскливо, как Герасиму,
Утопившему Муму.
Выбегаю через сени я
И шагаю вдоль леска,
Но нигде мне нет спасения, –
Не ищите объяснения,
Это – русская тоска.

МЕТАМОРФОЗА

Шёл по свалке.
Вдруг как кинусь! –
Боже мой, да это ж примус!
Застучало гулко сердце,
Заскрипела в детство дверца.
Всё, что было позабыто,
Со слезами вспомнил я.
Примус был предметом быта –
Стал частицей бытия.

* * *

День ото дня мелеют реки,
И вместе с ними заодно
Мельчают люди-человеки,
Безверье тащит их на дно.
Кто эту жизнь переиначит,
Что так продажна и груба,
Где ничего уже не значит
Отдельно взятая судьба?

* * *

Стареет всё в конце концов.
Тускнеет всё под слоем пыли.
И мысли древних мудрецов
Уже не так мудры, как были.
Но нестареющее есть!
На сердце руку положая,
Я говорю: «Благая весть,
До той поры, пока мы здесь,
Всегда свежа».

* * *

Пусть не хочется, брат, умирать,
Но есть слово железное «надо»,
Чтоб пополнить небесную рать
Для сражения с силами ада.

Эти доводы ёмки и вески,
Но, как ни был бы смел ты и крут,
Стоит всё же дожидаться повестки.
Добровольцев туда не берут.

НА РЕКЕ

Я благодарен бытию,
Что у реки с удой стою
И карасей ловлю, но всё же
И карасей помилуй, Боже.
Я слишком много их ловлю,
Пускай срываются почаше.
У побывавших на краю
Своё понятие о счастье.

ЭКСПРОМТ

Жизнь висит на волоске,
И не оттого ли
Человек живёт в тоске
По иной юдоли?
Бьётся жилка на виске,
Помня о коварстве,
Что таится в волоске.
Человек живёт в тоске
О Небесном Царстве.

* * *

Вот и осень собственной персоной
Серебром явилась на траве.
Мысль о смерти мухой полусонной
Целый день летает в голове.

Позднее восходит вяло утро,
Скоро полетит уже и снег.
Осенью не помнишь почему-то,
Что душой бессмертен человек.

* * *

Время дышит годиною
Испытаний и бед.
От неё за гардиной
Шансов спрятаться нет.
Надо выйти навстречу,
Помолившись, как встарь,
И свою человечью
Бросить жизнь на алтарь.
Нелегко это будет,
Хоть понятно вполне:
От страны не убудет,
Но прибудет стране.

* * *

Парк. Осень. Клёны. Желтизна
Сочится сквозь промозглый морок.
И чувств, и мыслей «новизна»
Смешна, когда тебе за сорок.
Роняют клёны наземь семя,
А небо – дождик ледяной...
Я по аллее шёл, и время
Смыкалось плотно за спиной.

* * *

Посмотри на этот свет,
На мерцанье жизни зыбкой,
И пускай ты не поэт,
То, чему названья нет,
Можно выразить улыбкой –
Очень грустной, очень тихой,
Как в степной реке вода,
Как звезда над облепихой
И как слово «никогда»...

* * *

Отцветали сады, крепла завязь,
Плыл рассветный туман над рекой,
И в душе крепла белая зависть –
Обрести вот такой же покой.
Не придумывать больше невзгоды,
Никакой не страшиться беды,
Не считать ни минуты, ни годы,
Принося в час урочный плоды.

СВЕТ НЕГАСИМЫЙ

Да, можно многое отнять
У человека, вплоть до жизни.
Любовь же к Богу и Отчизне
Всегда останется сиять
Над жалким холмиком могилы
Могучим негасимым светом,
Каким бы ни казался хилым
Мой стих об этом.

* * *

Ни электричества, ни газа.
Хозяйке скоро сотня лет.
Но, как ребёнок, ясноглазо
Глядит она на белый свет.
Кривая ветхая хатёнка,
В сенях старинный ларь с мукой.
Такую хату, как котёнка,
Погладить хочется рукой.
Над крышей хаты с кроной вяза
Сплелась могучая ветла...
Ни электричества, ни газа,
Но сколько света и тепла!

* * *

Рассвет июльский просто дивен,
Играет солнце на волне,
Но что ж я сам себе противен?
И скучно мне, и грустно мне.
«Скорбящий дух угоден Богу» –
Известно это мне давно.
Но эту боль, тоску, тревогу
Я ненавижу всё равно.

* * *

Веду уже я много лет
Дневник (или ночник?) души,
В которой – то сияет свет,
То тьма в ней в роли госпожи.
То ненавида, то любя,
Но я веду дневник свой стойко,
Веду не только для себя,
А может, даже и не столько...

В мире слов и звуков

Владимир Рак

МЭРГЭН И МОРГЕН

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ РЕЧИ*

Всё началось с того, что я задумался о звуках, с помощью которых создается речь, и одинаковые ли эти звуки у разных народов. Оказалось, что существует международная фонетическая азбука, в которой около 90 звуков. Человечество, не смотря на огромное количество языков и наречий, использует в своём речевом арсенале всего-то это незначительное количество. И даже это «незначительное количество» при ближайшем рассмотрении можно свести, примерно, к 30 основным звукам. Остальные звуки или звучат почти одинаково, или разница между ними совсем невелика. Я задал себе вопрос, а совпадает ли значение звуков в различных языках и есть ли оно вообще, это значение.

Мои дальнейшие исследования речи привели меня к поразительному результату – смысл большинства звуков в ней един, и этот смысл есть определённо. Более того, при внимательном анализе я пришёл к выводу, что и большинство корней человеческой речи имеют одинаковый смысл для языков планеты Земля. Какой он, я предлагаю в этой работе проанализировать. Для примера я могу предложить здесь всего один корень-слово «га», да-да, несмотря на то, что этот корень состоит всего из двух звуков, это полноценное слово, имеющее значение длины. На русском языке множество названий рек включают его в себя, это – «Вол-га», «Лад-га», «Оне-га», «Нине-га», «Пине-га», «Свия-га», «Ветлу-га», «Хул-га», «Ва-га», «Моло-га». Казалось бы, эти названия рек имеют отношения только к русскому языку. Но, рассмотрим названия рек в Прибайкалье, где на бурятском и монгольском языках река называется «ан-га» и «гол». Перечислим несколько рек Прибайкалья – «Ан-га-ра», «Селен-га», «Кирен-га», «Катан-га», «Кулен-га», «Бай-га», «Кижин-га», «Гуил-га», «Джир-га», «Ивол-га», «Ирин-га», «Гар-га», «Кынгыр-га», «Ан-га» – 4 реки. К этому можно добавить, что 25-30% рек Прибайкалья имеют окончание «гол».

«Га» имеет значение длины не только в названиях рек – в русском языке во многих других словах используется «га» для придания им смысла длины. Например: «доро-га», «но-га», «кочер-га», «ва-га», «берло-га», «катор-га»,

* Более подробно с гипотезой автора о праязыке можно ознакомиться в его книге «Праречь: фантазия и реальность», Иркутск, 2013 г. – *Ред.*

«белу-га», «кольчу-га» и ещё множество слов. В этой связи я предлагаю вниманию читателей три слова, с тем чтобы понять четвертое. Сибирские река Лена, река Селенга и зверёк «солонгой – колонок» (эвен.). Заметим, что колонок жёлтого, лунного цвета. И теперь определим, где образовалось латинское слово «селена – луна».

Несмотря на то, что речь менялась во времени, – в некоторых случаях до неузнаваемости, – попытаемся её разобрать. Современный русский человек с большим трудом сможет прочесть и понять древнерусский великий памятник литературы «Слово о полку Игореве», а ведь с момента его написания прошло одно тысячелетие.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ РЕЧИ

Многое из того, что я писал о речи, пришло ко мне в виде догадок, частью, как некое наитие, а многое путём логических выводов. Как бы там ни было, «человек – существо сомневающееся», и человеку всегда хочется найти, если не единомышленников, то хотя бы того, кто мог бы понять и разделить твои взгляды. В поисках подтверждения своих изысканий в области языкознания я нашёл книгу, которая поразила меня своей глубиной и масштабностью. Можно даже сказать – монументальностью, несмотря на небольшой её объём. Она называется «Земля людей – земля языков», и написал её Александр Михайлович Кондратов, учёный, который уже ушёл из жизни. Книга замечательная, в ней популярным языком описана вся история человеческой речи, учитывая этапы её развития. Начинаются изыскания Кондратова с речи индоевропейской, как вершины, и заканчиваются пигмеями, носителями самой древней речи на планете. Александр Михайлович Кондратов был лингвистом, писателем и археологом. Я приведу здесь выдержки из его книги, они очень любопытны.

Карликовые народы живут не только в Океании, Юго-Восточной Азии и на Андамантских островах. «Классическими» пигмеями считаются жители джунглей Центральной Африки. Некоторые учёные полагают даже, что рассеянные в самых труднодоступных уголках земного шара низкорослые народности – это остатки самых древнейших обитателей планеты, своего рода «живые ископаемые». И было бы крайне интересно сопоставить наречия, на которых они изъясняются. Но, к сожалению, большинство племён утратило свой родной язык (семанги, сенои, аэта). Перешли на язык своих высокорослых соседей и африканские пигмеи. И лишь в южной части Африки есть племена, чья речь совершенно не похожа на речь остальных африканцев. Это – бушмены, живущие в пустыне Калахари и к западу от неё, в пустыне Намиб, потомки самых древних обитателей Африканского материка. Бушмены причудливо сочетают в своём облике признаки двух рас – монголоидной и негроидной. У них желтоватая кожа, курчавые волосы, «пигмейский» (около 150 см) рост и «австралийские», большие и массивные надбровья. Выступающие скулы и ушные раковины с приросшей мочкой, инфантильное, детское лицо и морщинистая кожа. Монгольский разрез век и широкий негритянский нос. Словом, вместе с айнами бушмены в антропологическом отношении являются самым своеобразным народом земли. Бушменские языки не уступают в оригинальности внешнему виду бушменов. Лингвисты широко пользуются

Международным фонетическим алфавитом, сокращенно – МФА. В нём около 90 специальных знаков. С их помощью можно передать на письме звуки любого языка. Но только не бушменских, где есть совершенно особый тип звуков – они щёлкающие. Для обозначения щёлкающих звуков лингвистам потребовались специальные условные знаки. Выглядят они так: буква /, буква ≠ (зачёркнутый знак равенства), буква !, буква //, буква ///, буква +, буква □, и буква О (кружок с точкой в центре).

Буква / передаёт бушменский щёлкающий звук, который образует язык, прижатый к зубам (мягкий, как бы «всасывающий» звук).

Буква ! предназначена в условной записи бушменского языка для звука, несколько напоминающего хлопанье пробки.

Кружок с точкой в центре обозначает в записях лингвистов звук, подобный звуку поцелуя. Но щёлкающий звук можно произнести с придыханием, а можно без придыхания. Можно сделать его звонким, а можно – гнусавым, носовым. Таким образом, появляется возможность из семи основных щёлкающих звуков получить несколько десятков производных. В некоторых бушменских языках число щёлкающих звуков доходит до 20-30, а в языке под названием ауни (знак / в начале этого слова передаёт, как вы помните, мягкий «всасывающий» звук) на долю щёлкающих звуков приходится около 60 процентов всех звуков языка! Речь на этом языке состоит почти из непрерывного щёлканья, всасывания, поцелуйных звуков и т. п. При первом знакомстве с речью бушменов кажется, что европеец просто не в состоянии воспроизвести их своеобразные щёлкающие звуки, ибо для этого нужно иметь особым образом устроенные органы речи. Но после тренировки любой человек может научиться бушменской речи. Ведь речевой аппарат устроен одинаково у всех народов мира. Звуки, сходные с бушменскими «щёлкающими» звуками, можно найти в речи соседних народов Южной Африки. Бушменские наречия (их около двух десятков) сложились в незапамятные времена в Южной и Восточной Африке и образуют единую семью.

Надеюсь, читатели уже поняли, что в этом отрывке из книги А.М. Кондратова речь идёт о людях, которые по многим признакам являются пращурами всего человечества. Эти люди не покинули пределов Африки и сумели приспособиться к суровым условиям изменившегося климата. Мало того, они сохранили облик перволюдей и речь, на которой разговаривали все люди до своего великого исхода из Африки. Понятно, что почти за восемьдесят тысяч лет древняя речь была ими развита, но так же незначительно, как незначительно изменились они сами. Эти люди не только сами «живые ископаемые», но и речь их такая же «ископаемая». Лингвист и археолог А.М. Кондратов путём сравнительного анализа пришёл к пониманию того, что речь бушменов является «перворечью». Учёный в большей или меньшей степени касается в своей книге всех основных национальных речевых образований. Он примерно сумел определить, в какой последовательности развивалась речь на нашей планете. В Сибири, например, – на первое место по времени Кондратов ставил речь алтайцев и только потом тюрков и индоевропейцев.

Удивительно, но когда русские первопроходцы пришли на берега Байкала, они оказались не единственными русыми людьми в Прибайкалье. По берегам реки Лены уже жили айны – русоголовые люди с огромными бородами, кото-

рые они подпирали деревянными рогатками. Позже учёные описали внешний облик этих людей.

Когда племена якутов в средние века по каким-то причинам покинули Прибайкалье, они вытеснили айнов с их насиженных мест, и те были вынуждены бежать с берегов реки Лены и откочевали на Сахалин и Японские острова. Интересное слово Сахалин – «саха – белый», «лин – длинный», он и есть белый (в снегу) и длинный остров. На Сахалине айны со временем обрусели, а в Японии они были вытеснены японцами на безжизненные острова и подверглись геноциду. В связи с этими событиями язык айнов не сохранился. Есть несколько энтузиастов, которые пытаются воссоздать их речь на основе языка аборигенов Сахалина, но эти попытки, видимо, обречены.

Преодолевая огромные расстояния Евразии, племена продвигали человеческую речь. Это продвижение я задался целью показать на примере монгольского и бурятского языков. Сразу нужно оговориться – все народы перенимали не слова, а знания, обозначенные теми или иными словами. Я немец, и могу утверждать однозначно, русские слова немцы перенимали в России совершенно точно так, как и буряты. У бурят колхозой и парти, а у немцев колетиф и партей. Но и русские люди, перенимая иностранные слова, часто коверкают их до неузнаваемости. Хорошо, когда это происходит естественно, но ведь частенько русские, да и буряты перенимают иностранные слова щегольства ради. Давайте возьмём наше общее советское прошлое – вначале мы все носили в школу суумхэ или сумку. Шло время, менялась жизнь, и мы уже все друженько стали носить школьный портфель. С каким же упоением мы произносим теперь с экранов телевизоров не «портфель», а «портфолио»!

Для начала мы рассмотрим слова, пришедшие в бурятский и монгольский языки явно из иностранной речи. Конечно это в основном русские слова.

Абзац – (бур.). Догол шэнэ мур – абзац (монг.). Авангард (бур.). Магнай тэргуун (монг.). Аварии (бур.). Осол суйдэл (монг.). Автобусэ (бур. монг.). Автобазэ (бур.). Автобааз машинын (монг.). Аптэкэ (бур., монг.). Аэродромэ (бур., монг.). Бактери (бур.). Няи (монг.). Башни (бур.). Цамхат – башня (монг.). Библиотекаэ (бур., монг.). Биохими (бур., монг.). Вагон (бур., монг.). Валенкэ (бур.). Эсгий гутал (монг.). Ветеринарэ (бур.). Малыи эрч (монг.). Газетэ (бур.). Сонин (монг.). Гараж (бур.). Гарааш (монг.). Гектар (бур., монг.). Герб (бур.). Драмын жужиг-драма (монг.). Жнейка (бур.). Хадах машин (монг.). Журнал (бур.). Сэтгийл (монг.). Завод (бур.). Уйлдвэр (монг.). Зал (бур.). Зал танхим (монг.). Кофто (бур.). Кофт (монг.). Клуб (бур.). Клуб (монг.). Лаампа (бур.). Лампаа дэн (монг.). Лимон (бур.).

В чистом виде русских слов в монгольском и бурятском языках просматривается небольшое количество. По-другому обстоит дело, когда в них встречаются русские слова со сложным для бурятского или монгольского языка произношением. Эти слова звучат настолько необычно, что кажутся смешными даже для бурят.

Судите сами: Арендвалха – арендовать (бур.). Арестовалга – арест (бур.). Боошхо – бочка (бур.). Боошиг – бочка (монг.). Борной – борона (бур.). Борной датнуур (монг.). Ботинканууд – ботинки (бур.). Гутал шаахай шагайвч – обувь (монг.). Бэржэнтэ – брезент (бур.). Брезент (монг.). Гулабхаа – голубь (бур.). Горшоог – горшок (бур.). Горхи – горшок (монг.). Гэршихэ – гречи-

ха (бур.). Даха – доха (бур.). Дах – доха (монг.). Жэшмээн – ячмень (бур.). Избёосхоо – извёстка (бур.). Колошо – калоша (бур.). Голоош – калоша (монг.). Кэпкэ – кепка (бур.). Саравчтай малгай – кепка (монг.). Лабшаа – лапша (бур.). Морхооб – морковь (бур.). Мэшээг – мешок (бур.). Обёос – овёс (бур.). Овьёос – овёс (монг.). Пеэшен – печка (бур.). Пийшин зуух (монг.). Поршоонхо – поросёнок (бур.). Суудхэ – сутки (бур.). Суумхэ – сумка (бур.). Цунх – сумка (монг.). Таас – таз (бур.). Тэмпэн (монг.). Тархаан – таракан (бур.). Хабхаан – капкан (бур.). Хавх – капкан (монг.). Хууртиг – куртка (бур.). Хурэм – куртка (монг.). Хурпээ – крупа (бур.). Будаа – крупа (монг.). Хушуургэ – рычаг (бур.). Хушуурэг – рычаг (монг.). Шэнийсэ – пшеница (бур.).

Имело место и обратное движение речи – монгольские и бурятские слова превращались в международные. Например, слова «тундра» и «тайга» знает весь мир. Позже мы сделаем попытку проследить ряд слов алтайской речи, которые вполне узнаваемые на русском и в тюркских языках.

АЛТАЙСКОЕ ЕДИНСТВО

А. М. Кондратов

Итак, вплоть до первых веков нашей эры предки эвенков, маньчжуров и других родственных им малых народов жили вместе, вероятно, в районе Прибайкалья. Появление древних тюрков, а затем племен, говоривших на монгольских языках, заставило эвенков уйти в бескрайние просторы тайги и покорить их. Похоже, что район Прибайкалья, таким образом, является «точкой пересечения» народов, говорящих на языках трёх семей: тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской. За время многовекового соседства в этих языках появились общие слова, так же как и общие элементы в культуре, быту, хозяйстве.

Проникая всё глубже в историю, добираясь до основных пластов языка, обращаясь к тем словам, которые, как правило, не заимствуются, учёные установили, что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки обнаруживают несомненное сходство. Лингвисты, сравнивая различные тюркские языки, смогли реконструировать древние корни и грамматику пратюркского языка. То же самое было сделано и для тунгусо-маньчжурских, и для монгольских языков. Сравнение же пратюркского, прамонгольского и пратунгусского языков показало, что они во многом близки друг другу.

Сравните пратюркский корень дюль со значением «полдень», прамонгольский дюли («середина; полдень, полночь») и пратунгусский дулын («середина, половина») или слово «волна» (пратюркское далга, прамонгольское долгиан, пратунгусское далган). Список подобных совпадений можно было бы продолжить. Но ясно и так: сопоставляемые слова очень близки друг к другу. И что самое важное, сходство обнаруживают не просто отдельные языки, а прямые языки, древние формы языка.

Родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков предполагают уже давно. Лингвисты объединили их в одну семью и назвали ее алтайской, так как полагали, что именно на Алтае жили прапредки современных тюрков, тунгусов, монголов. Правда, не все языковеды согласились с тем, что когда-то существовала одна единая алтайская семья. Сходство многие объясняют не древним родством, а просто длительными контактами

различных народов. Спор об алтайской семье нельзя считать решённым и по сей день, хотя чаша весов за последние десятилетия всё больше склоняется в пользу сторонников «алтайского единства». Впрочем, само название этой семьи весьма условно. Ибо территория древнего общеалтайского языка (если он существовал на самом деле) точно не установлена и по сей день. Тем более что тюркские, монгольские и даже тунгусо-маньчжурские языки обнаруживают сходство не только между собой. Они сближаются с языками, образующими уральскую семью.

Например: буряты утверждают, что название села Хомутово происходит от эвенкийского «хамтэ – медведь». То есть, Хомутово – это «место, где есть медведи». Однако если мы заглянем в словарь Даля, то прочитаем, что Хомутово у русских – это место, окружённое водой, попросту, полуостров. Хотя тот же автор утверждает, что эвенкийское «хамтэ – медведь» нужно понимать, как хозяина всей хами-пищи в данной местности. Так же не следует забывать, что нивхи и другие сибирские народы держали медведей, как домашний скот – скорее всего, в хомутах и удерживали.

Что к этому можно добавить? Когда в Восточную Сибирь пришли русские землепроходцы, они увидели здесь племена бурят и монголов, которые мирно пасли свои стада, а поодаль вели свой охотничий промысел эвенки и русые айны. Нужно отметить особо, буряты и эвенки имели разные языки, но понимали друг друга и были объединены общей верой – шаманизмом. Нужно учитывать ещё один немаловажный фактор: известно как минимум о семи великих переселениях народов с востока на европейские территории. Переселялись племена лангембардов, гуннов, сарматов, венгров, болгар, калмыков, не говоря уж о туменах Чингисхана. А сколько народов переселилось в Европу до этих известных переселений, никто не знает и, наверное, не узнает никогда. Забавно смотреть на современные исторические карты, на которых большинство территории Сибири населяли «незначительные племена охотников и собирателей». Каким же образом на востоке и юго-востоке азиатского континента народилось людей порядка 4 000 000 000 особей?

Учитывая вышеизложенное, мы с уверенностью можем говорить, что для индоевропейской речи праречью является алтайская. Таким образом, при анализе индоевропейской речи нужно опираться на бурятский и монгольский языки, которые входят в эту языковую семью. Более того, сравнивая бурятскую и монгольскую речь, можно проследить, как речь менялась во времени, а по древним верованиям этих народов узнать о древних религиозных представлениях человека. А так как нас интересует идея об общности смысловых понятий в звуках различных языков, через бурятский и монгольский языки попытаем их сопоставить и проследить.

При ближайшем сопоставлении бурятского и монгольского языков с языками индоевропейской речи, мы приходим к поразительному выводу – совпадают не только звукоряд, но и корни, и даже целые слова и понятия являются родоначальниками многих языков индоевропейской речи. Как и когда это произошло на ниве языкостроения, объяснить невозможно, но то, что прибайкальские народы и индоевропейцы, в древности, жили в одном языковом поле, бесспорно.

А

Аб – волшебство, колдовство, магический способ (бур.). *Превратилось у русских в слово – аб-ряд – обряд. А также в священные пирамидки из камней, названных общемировым словом – «обо».*

Амин – душа, дыхание, жизнь (бур.). Амин, Амина – имя (тюрк.). Амен, Омен – в христианстве соответствует утверждению «да будет так».

Анга – река (бур., монг.). Анга-Ра – Ангара (русс.). Так как Бог Ра являлся божеством верхнего мира и белого цвета – отсюда следует что Анга-Ра, это, или река, текущая сверху, или в ней очень чистая вода.

Амбаар пин – амбар (монг., бур.) Амбар (тюрк.). Амбар (русс.).

Алах – убить (монг., бур.). Аллах – Бог у мусульман (тюрк.).

Алтан – золото (монг., бур.). Алдан – город, Алтанай – имя (тюрк.). Алтын – трёхалтынный, пятиалтынный (русс.).

Айл (бур.) – семья. Аил – семья (монг.). Аул, аил – село (тюрк., кавказ.).

Аранга – помост, навес (бур., монг.). Яранга – дом у народов Сибири и тюрков.

Арал – остров (бур., монг.). Аральское море (тюрк.).

Абарал – спасение (бур.). Аврал – спасение (монг.). Аврал – спасайся, кто может, а так же срочная работа всем коллективом (русс.).

Б

Бадма – имя (бур.). Фатима – имя (тюрк.). Фадм – нить (нем.). Фатум – предопределение, судьба (латин.). Потёмки, потомки (русс.). Звуки «б,п,ф» родственные и поэтому часто заменяют друг друга.

Бариса – место, на котором производят подношение и сами дары (бур.). Борис, Боря, бороться, барс (русс.).

Балта – молот (бур.). Балт – молот (монг.). Балтика, балда, болт, болтать, язык колокола.

Бал – мёд (бур., монг.). Балу, Гарибал, Ганнибал, Гарибальди. Баал – Бог у финикийцев. Бала – ребёнок на множестве языков, включая санскрит. Очевидно, что слово «бала – ребёнок» произошло из понятия медвежонка, любителя мёда.

Бараан – товар (бур.). Баран (русс.) – до недавнего прошлого обменный товар у большинства народов.

Бай – мишень (бур., монг.). Бай – землевладелец (тюрк.). Бой, бить (русс.).

Байгали – природный (бур.). Багульник, Байкал (русс.).

Баян – богатство, богатый (бур.). Баяндай – благодатный (бур.). Баян – музыкальный инструмент. Сказитель и музыкант в древности у славян (русс.).

Барлаг – батрак (бур.). Батр – богатырь (бур., монг.). Патр, Пётр, Батыр. Богатырь (русс.).

Батарлиг – геройский (бур.). Батурлин – русская фамилия.

Бухэ – прародитель (бур.). Бык, Бог, пик, пика (русс.).

Бухэлеэр – целиком (бур.). Бухулёр (тюрк.).

Бурхан – Бог (бур., монг.). Бархан – песчаный нанос, дюна (тюрк.). Брахман – Бог, служитель культа (инд.). Браух ман – нужный человек (нем.).

Булад – сталь (бур.). Болад ган – сталь (монг.). Булат – сталь (тюрк., русс.).

Бухэ – крепкий (бур.). Бох – крепкий (монг.). Бог, Бох, Божество (русс.).

Буу – ружьё (бур.). Буух – ружьё (монг.). Бью, обух, бухать, бушка – пушка (русск.).

Баабгай – медведь, медведица (бур.). Бабка, в смысле прародительницы у русских.

Г

Га – длина, гектар (международ.). Гак – неопределенная длина (русск.).

Гал (бур., монг.) – огонь. Гал – петух, галя – курица, галлы – французы (франц.). Галя, Галина, галушка (русск.). Галька (санскр.) – блестящие камешки.

Гэр – дом (бур.). Гэр – племя (монг.). Герман – страна (нем.).

Гурбан – три (бур., монг.). Гурьба (русск.). Гурбан-Байрам – праздник у мусульман (тюрк.). Возможно, слово «гурьба» возникло из понятия три-гурбан, как «много», или как понятие троицы.

Гутал (бур., монг.) – обувь. Гуталин (русск.).

Гэрэл (бур., монг.) – зеркало, свет, освещение. Гореть, горел, горит – (русск.).

Д

Далга – снедь, жертвенное подношение (бур.). Долгин – волна (монг.). Долго, долгий, длинный, длина (русск.).

Даха – доха (бур.). Дах – доха (монг.). Доха (русск.).

Доро – под, внизу (бур.). Дор – внизу, под (монг.). Доро-га – дорога (русск.).

Дэн – лампа (бур., монг.). День, день-га, в смысле блестящего (русск.).

Дарга – командир, начальник (бур., монг.). Нюдарга – кулак (бур.). Дорогой (русск.).

Ё

Ёхор – бурятский хоровод (бур., монг.). Егор, Егорий, Георгий (русск.). Яхт – охота, Ягер – охотник (нем.).

Ж

Жатэ, Жада – копьё (бур., монг.). Шайтан (тюрк.). Шатень, шатун. Шадэ – сожаление (нем.).

Жэл – год (бур.). Жил – год (монг.). Жизнь, жил (русск.).

З

Заарин – звание шамана девятого, высшего посвящения (бур.). Зоркий, заря (русск.). Цезарь, цесарь (международн.).

К

Кхам – гребень (бур.). Кхам – гребень (нем.). Ком (русск.) – многое в одном. Комбайн, комбинация, компания (латин.). Компан – друг (монг.). Компаньон, компания (русск.).

Л

Лена, Селенга, солонгой – колонок. Селена – луна (латин.).

М

Малгай – шаманская корона с рогами или ушами животного (бур.). Малахай (тюрк., русск.).

Мангал – монгол – Монголия. Мангал (тюрк.) – жаровня.

Могой – змея (бур.). *Могочи* – название села (тюрк.). *Могучий, магия* (русс.). *Могойн* – змеиный (бур., монг.).

Мэргэн – мудрый, меткий, ловкий (бур.). *Меркель, ярмарка, моргать, морген, морган, мерекать, мараковать* (нем., русск.).

Мяхан – мясо (бур.). Мах – мясо (монг.). *Мяха* – мясо (тюрк.), *Махан* – мясо кусками (казах.). *Мясо* (русс.). *Масс* – масса (нем.).

Муура – кот, кошка (бур.). Муур – кот, кошка (монг.). *Мурка* – кличка кошки (русс.).

Н

Наран – солнце (бур.). Нар – солнце (монг.). *Нарансэсэг* – подсолнух (бур.).

Наранцэцэг – подсолнух (монг.). *Нар* – верблюд (тюрк.). *Нарьямдал, Норильск, норка, Нюрнберг, Нюрба, Нарьянмар* – похоже, все эти слова произошли от понятия солнца.

Нохой – собака (бур.). Нохой – собака (монг.). *Нохой гэр* – конура (бур.).

Нохойн хонуур – конура (монг.). *Нюхай, Нюся* (русс.).

Ню – начало (бур.). Нютаг – родина, родное село (бур.). *Нюсэгэн* – голый (бур.). *Ню* – обнажённый (франц.).

Нюуса – секрет, секретный (бур.). *Вынюхать* (русс.), в древности человек имел хорошее чутьё.

Нюуха – скрывать, прятать (бур.). *Когда человек жил ещё с помощью чутья, ему приходилось убирать следы, оставляющие запах.*

Нюдэн – глаз (бур.).

Нюур – лицо, страница (бур.).

Нидхэ – нитка (бур.). *Утас* – нитка (монг.). *Утаскивать, протаскивать* (русс.).

Нидхэ хумэдхэ – бровь (бур.). *Брови в ниточку* (русс.).

Ноён – господин, князь (бур., монг.). *Ноен* – девять (нем.).

О

Одегон, Удаган, Утган – шаманка (бур., монг.). *Утигенов, фамилия* (тюрк.).

Орьёл – вершина (бур.). *Орьёл* (руск.). *Орлан, Орлик, Орли* – название аэропорта (франц.). *Орьёлхо* – взвизаться (бур.). Из этих слов мы можем видеть, что понятие высоты развилось у бурят и монголов через птицу орла.

Обоо – куча, груда камней (бур.). *Овоо* – куча, груда камней (монг.). *Груда камней на множестве языков именно так и звучит «обо», но для бурят и монголов эти «обо» имеют особый, сакральный смысл. Человек выбирает место в горах и складывает обо-пирамидку в память умершего родственника или друга. Место для обо выбирается произвольно и о том, кому посвящена пирамидка, не распространяются. То есть, обо – это как бы своя маленькая тайна. Кладётся эта пирамидка-обо высотой до полутора метров, а в диаметре около метра. Таким образом, если для большинства народов «обо» – это просто груда камней, то для бурят и монголов слово «обо» имеет большой смысл и естественно предполагать, что именно в их среде слово «обоо и овоо» образовалось изначально. Нельзя оставить без внимания и русское слово «овал», «обод», «оболочка». Ведь по своему смыслу слово овал и обод можно понять, как круг, оваленный землёй или камнями. Из этого монгольского слова – «овоо», мы можем ещё понять, как образовалось русское слово «овод»: это насекомое долго делает круги вокруг своей жертвы и только по-*

том вливается в неё.

Обоолохо – сваливать в кучу (бур.). Овоолох – сваливать в кучу (монг.)

Обоорхо – собираться толпой (бур.). Овоорох – собираться толпой (монг.).

Здесь мы видим, как слово «овоо и обоо» дало понятие и развитие другим словам бурятской и монгольской речи.

Ород – русский (бур.). Орос – русский (монг.) Из этого слова мы можем предположить, что слова «Орда – посёлок» и «Арат – земледелец» (монг.) были созданы русскими, алтайцами и тюрками совместно.

П

Паар – пара (бур.). Слов на «п» в бурятском языке практически нет.

С _ Ц

Сэсэг – цветок (бур.). Цецег – цветок (монг.).

Сэсэглэхэ – расцветать (бур.). Цэцэглэхэ – расцвести (монг.).

Сэсэгы – зеница ока (бур.). Цэцгий – зеница ока (монг.).

Сэсэн – мудрый (бур.). Сусек с мукой, сусед, суседушко (русс.). Сис – сладко (нем.). Сеси – спасибо (кит.).

Сэсэрлиг – сад (бур.). Цэцэрлиг – сад (монг.).

Сэсэрлигшен – садовник (бур.). Цэцэрлэгч – садовник (монг.).

Сэсэрхэхэ – сумничать (бур.). Цэцэрхэхэ – сумничать (монг.).

Сээр – табу, запрет (бур.). Цээр – табу, запрет (монг.). Сэр – дворянин (англ.).

Сисэгы – сливки (бур.). Цыцгий – сливки (монг.).

Сасаг – кисть (бур.). Цацаг – кисть (монг.).

Сарса – дуб (бур.). Царс – дуб (монг.). Царь – монарх (русс.).

Сарсаан – дубовый (бур.). Царсан – дубовый (монг.).

Сарил – пешня (бур.). Царил – пешня (монг.).

Сэргэ – ветка дуба (бур.). Царгэ – ветка дуба (монг.). Царга – перегорожка у табурета, стула (русс.).

Сэрэг – войско (бур.). Цэрэг – войско (монг.).

Цирик – солдат (монг.).

Сэргэ – коновязь, имеет сакральное значение, двор (бур.). Царгэ – коновязь, двор (монг.). Саргатка – посёлок в Омской обл. (тюрк.). Серьга – носил казак, единственный сын у родителей. Серьга, Серёга, Серёжа, Сергеев – имена и фамилии (русс.).

Солонгой – колонок (эвен.).

Сабхи – сапоги (бур.). Гутал савхин – сапоги, обувь (монг.). Сапоги (русс.).

Саг – время (бур.). Цаг – время (монг.). Час, часы, шаг (русс.).

Сагаан – белый (бур.). Цагаан – белый (монг.). Сага – сказание (сканд.), Саген – говорить, прояснять (нем.).

Сяй – чай (бур.). Цяй – чай (монг.).

Сайха – бледнеть (бур.). Цайх – бледнеть (монг.).

Сам – танец монахов (бур.). Цам – танец монахов (монг.). Цам – вместе (нем.).

Сана – лыжи (бур.). Цана – лыжи (монг.). Сани (русс.).

Саха – деревянная перекидаина для сушки белья (бур.). Цах – деревянная перекидаина для просушки белья (монг.). Соха, сохатый. Сушина – дерево (русс.).

Саһан – снег (бур.). Цас – снег (монг.).

Саһатай – снежный (бур.). Цастай – снежный (монг.). *Сухой – состояние воды в виде снега. Сохатый – живет в снегах севера (русск.).*

Сэбэр – чисто (бур.). Цэвэр – чисто (монг.). *Саубэр – чисто (нем.). Север (русск.).*

Сэгээн – светлый (бур.). Цэгээн – светлый (монг.).

Т

Тама – темница, ад, преисподняя (бур.). Там – темница, ад (монг.). *Потусторонний (русск.).*

Табан – пять (бур.). Тав таван – пять (монг.). *Табу (полинез.) – не трогай (не прикасайся рукой). Табанить – разворачивать лодку на месте. Табун, тебеньковать (русск.). Тапен – хватать, тапаун – табун (нем.).*

Тан – отвар из лекарственных трав (бур., монг.). *Таненбаум – новогодняя ель (нем.). Тонус, Дон – река (русск.).*

Тана – перламутровый (бур., монг.).

Танил – знакомец (бур., монг.). *Данил (русск.). Даниил (евр.).*

Танилсаха – знакомиться (бур.). Танилцаха – знакомиться (монг.).

Таряан – урожай (бур.). *Тара – земля, звезда (санскр.). Терра – земля (греч.).*

Таряшан – крестьянин (бур.).

Таряалан – пашня (бур.).

Тала – степь (бур.). Тал – степь (монг.). *Тааль – часть чего либо, половина, поляна (нем.). Проталина, Тальцы (русск.).*

Толи – словарный перевод, шаманское зеркальце из нефрита или бронзы (бур.). Толь – словарный перевод, зеркальце шамана (монг.). Гэрэл – зеркало (бур.).

Толгой – голова (бур., монг.).

Торго – шёлк (монг.). Торговля.

Тэлиип – коромысло (бур.). *Телепатия – мысленная передача сообщений.*

Тэнгэри – небо (бур.).

Тэнгэр – небо (монг.).

Тэнгрии – Боги, небожители (бур., монг.). *Тенгира – бог-женищина (шумер.). Танг – память, помнить (нем.).*

Тэнгэри дуугарха – греметь грому (бур.).

Тэнгэрийн дуун – гром (бур.). Тэнгэрийн дуу – гром (монг.).

Тэнгэрийн хаяа – горизонт (бур., монг.).

Тула – таймень (бур.). Тул – таймень (монг.). *Город Тула, тули – колчан для стрел (русск.). Тули – металлическая ёмкость на багажнике автомобиля, похожая на колчан для стрел (швед.).*

Туйл – предел длины (бур., монг.).

Тулам – кожаный мешок (бур., монг.). *Тулун – село в Иркутской области, переводится бурятами, как кожаный мешок.*

Тулга – подпорка, подставка (бур., монг.).

Тулгуур – трость, опора (бур., монг.).

Тулгардаха – оказаться в тупике (бур., монг.).

Тайга – тайга (бур., монг.).

Тундра – тундра (бур., монг.).

Тэбэг – соска (бур., монг.). *Табак (?)*

У

Утха – происхождение, корень, наследственность (бур., монг.).

Уһан – вода (бур.).

Ус – вода (монг., тюрк). *Услада, устье, усы (русск.).*

Уһха – пить (бур.). Уха – пить (монг.). *Уха – суп из рыбы (русск.).*

Ухаан – ум (бур., монг.).

Ухан бодол – мысль (бур., монг.).

Ухаатай – умный (бур.). Ухаантай – умный (монг.).

Ухархаха – умничать (бур. монг.). *Умный – умный (русск.).*

Большие мочки у ушей Будды считаются символом ума и знаний. У австралийских аборигенов уши очень маленькие, мочек нет совсем.

Ф

На звук «ф» в бурятской и монгольской речи слов нет.

Х

Хаан – царь (бур., монг.).

Хани басаган – подруга (бур.). *Куня – девушка (кит.), кухан – девушка (монг.). Кохана – любимая (укр.). Кюхе – кухня (нем.). Хунт – собака (нем.). Унты (русск.). Унтэ (бур., монг.).*

Хамар – нос (бур., монг.). *Хамар-Дабан. Комар (русск.) – насекомое с длинным носом. Хамер – молоток (нем.).*

Хара – чёрный (бур.). Кара – чёрный (тюрк.). *Кора, кара (русск.).*

Хар – чёрный (монг.).

Хараа – прицел ружья (бур., монг.).

Ханаан – память (бур.).

Хун – человек (бур., монг.).

Хуби – порция на тайлагане (бур., монг.). *Хобби – увлечение, собирательство (англ.), хапать (русск.), Их хап – я имею (нем.).*

Хамтэ – медведь (эвен.). Хомутово. Хомут – место окружённое водой (В.И. Даль).

Хуяг – панцирь (бур., монг.).

Хорон – вред (бур.). Хор – вред (монг.). *Хоронить, хранить (русск.). Харон – перевозчик душ умерших; Хронос – древнегреческое божество.*

Худал – ложь (бур., монг.). *Захудалый – плохой (русск.).*

Худалдаан – торговля (бур., монг.).

Худалдаашан – торговец (бур.).

Хулгайшан – вор (бур.). Хулгайч – вор (монг.).

Хулгана –мышь (бур., монг.). *Хулиган (?).*

Здесь мы можем наблюдать, как понятие зла переходит в понятия торговли и мыши-воровки.

Вполне может быть, что и русское слово «хулиган» развилось из этих понятий и только потом его переняли англичане.

Ч

Звук «ч» в бурятском и монгольском языках мало употребим. В русском же языке звук «ч» образовался из звука «ц». Это легко проверить, взяв любое русское слово со звуком «ч» и заменив в нём звук «ч» на звук «ц». Более того,

в этом случае слово обретёт свой истинный смысл. Например – кольчуга – кольцуга – кольцо.

Ш

Шаман – духовный наставник (бур., монг., эвен.). *Шоу-мэн* (англ.). *Шауэн* – глядеть (нем.), ман – мужчина (нем.).

Щ, Э, Ю, Я

Нет слов.

На степных просторах близ Алтайских и Саянских отрогов можно проследить зарождение божества, называемого местными словом «*брхн*». О том, что божество древнее, свидетельствует произнесение этого слова без гласных звуков. Попытаемся разобраться в происхождении этого божества и его названии. Самым известным словом, образованным из этого звука, без сомнения является слово «хан», так назывались цари на востоке. И, конечно, самый известный из них Чингисхан, хотя его имя пишется европейцами слитно, но слитно произносят его и в Монголии, где люди считают себя его прямыми потомками.

Шаманизм был распространён в древности на огромной территории от берегов Тихого океана до Атлантики. Можно сказать определённо: всё северное полушарие было пространством шаманов. Почему я написал «шаманов»? Потому что суть религии держалась, прежде всего, на личности шаманов. Не будем забывать, в древности письменности не существовало, следовательно, все постулаты религии должны были быть сохраняемы в памяти. Какой же личностью должен был быть древний шаман? Прежде всего, любой шаман должен был обладать «утхэ» или «утха», и считался избранником высших сил. То есть шаманом мог стать человек, в роду у которого уже были шаманы. Тем не менее он должен был пройти обучение и получить посвящение. Их было несколько, высшей ступенью считалась девятая, и чем больше у шамана посвящений, тем сильнее он считался. Любопытно, что в разговорной речи бурят слово «утхэ» понимается как женский детородный орган. Это говорит о том, что в древности родство прослеживалось по материнской линии, как в наши дни у евреев. Действительно, для мужчин все дети племени – «племянники», то есть не более чем соплеменники, люди, сидящие около общего «плямя-пламени» костра. Попутно отметим, что слово «утха» очень похоже на русское слово «утка», и здесь следует вспомнить, что самые древние славянские фигурки людей, найденные при раскопках, выполнены с утицей на голове. Это позволяет предположить, что в древности существовало одно религиозное и языковое пространство всех сибирских народов и народностей. Под словом «сибирские» я понимаю всё северное пространство от Атлантики до Тихого океана, включая Японские острова.

Шаманское «утха» было понятием совершенно оправданным, потому что шаман должен был держать в памяти огромное количество информации, и её он должен был начинать впитывать, что называется, с молоком матери. Перечислим только часть того, что шаман должен был знать и уметь. Прежде всего, для лечения своих соплеменников он должен был знать множество лекарственных рецептов, а также уметь входить в транс, обладать гипнозом, быть хорошим психологом, гадалцем и предсказателем.

Второе, что должен был знать шаман, – это родословную своего рода и родословные соседних родов, то есть народа в целом. Даже обычные буряты и в наши дни прослеживают свою родословную до девятого колена, чего уж говорить про шамана, он знал много больше. Также шаман должен был чётко ориентироваться в законах морали, потому что ему приходилось зачастую выступать в роли судьи.

Замечательно, что, прослеживая тот или иной род, буряты доходят до имени своего родоначальника, которым всегда является животное. У бурятского рода хоринцев это девица-лебедь (Хун-шубуун), у булагатов прародителем считался бык (Буха-нойон), у эхиритов – пёстрый налим. Всё это позволяет нам предполагать, что шаманизм вышел из того времени, когда у людей богами выступали животные-тотемы. Здесь же уместно предположение, что русское название лебедь-шипун вышло из Хун-шубуун, а слово бык вышло из Буха-нойон как «*паха – пыха – буха – быка – бык*».

Как подтверждение того, что шаманизм вышел из тотемизма, служит описание священной короны шамана. Она делалась из кожи, снятой с головы животного вместе с рогами и ушами, если это олень, или с клыками и зубами, если это рысь или медведь. Под корону надевалась специальная кожаная шапочка, отороченная мехом медведя, которая называлась малгай. Не из этих ли времён ведёт своё название русское слово «*малахай*»? К малгаю прикреплялись перья орла или ворона, а позже всевозможные ленточки.

Третьим обязательным условием статуса шамана было то, что он должен был помнить множество сказаний, так как письменности в древности не существовало. Русские былины, саги викингов, бурятский и монгольский эпос «Гэсэр», эпос «Манас», сказание «Калевала» – все эти памятники народного творчества были записаны со слов много позже того, как были созданы.

Далее следует отметить шаманскую атрибутику, которая вся считалась священной, а посох в первую очередь. Различались три вида шаманских посохов: первый (хун) – человеческий посох, второй (морин) – конный, и третий (могой) – змеиный. В соответствии с названиями посох венчался головой того животного, которое символизировал. В древности посохи вручались шаману в момент его посвящения вместе с рабами и рабынями, которые должны были служить ему, а в случае смерти шамана они должны были сопровождать хозяина в загробный мир, то есть их попросту убивали и хоронили рядом. Как здесь не вспомнить «священный посох балтов» и то магическое значение, которое ему придавалось, а также обычай захоронения знатных людей со своими слугами и конями в курганах у самых разных народов.

У шаманистов существовало четыре вида похорон шамана. Тело покойного могли сжечь на помосте, закопать в землю, обложить плоскими камнями, а иногда гроб с телом подвешивали к дереву. При этом стоит отметить, что слово «*хорон*» на бурятском языке обозначает вред, урон, а слово «*хара*» понимается как «чёрный». Отсюда слова «*кара*» – «наказание, возмездие» и «*карий*» – «тёмно-коричневый» у русских, а также «*кара*» – «чёрное» у татар. Не вызывает сомнений, что слово «хорон» – общее начало древнегреческого бога Харона и русского слова «хоронить».

Костюм шамана был одной из главных его принадлежностей и различался по цветам. У чёрных шаманов, которые общались с тёмными силами, он был тёмным, а у белых шаманов и костюм был светлым. На эту одежду нашива-

лось множество металлических амулетов и всевозможных ленточек. При этом нужно отметить, что белые и тёмные шаманы имели мало различий и пользовались одинаковым уважением, дополняя друг друга.

Бубен и колотушка были особой принадлежностью шамана. Считалось, что с помощью бубна шаман путешествует в потусторонний мир. Бубен имел свой сакральный символ, который рисовался кружочком с помещённым внутри него крестом. В Хакасии такие знаки были высечены на скалах ещё до начала строительства египетских пирамид. Такой же знак, крест, помещённый в круг, мы можем наблюдать у древних аккадцев в империи Хараппа, и этот знак древнее свастики.

Ещё одной важной принадлежностью шамана было круглое зеркальце, выполненное из нефрита, а позже из бронзы. Замечательно, что это священное зеркальце называлось словом «толи», так же у бурят называется словарь. Однако это слово шире, чем обычное название набора слов, содержащихся в словаре, оно понимается как словарный перевод. Обычное зеркало в доме бурят и монголов называется словом «гэрэл». В этом месте нужно вспомнить, что древние этруски клали в гроб своих покойников круглые бронзовые зеркальца. Таких зеркал в захоронениях этрусков найдено много.

Попытаемся порассуждать об этом «толи», древнем атрибуте шаманов. О его древности говорит тот факт, что зеркальце выполнялось изначально из нефрита и только позже из бронзы. У шаманского зеркальца и зеркальца этрусков была одна функция – перевода человеческой души из мира земного в мир потусторонний.

Вспомним русское выражение «*то ли да, то ли нет*», под этим понимается некая двойственность положения, то есть что-то может произойти, а может и нет. В зеркальце «*толи*» действительность как бы существует, но в отражении. К этому можно добавить старинное русское название переводчика – «*толмач*».

В сибирском шаманизме немаловажную роль играл запах. Шаманами использовалась пихтовая кора, которая заготавливалась впрок со специальными обрядами и специальными людьми. Дым от неё считался священным, им окуривали больных людей, жилища и скот. Для шаманистов запах тлеющей пихтовой коры был подобен христианскому ладану.

Вся природа, всё окружение человека почиталось шаманистами живым, и во всём жило божество. Перечисление шаманской атрибутики даёт нам некоторое представление о древних верованиях. У сибирских шаманистов было множество божеств. Вселенная шаманистов состояла из трёх миров.

Первый мир, Верхний, – «Вечное синее небо», населённое множеством духов и тэнгри, богами-небожителями. Небесный мир был сферой деятельности белых шаманов.

Второй мир, Подземный или Нижний, у шаманистов был населён большим количеством духов и богов, которые, как правило, воплощали зло. Владыкой Нижнего мира был Эрлен-хан (у западных бурят), Эрлик (у восточных). Как здесь не вспомнить русские слова «орёл», «орлан» и «орлик», а также французское название аэропорта «Орли». На немецком языке слово «божественно» произносится как «эһрлих». Общение с Подземным миром было сферой деятельности чёрных шаманов. *Религия, релятивный* – отношение, относительный («рел» – орел – связь между мирами).

Срединный мир, то есть наш, земной, также имел множество богов, которые воплощались в конкретных священных объектах, таких как гора, дерево, участок реки, леса или озера. Мир срединный был сферой деятельности, как белых, так и чёрных шаманов. Сибиряки считали, что шаман, впадая в транс, путешествует в тот или иной мир, населённый богами, точно так же, как буддисты путешествуют в своих медитациях.

В религии сибирских шаманистов существовала удивительная вера в то, что после смерти одна из трёх душ человека попадала в Верхний мир, вторая – в Нижний, а третья оставалась в Срединном в качестве боохолдэ, неприкаянного духа, что-то вроде европейских призраков. Шаман, богатырь или какой-то выдающийся человек после смерти мог стать святым покровителем рода, из которого он вышел. Такому святому поклонялись, устраивали тайлаганы-жертвоприношения, а со временем этот святой мог перейти и в пантеон богов.

Говоря о сибирском шаманизме, нужно отметить ещё одно очень древнее верование, которое причудливым образом вплеталось в шаманизм. Это поклонение онгонам, конкретным предметам, выполненным в форме маски, фигурки человечка или животного. Но онгоном в старину у бурят мог стать живой конь или баран и даже человек. Онгон посвящался какому-либо богу и наделялся одухотворённостью с помощью обрядов и жертвоприношения. Считалось, что онгон – это семейное или личное божество, которое было посредником между людьми и богами, такому онгону приносили жертву в случае удачи, но если удача не сопутствовала хозяину, его наказывали битьём, и в этом случае он становился «козлом отпущения». Часто роль онгонов выполняли священные камни, упавшие с неба, то есть метеориты, их называли «пуговицей бога». Хозяин такого онгона уже и сам считался среди соплеменников как бы причастным к шаманскому званию.

Онгоны могли храниться в жилище или неподалёку от дома, но чаще в специально сделанных нишах, в стволах деревьев или дуплах. Онгоны у шаманистов были духовным подобием икон у христиан, хотя выполняли совершенно другую функцию. Понимая суть сибирских онгонов, можем понять смысл, который вкладывался в многочисленные деревянные маски африканскими народами. Часто роль онгонов – покровителей целого рода – выполняли наскальные рисунки, их в Сибири найдено множество. На берегах Байкала есть целые серии наскальных рисунков, содержащих изображение шаманов. Среди шаманистов эти изображения чтят как священные. Люди считали, что изображение шамана имеет такую же силу, как и сам шаман, хотя он давно умер. Сколько бы богов ни имели шаманисты, все они для них были бесполезны, если им не приносить жертву – «тайлаган». Жертвоприношения совершались отдельными людьми, семейством, селением и даже всем родом. В честь какого-то божества закалывался баран, бык, козёл или лошадь. Животное варили в большом котле и делили на паи-хуби таким образом, чтобы каждому участнику жертвоприношения досталась порция мяса, а затем каждый участник трапезы бросал в жертвенный огонь кусочек от своего пая. Попутно надо заметить, что жертвенное животное посвящалось для этой процедуры изначально и специально выращивалось, получая лучшие корма. Богатые люди оплачивали несколько паёв-хуби в пользу тех, кто не мог оплатить свой пай. Видимо, из этого вышло английское слово «хобби» как понятие собирания паёв.

В народной памяти эвенков сохранились имена великих охотников древности, их почитают святыми, но поклонялись им не только эвенки, они были святыми и для большинства бурятских родов, хотя у бурят сохранялась память и о своих великих охотниках. Интересно, что такого охотника-святого называли словом «мэргэн», так же называли бога грома и молнии, но и обычный меткий человек тоже был «мэргэн». Если вспомнить, что стрелок прищуривает-примаргивает один глаз, можно проследить интересный словоряд. В русском языке есть глагол «моргать». На немецком слово «морген» означает утро, и действительно, утро начинается с того, что человек, проснувшись, начинал моргать. У русских есть фамилии Моргунов, Марголин, Маркелов, но фамилия Меркулов имеет уже явно татарское происхождение. Об этом можно судить по корню «кул», на татарском – рука, то есть, Меркулов – это «меткая рука». Фамилию канцлера Германии Ангелы Меркель можно понять как «чувствующая». На немецком языке «меркен» – это «чувствовать, чутый». У англичан широко распространена фамилия Морган, то есть «утренний». Согласимся, что выдающийся «мэргэн-охотник» должен не только метко стрелять, но и хорошо чувствовать повадки зверя, а в древности обладать и хорошим чутьём. Поэтому неудивительно, что немецкое «меркен» – «чувствовать», бурятское «мэргэн» – «меткий», русское прозвище «моргун» и английское «морган» имеют между собой такое большое сходство, что лишний раз подтверждает: человечество варилось в одном речевом котле. Здесь следует вспомнить русскую пословицу «Утро вечера мудренее» и добавить, что в современном бурятском языке слово «мэргэн» означает «мудрый человек». Приведём здесь три слова на бурятском и монгольском языках, из которых становится видно, как зрачок сравнивается с цветком, а затем переходит в понятие моргающего мудреца.

Сэсэг (бур.), цэцэг (монг.) – цветок.

Сэсэги (бур.), цэцгий (монг.) – зрачок.

Сэсэн (бур.), цэцэн, мэргэн (монг.) – мудрый.

Как бы широко ни охватывал шаманизм весь жизненный уклад человека, он не мог охватить его целиком, поэтому у шаманистов сложилось понятие «бухэлдэ» или «боохолдэ». В широком смысле это дух вообще, в который превращается душа человека после смерти, в узком – призрак, приведение, домовой. Обитают в заброшенных юртах или домах, на кладбищах, перекрёстках дорог и у подножия гор. Активны в тёмное время суток: бродят толпами, проказничают, разводят огонь, сбивают одиноких путников с дороги, сбрасывают с коня.

С одной стороны, слово «бухэлдэ» родственно слову «бухэлер» – «мясо, сваренное кусками», а с другой, словом «бухэ-ноён» называется прародитель всех бурят и монголов, где «бухэ» – бык, а «ноён» переводится как начальник и глава рода.

С приходом в Сибирь русских буряты легко переходили в христианство, а когда на берегах Байкала появились восточные миссионеры, они так же легко стали принимать и буддизм. Это неудивительно, если учесть, что шаманизм содержал в себе основные постулаты обеих этих религий. Однако справедливости ради надо заметить, отношение бурят к религиям своеобразное. До революции в крупных улусах на одной улице могли находиться православная церковь, буддийский дацан и священное место с обо и жертвенным деревом, и все посещались одними и теми же людьми.

Истоки всех мировых религий нужно искать в древних сибирских верованиях. Любая религия не рождалась на пустом месте, а развивалась из более древних религиозных представлений, точно так же, как развивалась речь.

Видя на жертвенных деревьях развевающиеся ленточки-пожертвования, легко представить картинку из глубины тысячелетий. Огромная ель, ветви которой увешаны лоскутами вяленого мяса, сухими рыбёшками, орехами и прочими дарами природы. Вокруг этого дерева-бога пляшут древние люди, одетые в шкуры, с развевающимися по ветру волосами. После окончания ритуального танца, когда они в изнеможении упадут под ветви священной «ёлхь», наступит очередь детской радости, теперь им будет разрешено воспользоваться лакомствами с ветвей ели как дарами богов. Для русских празднование Нового года с ёлкой – обряд новый, но не зря поговорка гласит: всё новое – это хорошо забытое старое. Это можно понять через немецкий язык. Новогоднюю ёлочку немцы называют словом «таненбаум», сложное слово, состоящее из двух корней: «*тан*» – «тон, тонус» и «*баум*» – «дерево», то есть праздничное дерево. У бурят и монголов отвар из целебных трав называется «*тан*». Как здесь не вспомнить и однокоренное слово «танец»! Именно вокруг новогодней ёлки танцы и случаются. Здесь же приходит на память современное русское имя Таня и староверческие Таньця, Таньча. С корнем «*тан*» образовалось множество слов индоевропейской речи и не только. Монгольский и бурятский языки – это начало тюркской речи, и в них тоже есть слова с корнем «*тан*». «*Танил*» переводится с бурятского как «знакомый, приятель», состоит из двух корней: «*тан*» – «приятное, дающее хороший тонус» и «*нил*» – «нулевое, нейтральное». Действительно, приятели – это люди ещё малоизвестные, но есть надежда, что они станут не нейтральными знакомцами, а друзьями. Поэтому можно сказать, что слово «*танил*» – это приятный ноль, дающий надежду на крепкую дружбу. Вероятно, из этого слова образовались имена Данил, Данила и Даниил. Однако, если человек «ноль в тонусе» не оправдает надежд, очень скоро он услышит русское выражение: «*донал ты меня!*».

Почему бы не сохранился языческому обряду наряжать ель, если этот обряд красивый и добрый. В наши дни древние верования играют большую роль, чем нам это представляется, а современная речь вся образована из древних понятий. К этому ещё нужно добавить, что ёлку-таненбаум неизменно посещает Дед Мороз, которого у немцев называют «Пельцникель». Слово «пельц» означает пальто, следовательно, «пельцникель» – это «Никель в пальто», Никола в шубе. Сейчас он святой Николай, но в древности был Коль-ця, Культа, Коляд. Отсюда русские слова «холод», «культя», «коляда» и староверческое имя Кольча. У немцев соответственно: «кхалт» – «холод», «никель» – «металл», «Никлас» – «Николай». Ещё заметим, в древности существовало множество изображений мужчины с культей вместо одной ноги. Видимо, это и было отличительным символом Коляда как божества холодной зимы. Как ещё передать символ холода, если не отмороженной ногой? Название славянского праздника «коляда» очень схоже с английским словом «*хolidays*» – «праздник», наверное, это неслучайно.

Все эти рассуждения приведены здесь только для того, чтобы было понятно: возраст современных традиций и верований не две-три тысячи лет, а десятки тысячелетий. Вполне логично, что буддизм и христианство вышли из шаманизма, а тот, в свою очередь, из тотемизма, но никак не наоборот. Точно

так же понятие христианского креста зародилось на северных просторах как понятие *икса*, который содержал в себе смысл равновесия. Вспомним, что по всей Скандинавии стоят множество каменных крестов, помещённых в окружность, точно такой же символ изображён и на алтайских скалах. Описанный окружностью крест мог иметь ещё и вполне утилитарное применение. Если мы нарисуем окружность, а затем отметим на ней точки восхода и захода солнца, это будет схематическое востекание и западание солнца. После этого нанесём на круг полуденную точку наивысшего стояния солнца – это будет схематический юг, или «юж», или «юз». Не отсюда ли «юзить»? Противоположную югу точку на круге можно легко вычислить с помощью обычного глазомера, но, тем не менее, это будет «се вера» или «сиё вира», в современном понимании «север». Название может меняться, но смысл будет один, эту точку приходится брать на веру, она точного ориентира в виде солнца не имеет. Таким образом, с помощью обычного начерченного в полдень круга с перекрестиями-осями внутри него древний человек мог ориентироваться в пространстве без всякого компаса. Для этого нужен был только солнечный день, а «север» приходилось брать на веру – виру. Нужно ли говорить о том, что подобный чертёж был для человека священным? Конечно, ведь он назывался словом «крест-ось». Русский простой народ до наших дней говорит: «Хрестось».

Задавшись целью реконструкции праязыка, я сделал два важных вывода: о единстве и поступательном развитии речи, о ее сакральном значении, продвигающем людей по пути взаимопонимания и духовности.

СТИХИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

Илья ГРАНИН

г. Иркутск

БАЛЛАДА О ПОГИБШИХ КОРАБЛЯХ

Ветер ласкает старый причал.
Соль поедает подножие пирса.
Сколько же он кораблей провожал
В путь возле горного мыса.
Сегодня притихла чужая молва,
Север кашляет снегом.
Холод очнулся от летнего сна.
Я смотрю на огромное небо.

Корабли отходят к чужим берегам,
К странам известным, надеясь на чудо.
Но там своих горестей в чаше сполна,
Нас там не ждали и ждать не будут.
Спущены флаги, боцманы в панике,
Матросы доят бочку рома.
Корабли в пике бури, они в изгнании.
Но адмирал откровенно спокоен.

Море бросает волны огромные,
Стремясь успокоить и упокоить.
Под ватерлинией снова пробоина,
Но солью морской трюмы нам не заполнить.
Принцессы далекие, дамы прелестные,
Мы не увидим чужой ваш причал.
Путь наш не близок вдоль слова нелестного,
Курс обозначил наш адмирал.

Адмирал так спокоен, что кажется – умер.
Глаза отцвели с пышной буйностью лет.
Он либо рискует, либо безумен.
Но держит всегда наготове кастет.
С неповиновеньем рифмуя свободу,
Он челюсти рвет экипажу судов.
Смертью грозит и матросам, и морю,
Безумец, пылинка пред силой богов.

Шторм оборвал наши мачты сосновые,
«Жертва нужна!» – кто-то вдруг закричал. –
«Насытим богов человеческой кровью!»
И жертвой становится наш адмирал.

И взреелся глас его хриплый над морем,
От боли и горя, от боли и горя.
И каждый ударит его напоследок
За все, что терпели, хоть мстим неумело.
Но поздно, ребята: не видно причала!
И труп адмирала не спас положенья.
Священник, прочти нам последние главы.
Смерть среди бури – это сраженье!

Этим – валькирии, этим – апостолы.
Разницы – парус на всех одинаков.
Что же вы, люди, что же ты, Господи.
Зачем отошли корабли от причалов?

КОГДА ПОГАСНЕТ СОЛНЦЕ!

Когда погаснет солнце
И ночка засияет,
Друг другу улыбнемся
Невесело, с печалью.
О многом помышляли
Многого хотели.
И вот – погасло солнце,
И не мы у цели.

Нет воспоминаньям –
Их горечь сердце гложет.
Хрипит оно в гортани,
На волю выпасть хочет.
От груза мыслей тяжких
Оно давно устало.
Нет воспоминаньям.
И не начать сначала.

Мой друг, теперь иные
Стоим перед собою.
И только нам по силам
Решить, чего мы стоим.
Взлетим навстречу свету
И упадем на солнце!

Для нас оно погаснет,
Людам – улыбнется.

Иль, может, дальше каждый
Продолжит путь бесславный.
Мой друг, никто не скажет –
Мы все решаем сами.

«ОСТАЛИСЬ ВДАЛИ РУБЕЖИ...»

Остались вдали рубежи,
Наш отряд пересек границу.
Теперь хоть языком лижи
Землю Адольфа-австрийца,
Но мы должны дойти.
Пять километров на север,
Через болота и лес.
Разделимся, стрелки сверив –
Разведчика время ест.
Моя цель... нам не по пути,
Но я не имею права
Выбирать, ведь осталось мало
Сил и мужества в этом теле,
А надо, чтоб мы успели.

Я жил в беспокойное время.
Юность пришлась на семнадцатый,
Когда наше рабочее племя
Ответило на агитации.
Было – давили белых,
Теперь на военном поле
Остались красные, бледные
Уже от потери крови,
И свастика воинства черного.

Мне уже сорок два.
Где я был, средь каких людей?
Мой ребенок, наверно, едва
Отвыкает от женских грудей.
Где он сейчас – я не знаю.
Год назад умерла жена.
Мне соседи вчера сказали
В треугольном конверте письма.
Предрассветная тишина.
Сливаюсь с ней цветом и запахами.

Вражья земля сожжена
Стрекочущими автоматами.
Нас пятеро, мы должны дойти.
Как я буду жить в мирное время?
Я так привык, засыпая, идти,
Металла чувствуя бремя,
Пока пуля врага
Ищет сердце в моей груди.
Останься со мною, память,
Не уходи.
Ведь все, что мне дорого,
Вместе с тобою
Бьется в моей груди.

Но если б я видел,
За что перед смертью
Корчился,
Страхом в лицо ей дышал,
О, если б я знал,
Что детей моих дети
Правую руку
Поднять поспешат,
Я бы подумал, поверьте:
«Сделать ли дальше шаг?»
Как хорошо в неведении,
Когда вокруг тишина.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ КОШАЧЬЕЙ

Черный-черный-черный кот
Из подворотни вышел.
Любит черный кот компот
Из черных-черных вишен.
Подружка-кошка у кота –
Светлая, как солнце,
И любит кошечка с утра
Погреться на окошке.
Черный-черный-черный кот
На редкость драматичен,
Болезненно и дико горд
И страшно непривычен.
Кошечка лучится вся,
Дивный свет лелея,
Греет мир ее душа,
И нет ее милее.

Черный-черный-черный кот
Бродит по проулкам,
Словно что-то потеряв
В этих переулках.
Милую терзает кот
Мяуканьем нелепым,
Не зная, что он слишком горд,
Что в этом вся проблема.
Кошечка грустит, она
Его так верно любит,
Но он своею чернотой
Все, кажется, погубит.
Тускнеет свет в ее глазах,
Сердечко бьется тихо,
И кот почуял дикий страх –
Болят душа любимой!
Пусть черен кот, и пусть себя
Других он любит боле –
Он за любимую пойдет
В огонь и даже в воду.
Что жизнь, наш друг давно просек,
И понял, что бесценна
Родственность души с хвостом,
Пушистым, как комета.
И так, друг дружкой дорожа,
Идут по жизни рьяно,
То греясь ночью у костра,
То страстью нежно-пьяной,
Черный-черный-черный кот
И солнечная кошка.
Кошачьи страсти кто поймет –
Тем с ними по дорожке.

НЕ ЗАБЫВАЮ

Не забываю твоего лица.
Но может случиться, что времен чернила
Размажут кляксы по чистовикам,
В которых мне ты улыбалась мило.

Тогда очей останется цветок,
И пальцев стройных плавное движенье
В мыслях превратится в уголек
Волшебного взаимного влеченья.

Да, может быть, моя исчезнет память,
И я не вспомню имени и лика.
Но голос твой навек остался плавать
В душе моей, нечесаной и зыбкой.

РОДИНА

Моя Родина – это мои города.
Небо, в котором летят самолеты.
Моя Родина – улицы, скверы, дома
И корабли Черноморского флота.

Родина – это мечты и друзья,
Любимое дело или работа.
Это когда счастлив ты, счастлив я,
Это – обеденная дремота.

Моя Родина – это моря и поля,
Это Камчатка, Москва и Курилы.
Это ракеты и тополя.
Родина выдержит, Родина сильная.

Славное место, где хочется петь,
Где хочется жить, пусть несладко, но все же.
Моя Родина – это осенняя медь.
Это – там, где свое чужого дороже.

Валерия ДОМРАЧЕВА

г. Братск

ЕСЛИ В КАЖДОМ

Если в каждом искать друзей,
Непременно найдешь врагов.
Твое сердце, что тот музей,
Ты исхожен, изжит, не нов.

Если в каждом искать ночлег,
То в себе не найдешь приют.
Не рассчитывай, что «навек»,
Чувства вырастут и сгниют.

Если в каждом смотреть на свет,
То ослепнешь, как от лучей.
Не ищи в них один ответ
И запомни, что ты – ничей.

Если в каждом оставишь след,
То прими это и забудь.
Не ищи ни на что ответ,
Твой вопрос – это есть твой путь.

МАЛЬЧИК

Это Бог или мальчик, но кто его разберет?
Он красив и строен, на молодость и расчет.
И глаза раздевают, и пахнет как сад цветов,
Очень сложно с ним не пожинать плодов...

Он же на самом деле твоя беда, тюрьма.
Он строит такие желанные города, дома,
Он кажется тебе лучшим из всех мужчин,
Но мало что смыслит в истинности причин.

Ты рабской своей природой его причал.
И кто-то жестокий вас на небе повенчал.
Ты лепишь разных качеств из пустоты,
Ваяешь ему обожаемые черты.

А он от чертей засланный казачок,
Подставит тебе шипованное плечо.

НЕ ПОЛОЖЕНО

Я не жалуюсь тебе. Не положено.
Ты свободный, но не мой. Сложно всё.
Мы чужие и чужими останемся,
Так и не сойдясь, мы расстанемся.

Долг. Кольцо. И я клялась перед Господом,
Что я с ним навсегда. На простыне
Только для него стан мой в обжиге...
Ты меня не тронь. Не положено.

ГАДАНИЕ НА РОМАШКЕ

Он приходит ко мне под утро
Чисто выбрит.
Из жизни выбит.
Что он хочет – я помню смутно.

Он бросает свою рубашку
Весьма устало.

И одеяло
С меня срывает, как лист с ромашки.

И так небрежно мой день разрубит,
А посему –
Не доставайся же никому!
В итоге: любит, ещё раз любит...

БЛИЗКАЯ ДИСТАНЦИЯ

Не пишется двадцать дней.
Хвастаться нечем? Поплачься.
Я с тобой растеряла друзей
Мнимых и обозначенных.

Только какие теперь друзья
В этот век технологий?!
Мне и тебе открываться нельзя.
Вместо сюжетов – прологи.

Вместо тепла – стальная рука,
Вместо кафе – автостанция.
Так неведомо далека
...близкая дистанция.

ОБИДА

Моя обида приходит молча,
без приглашения.
Рассмотрю-ка её воочию,
установлю отношения.

Как никак, двадцать лет терпимся.
Я ей шлю приглашения, а в ответ:
«Заскочила отметить!»

А пока не время, мне не звони,
пережди, перемелется.
Всё равно ведь после любви
встретимся...

Я, КАК СРОЧНИК, УШЕДШИЙ НА ГОД ...

Я, как срочник, ушедший на год,
Из родных и знакомых комнат
От людей, что готовы плакать,
И хвататься за телефоны.

Если вдруг от меня не приходит
Ни вестей, ни открыток дешевых,
Мама, папа, наш мир возводит
Телешоу на телешоу.

Всё наброски и зарисовки,
Сто историй о нас – бесславных.
Обрекая на роль в массовке,
Обещая, что будет главная...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

У тебя за душой мои мысли о том,
Почему мне не близок родительский дом,
Что я наскоро клеила, что берегла,
Как в моем подzemелье душевном дела.

И когда меня кожа мурашками выдаст,
Даже если сама я по чувствам на вырост...
Как ты все это держишь в немых берегах,
Когда тихо качаешь меня на руках?..

Антон СКОРЫЙ
г. Братск

* * *

Темнело небо; солнце сонно
Зевая, спряталось в волнах,
Его роскошная корона
Теперь как будто солона.
Дождь припустил, танцуя польку,
А ждущий путников причал
Порывам ветра вторил только
И, словно волк морской, ворчал.
Хотел своё поведать горе
Качающей песок волне.
Давно не видел парус в море –
Что грезился ему во сне.
Мне хочется уплыть порою,
Но время спрятано в часах,
И день с ночью мглою спорит,
Рождаясь в солнечных лучах.

* * *

Неделю нежно солнце греет,
Неделю плачет талый снег,
И скоро звонкий смех апреля
Услышит сердцем человек.
Растают белые сугробы,
Проснутся первые цветы,
Ручьи помчат по лесу, чтобы
В нём стало больше красоты.
Ковром салатovým застелет
Трава, сменив уставший снег.
Ещё чуть-чуть, и смех апреля
Услышит сердцем человек.

* * *

Вхожу в туман я, замираю
От резких звуков:
невпопад
Бормочет что-то ночи эхо,
Осенний листопад шуршит.
И лай напуганной собаки
Ко мне издалека летит.
И резко стихло всё, один я
Стою среди слепых домов.
Я чувствую своё дыхание,
Биенье сердца. Темнота
Ползёт ко мне, и скалит зубы,
Свет поедает фонарей.
Внезапно ночь назад шагнула,
Мгновенно изменился мир:
Сноп света вдруг поднялся в небо,
Туман и мглу он ослепил,
Развеял страх, спугнул ненастье.
Глазам дал видеть красоту
Рассвет, ещё немного сонный.
И заколдованной рукой
Я начал рисовать словами
На белом, словно снег, листе
Изображать немое утро.
Чудесная картина вышла.
Есть сотни слов, чтоб описать
Всю прелесть нежного рассвета:
Слиянье солнца и луны.

УЛИЧНЫЙ МУЗЫКАНТ

В переходе играл музыкант одинокий,
Пальцы струнами в кровь, несмотря на мороз.
Он мотив напевал столь простой и глубокий,
Что растрогал гитару до слез.

Едким смехом в коробке звенели монеты,
Быстро брошены чьей-то небрежной рукой.
Вместе с мусором и несчастливым билетом,
Что в кармане пылился с зимы позатой.

И казалось, что мир вдруг оглох, голос альта
Заглушал шум сапог, разговор ярких див.
Словно нежный цветок через толщу асфальта,
Прорывался наружу прекрасный мотив.

Мир бежал, мир отчаянно к счастью стремился,
И пытался сберечь каждый прожитый миг.
Лишь один из прохожих вдруг остановился –
Сединой облюбованный дряхлый старик.

Слепо щурясь, он сел на холодном бетоне.
Горечь струн с табаком он вдохнул не спеша,
И заплакал... Один из немногих он понял –
Этот тонкий мотив слышит только душа.

ИСТИНА В ВИНЕ...

Ты говоришь, что истина в вине.
Но друг мой, как свершится Божья воля,
Ты вдруг поймешь, что суть не в алкоголе,
А в том, что глубоко в душе на дне.

Живет вина. Занозою свербит,
И так давно, что стала боль привычной.
И в обществе вдруг стало неприлично
О ней и вспоминать, и говорить.

Но в том, что нам безрадостна страна,
И мы с тобою, друг мой, виноваты.
Мы вечно строим с краю наши хаты,
А балом нашим правит сатана.

И общество живет в кошмарном сне,
Где истина рождается в бокале,
Где совесть на купюры променяли,
А честь уже давно горит в огне.

Нас всех трясёт в агонии вины,
И я отдам последние одежды,
За то одно, что искорки надежды
В глазах моих детей пока видны.

ТЕНИ

Сердце, заросшее тернием лени.
В слабости вязкой реальность размыва.
Приступ хронической неполноценности –
Снова регрессия вызвана бытом.

Серые будни водою проточною
Капают, точат и нервы и душу.
Часто пульсируют доли височные,
И равновесье душевное рушат.

Воздуха мне! Хоть плоток, на мгновение!
Запах свободы и взгляд соколиный.
Мне бы успеть и набраться терпения,
Прежде чем снова затянет рутина.

Мне бы идею – спасительным прутиком,
Чтобы сильнее за него ухватиться.
Мне бы хорошего, сильного спутника –
В теплых руках навсегда затаиться.

Только не встретить, такого, похоже, мне.
Нет уникальных среди ширпотреба.
Мы друг для друга всего лишь прохожие –
Тени под бездной холодного неба.

НЕЧТО

Люди! А что если с нами рождается нечто?
Дремлет годами, уютно закутавшись в тело,
Чтобы однажды мы сделали так, как ОНО захотело,
На удивление всем незнакомым и встречным.

Кажется так, неуверенный в собственных силах,
Юный поэт пишет строки под чью-то диктовку.
Я эту силу звала своей музой-плутовкой,
Только она мою душу и жизнь захватила.

Прыгает вместе со мной в повседневное пекло.
Ночью глубокой внезапно лишает покоя,
И просыпается одновременно со мною.
Делает так, чтобы все на мгновенье померкло.

Стелет мне путь серым пеплом сгоревших мечтаний,
Из побуждений великих плетет мне одежды.
Душу мою наряжает в доспехи надежды,
В красках рисуя ничтожность завоеваний.

Страшная сила, которая страх презирает,
В каждом из нас либо действует, либо лишь дремлет.
Кто отвергает её и намёкам не внимлет.
Не забывайте – не вы, а ОНА выбирает.

ВЕСНА ПЕРЕМЕН

Асфальт занемог и расклеился вместе со мною.
Фундамент снегов оказался на деле пустышкой.
Я вижу, как мир потянулся душой за весной,
Пытаясь исправить измятую шапками стрижку.

Еще не пора, обновление идет постепенно,
Еще сладким сном дремлют льдины у края залива.
Лишь семенем в сердце пускают росток перемены,
Весенним цветком просыпаются неторопливо.

Заплавав, зима от обиды оставит нам пропасть,
Размытую снегом. И грязь равнодушного мира
Потянется к нам, обещав утопить нашу робость
В предвыборной гонке за нового псевдокумира.

Остаться? Послушать чужие весенние трели?
Увольте, весна – это время цвести и меняться.
И раз эту пропасть вы в страхе не преодолели,
Тогда отойдите и дайте-ка мне разбежаться...

ПАПА

Серый город устало вдохнул в себя ночь,
Чтоб к утру ее выплюнуть с кашлем.
Я впервые пишу тебе, верная дочь,
Неожиданно ставшая старше.

Я стучусь к тебе в душу,пусти, обогрей!
Спрячь меня за невидимой стенкой.
От обид и от зла, от молвы, от людей!
Я как в детстве – хочу на коленки.

Я хочу, как и прежде, гулять под луной,
Чтобы семечек много в кармане.
Чтобы страшный секрет только мне лишь одной,
И ни слова догадливой маме.

Наше зеркало кто-то разбил на куски –
Без тебя – я лишь часть отражения.
Календарь я терзаю в порывах тоски,
Оставляя лишь день возвращения.

Задевает луна горизонт вечных крыш,
Тянет ночь меня в сон мягкой лапой.
Я считаю часы, когда ты прилетишь,
Ты бы знал, как я жду тебя, папа!

ДЕДУШКА

Остаток сил в комок собрал
И тихо взял меня за ручку.
Губами в ухо прошептал:
«Люблю тебя, спасибо, внучка».

И в сердце лопнула струна.
И там, где смех царил, веселье,
Вдруг воцарилась тишина,
Которой не было доселе.

И пусто стало на земле.
И жизнь теперь на «до» и «после»
Разделена. И ты ко мне
Внезапно не приедешь в гости.

Не улыбнешься мне в ответ,
Открыв семье навстречу двери.
Который год тебя здесь нет,
А я в то до сих пор не верю.

Который год веду я счет
Минут, прожитых не с тобою.
И без тебя мой сын растет.
Он не знаком с твоей судьбою.

Я расскажу ему потом,
Что дед имел большое сердце.
И вновь войду в тот тихий дом,
Где навсегда осталось детство.

ПЕВЧАЯ

С птицами встала, зарю встретив жаркую,
Крестик поправив на тонкой цепочке.
В русые волосы ленточку яркую
Крепко вплела и закрыла платочком.

«Благослови» прошептала в волнении,
Поцеловав еще спящую маму.
И побежала во благостном рвении
В сторону Свято-Успенского храма.

Тихо лампы горят пред иконами,
Скрипнули доски под детской ногою.
Лики святых одарила поклонами,
Крест сотворила дрожащей рукою.

Что же ты, милая, вся в нетерпении,
На литургию пришла больно рано?
Батюшка дал ей благословение –
Петь ей на клиросе первым сопрано...

Ангельский голос завел «Херувимскую»,
Будто душа вместе нею запела.
Тихо пускает слезу материнскую,
Каждый, чью душу молитва задела.

Тихо во храме – на клиросе девочка
Тянет «Царице моя» с вдохновением.
Ангел пречистый, с косой в яркой ленточке,
Просит для каждого благословения.

ПЬЕСА ЖИЗНИ

Когда закат прощальными лучами
Мое окно тоскливо умывает,
Я запасаясь чистыми листами,
Смотрю, как день безмолвно затухает.

И под игру небесных канцелярий
За словом слово, в ряд ложатся строчки –
Пишу опять свой сумрачный сценарий.
И никогда в нем не поставлю точку.

У этой пьесы есть одно начало,
Один финал и лишь одна актриса.

И я бы вам развязку подсказала,
Но мне, увы, нет входа за кулисы.

Откуда с поразительным упрямством
Идут второстепенные актеры –
Шуты, друзья, предатели, начальство,
И прочие шальные волонтеры.

В моем театре вход всегда бесплатный.
Увидеть пьесу можно даже с крыши.
Смотрите же мой жизненный спектакль,
Пока финал мне кто-то пишет свыше.

ЛЁЛЬКА-БАРАБОЛЬКА

Зацвела черемуха, пчелы у колонки
Пьют с травинок утренних капельки росы.
Выбегает из дому босиком девчонка –
Волосы растрепаны, майка да трусы.

Солнце греет ласково, брызги бьют фонтаном,
Умывальник звенькает, вторя воробьям.
Этот день – особенный. Все проснулись рано.
Едет в поле дедушка, к травам и цветам.

Пирог под тряпочкой, огурцы на дольки.
Косы белокурые бабушка плетет.
«Бам!» – смеется дедушка, Лёлька-бараболька!
Напугал родимую и с собой берет.

Поле – степь бескрайняя, ни души, ни звука.
Ветер гладит волосы и свистит коса.
Под травой высокою спит как будто чутко
Внучка белокурая. Русая краса.

Стоги сена свежие сладко пахнут летом,
Счастьем и свободой, искренней мечтой.
Дивный мир, оставленный в неизвестном «где-то»,
Покидает дедушка – держит путь домой.

И смеется ласково, Лёлька-бараболька,
Не устала, милая? Что ты, дед. Ничуть!
Я спала на солнышке пять минуток только!
Завтра помогу тебе!

Только б не уснуть.

ЧАЙКА И СВОБОДА

Крик волнующий, тревожный.
Море. Легкий свист.
Тьма на дне чудес, возможный
Без надежды риск.
Крылом махнув, разбиться вновь о волны,
Обломки перьев уплывают в никуда,
И день за днем одни лишь только волны,
Полеты, смерть, кровавая еда.
И знаешь, что лишь ты решаешь, кто ты,
И можешь ввысь взлететь и резко утонуть,
Пикировать, клонясь на повороты,
Взорваться вновь, над волнами вспорхнуть.
Любя, живя, дыша придуманной свободой,
Ломая перья в буре голубой,
Кружиться в танце и, сводя с ума природу,
Быть разной, но по-прежнему собой.

МАСКА

Нам кажется, что мир наш идеален,
И мы в нем будем теми, кем хотим,
И закрываем мы глаза свои очками,
Навстречу жизни мы своей летим.
Мы думаем, что нет на свете смерти,
Убийств, насилия, предательства и зла,
Не верим, так не хочется нам верить,
Пока не станется какая-то беда.
Она случится, и очки мы снимем,
И мир вдруг рухнет на глазах,
Он станет серым и невыносимым,
И будет сердце все в слезах.
И когти злости будут нас царапать,
И жизнь подножки ставить каждый шаг,
Вставать мы будем, и не надо плакать,
Судьба нам даст, хоть маленький, но знак.
Мы справимся с проблемами и болью.
Пусть было трудно, и дрожание в ногах,
Но предстоит пойти по жизненному полю
Уже не в розовых очках.

ВЕРНОСТЬ ОТЧЕЙ ЗЕМЛЕ

Если бы мне предложили охарактеризовать поэзию Андрея Румянцева в нескольких словах, то я не нашла бы слов более точных, чем подлинность и честность, органичность и естественность. И еще – душевная доброта. И была бы не одинока в своем впечатлении. Именно эти слова многие критики и соотечественники по перу в разное время использовали в разговоре о поэте, указывая на особенности его художественного мира.

Примечательный отзыв был высказан московским поэтом Александром Дориным: «В стихах А. Румянцева есть тот камертон, которому отвечает поэзия высшей пробы – это когда при минимальных художественных средствах достигается удивительная сила чувства, переживания, когда глубина мысли гармонично сочетается с художественностью образа, – от чего и слеза на щеке невесома, и душа затаивается в думе глубокой».

«Поэзия высшей пробы» – такой похвалы мало кто удостоивался из современных стихотворцев. Казалось бы, что можно сегодня добавить к уже сказанному? И все-таки каждый читатель поэзии Румянцева вправе опереться на свои и только на свои ассоциации, переживания, и его отклик, основанный на собственном восприятии слова поэта, будет глубоко индивидуален.

В своей книге «Кастальский ключ», цитируя скорбные строки русских певцов о родине – «свитке сыновних откликов на беду матери», поэт писал, что крупные поэты страдают одним страданием – болью за свою Россию. Что ж, слова эти лишний раз свидетельствуют о принадлежности самого Румянцева к поэтам – верным сыновьям своей родины-матери. Верность – вот тот стержень его поэзии, который и составляет ее суть.

И здесь читатель прикоснется к очень важной особенности поэта – это верность традициям русской поэзии. Наиболее близки Румянцеву, по моему убеждению, Есенин и Лермонтов: один – своей кровной, генетической связью с малой родиной, бесконечной болью за большую, второй – все той же «странной» русской любовью к Родине. Признание в любви к ней одного поэта: «Но я люблю – за что, не знаю сам» – перекликается с поэтической формулой другого: «Но люблю тебя, родина кроткая! А за что – разгадать не могу».

Это прикосновение к русской тайне, загадке русской души и делает Андрея Румянцева подлинно национальным поэтом. Верностью традиции, этой тревогой за Россию, в очередной раз поруганной, обманутой, но по-прежнему твердо стоящей на ногах, отмечены все книги, отдельные циклы, литературные эссе, прозаические произведения поэта – нашего современника.

Продолжая мысль о главном свойстве поэта – верности всему, что ему дорого – России, русской культуре, родной байкальской деревне, любимой женщине, делу всей жизни – поэзии, разумеется, нельзя не сказать об эстетическом кредо поэта, которое выражено в его многочисленных стихах-размышлениях о творчестве. Эта тема неотступно преследует Румянцева, как, впрочем, каждого истинного художника. За этим кредо – не просто лирическая исповедь, а мировоззрение, философская картина мира:

Не называй себя поэтом,
Ведь это роща, где стою,
Пугая тьмой,
Лаская светом,
Творит поэзию свою.

Не называй себя поэтом.
Ведь это горы, что горят
В закатный час небесным светом,
Свою поэзию творят.

Опять о счастье ли,
Утрате ль
Грустит река,
Скорбит листва...
Поэт – он только наблюдатель,
Передающий их слова.

(«Не называй себя поэтом...»)

И здесь важна снова верность своей музыке, своей песне, прежде всего звучанию русских песен, услышанных еще в детстве.

Песни русские,
Кто вас складывал?
Время ль скрадывал?
Душу ль вкладывал?
Кем вы потеряны?
Кем вы найдены?
Вы тети Верины?
Иль тети Надины?

(«Русские песни»)

В наступивших горьких временах и песни слышатся такие, что выглядят нелепыми, как и поэт, владеющей музыкой сонета, и прославленный музыкант «при легкой скрипке, тоненьком смычке»; ведь и того, и другого здесь, в российской глуши, вряд ли можно было бы назвать нарциссом, лучше – осотом («Поэт»).

И все-таки музыка не замолкает: наперекор беде и боли раздаются «голоса чудесные», которые таятся в лопухах, крапиве, любой земной мелочи, и «когда они звучали / У каждой травки теплилась слеза, / И деревья навтыяжку стояли, / И сладко обмирали небеса».

«Поэт, похожий на свою родину» – так назвал Румянцев эссе о Есенине. А разве нельзя так же назвать и самого Румянцева? Разве не соответствует чистоте и духовной силе Байкала его поэзия? Разве его не научила родная земля мужественному приятию нелегкой судьбы, открытости чужой беде и боли, бесподобной искренности его исповедальной лирики? Да, только верность отчей земле, которой наполнены все его творения, и делает Андрея Румянцева изумительным русским поэтом.

Светлана ИМИХЕЛОВА,
профессор БГУ, доктор филологических наук

РОДНИК ПОЭЗИИ

О НОВОЙ КНИГЕ ТАТЬЯНЫ ЯСНИКОВОЙ

Странное нынче время, заплутавшее промеж трёх дорог, как если бы на-чисто утонувшее в словоблудии. Едва ль не модными сделались словесные упражнения, замешанные на вранье. Это происходит чаще с теми, кто нынче вошёл во власть. Но страдают словоблудием и не чиновные люди, пуще дру-гих поэты и прозаики, или те, кто себя таковыми считает. Иной раз послуша-ешь кого-либо из них, и диву даёшься: «Господи, да откуда ж у него всё это бе-рётся? Небось сам-то до конца ни одной книжки в своей жизни не дочитал. Да и когда бы ему заниматься чтением? До сей поры одно только и беспокоило: «Где б урвать денежку?...» Ну, урвал... А дальше что? А дальше вдруг появи-лось желанье сделать что-то этакое, чтоб про тебя заговорили в газетах да не телевидении. И как этого добиться? Ну, конечно, надо подаваться в литерату-ру. Куда ж ещё-то?... И тянется к компьютеру отчаянный и кропает стишки. «А чего стесняться? Иль я хуже какого-то там?...» Вот и появляются на прилавках книжных магазинов разные словоблудные сочинения полуграмотных людей. Чаще стишки. На прозу-то сей автор ещё не тянет. Но да впереди есть время. Грустно! А ничего не поделаешь. Свобода слова!..

И как же становится хорошо на сердце и радостно, когда вдруг да попадёт в руки книга настоящих стихов, от сердечной боли отъятая, к вечно непости-жимой Истине подвигающая. Именно это чувство я испытал, когда прочитал новый сборник известного поэта Татьяны Ясниковой «Родник», днями вышед-ший из печати. Впрочем, я и не ожидал в данном случае ничего другого. Уже давно знаю этого автора как настоящего мастера, прекрасно владеющего по-этическим словом, имеющего свой взгляд на всё, что происходит в жизни и в литературе, обладающего «лица необщим выраженьем».

В предисловии к своей книге Татьяна Ясникова пишет: «У меня всегда была хорошая интуиция. И она меня звала к дистанции – не увлекаться ни-чем ложным. Легко ли, тяжело ли от того, что настоящего, твёрдого так мало, особенно в мире слова? Привычно. Логика включена в хаос, а не наоборот, и мнения не относятся к истинам».

Это её кредо. И она неустанно следует ему, хотя бы порой и горько и боль-но бывает от встречи с тем, что происходит на отчине.

В стихотворении «Родник», который открывает новый сборник, Татьяна Ясникова пишет:

Уходя далеко
От толпы человеческой,
Ты увидишь родник поэтической речи.
Он невнятные слёзы роняет один на один,
Разливает ручей, уходя от болотных трясин.
То не жизнь и не смерть,
То глядит глубина,
И доносит зеркальную тайну она
Тихо-тихо.

Так попробуй меня отыщи
В этой чудной смолистой забытой глуши.

А мы попробуем, чего ж?!..., как она сама говорит, «уходя в книгу как в загадку известного и неизвестного». Прежде всего, хочется сказать, что стихи Татьяны Ясниковой не для лёгкого, поверхностного чтения, к ним надо подходить как к близким по духу людям, вдруг осознавшим бессмысленность суеты, её пагубность для души. Я так и постарался сделать и понял, сколь безмерна сердечная боль поэта, его неустроенность в привычной для нас жизни. Наверное, это было всегда, коль поэт не прятал голову под крыло, а порой намеренно, хотя и сам едва догадываясь про это, подставлял её под злой ветер судьбы:

Я принимаю чашу пространства
Из молчаливых рук.
Не выпить ни в жизнь, и не надо бояться
Тёмных раскаянья мук.
Ведро почерпнёшь из реки неуставшей,
Это замкнётся круг.
Столь же прозрачно оно, настоящее,
Вычерпать недосуг.

Или:

Прошлое вечно темно,
Столь дела его неприглядны.
Что же светят порфир и алмаз,
Ворох веток горит беспощадно...
Что ж звезда светла
Среди сумрака летнего ночи...
С нею ищешь тепла.
Что-то смутное хочешь,
На острые камни ступая:
Путь ли, время ль иное...
Тоска неземная ночью.

Не правда ли, великолепные строки! И как много тяготной, утопающей в земной неприютности энергии несут они с собой. И некуда деться от неё. Но почему-то и не хочется ничего страгивать в душе, переполненной ощущением неизбежности людской жизни, в которой чего только нету, но меньше всего радости. От этих строк вот такое чувство рождается, подталкиваемое некой смутной, смута эта особого свойства, она не угнетает, но и не подвигает к какому-то берегу. Она как бы даёт возможность читателю самому выбрать: с кем идти и куда проляжет его тропа?..

Татьяна Ясникова – поэт-символист, она мыслит категориями высшего разряда, это и отчая земля, часто впадающая в отчаяние и, тем не менее, на самом крутом повороте умеющая одолеть окаянный бесовский гнёт и осознать себя надобной не только людям, а и зверю, большому и малому, и тайге-матушке, страдающей от людского неразумья и неспособности сделаться благо несущей частью сущего, это и высокое небо, преисполненное достоинства и божественной необозримости, близкое и понятное каждому, кто способен,

одолев привычную для людей робость, окунуться в ту благодать, что исходит от него и дарует надежду, это и живительная сила человеческой мысли, которая возносит слабого духом и подвигает к Истине. Про неё, едва сознаваемую, как бы даже ускользящую от людского взгляда, точно бы пугаясь, Татьяна Ясникова пишет часто, имея откровенное намеренье проникнуть в тайну её неземной жизни. Она не оставляет этих попыток даже когда на сердце у неё делается невыносимо грустно и вроде бы уже ни к чему не подвигаемо. Но в том-то и дело, что природа истинной поэзии такова, что вдруг да и стронет творца с тягостного душевного состояния, и тогда углядится впереди небесный свет, дивно напоминающий божественный, в неземных пространствах рождённый, хотя нередко и питаемый земными соками. И тогда рождаются такие строки:

Духовные горы эти кто-то воздвиг,
Их спутники – тучи, что никнут, легко озираясь.
Меня как магнитом притянет торжественный миг,
Которому я отдаюсь, на хребты поднимаясь.
Ступая по камню, всё больше я вижу окрест,
И шёлково шепчет в низинах струящийся лес.
Он корни свои окунает в мыслительный прах.
И слепнут они, будто и – не бывали в горах.
Всё ближе я к солнцу – но канет за синей страной.
И вижу я – камень молчащий и скальные тени со мной.
Бурлит, закипая, расщелина сильного дня.
Там воды святые, там быстрая Лета видна.
И солнца не надо, не надо и жизни другой,
Лишь только бы стать этой горно поющей водой.

Когда говорят о поэзии, я имею в виду поэзию, не запятнанную и малым подражанием, самодостаточную, обыкновенно имеют в виду духовную силу, которую она несёт с собой. Так было всегда. И я очень надеюсь, что и ныне, столкнувшись с душевным людским неурядьем, она не исчезнет вовсе. И то, что я прав, доказывают стихи Татьяны Ясниковой, включённые ею в сборник «Родник». Сама она вот как объясняет это: «Родник» – напоминание о символическом ключе этого мира. Родники сохранились в дебрях и горах, и мне хотелось, чтобы читатель так же относился и к моим стихам из этой книги. Я родилась в прибайкальском селе, для меня таким родником является и Байкал. Родись я в городе, вряд ли имела бы такое пространственное мышление, которое меня и спасает».

Её новый сборник – это воистину ключ, открывающий дверь в мир настоящей поэзии. Но ещё это и ключ к пониманию души человека, нынче необычайно раздёрганной, нередко не умеющей обрести надежду на дорогах жизни. Она хотела бы, чтобы и они могли сказать о себе её словами:

С другими себя не сравню,
А с Солнцем, с Луною.
Как слабо, как слабо горю
Над стылой водою.

Мы все в отражённом тепле
Тихонько мерцаем.
А гордость идёт по земле,
Костями бряцая.
Я так высоко, высоко –
Мне некуда падать.
Я жизни не знаю другой:
Другой мне не надо!

Спокойно и ровно, не повышая голоса, она говорит о самом сокровенном, ничего не утаивая и не прячась за красивыми словами. Её лирический герой весь на виду, порой радующийся неожиданному светлому открытию, которые так редки в этом мире, порой страдающий от неизбежности людского неурядья и невозможности увидеть свет в окошке. Что ж, на то она и жизнь, чтобы каждодневно преподносить загадки. Да будут они хотя бы изредка решаемы нами, грешными! И про это, как и про многое другое, читатель узнает из нового сборника талантливого русского поэта Татьяны Ясниковой. Да сделается у него на душе после такого узнавания светло и подвигаяще ко благу!

Ким БАЛКОВ,
лауреат Большой литературной премии России,
лауреат Государственной премии Бурятии
и литературной премии Иркутской области